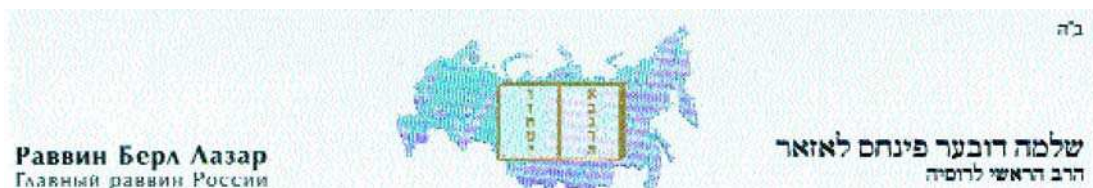

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ЯНВАРЬ
2003

ШВАТ
5763

N 1(129)

«А ИДИШЕ МАМЭ»

- мэра:**
- Сарра! Как у тебя дела?
  - Слава Б-гу!
- Идут они дальше, и мэр спросил: кто это был?**
- Однокурсник Хаим, когда-то мы думали пожениться, – ответила жена.
  - Вышла бы за него и была бы женой какого-то строителя, – сказал мэр, – а так стала женой мэра.
- Если бы я вышла за него – мэром Хайфы был бы он.

... Женщина в еврействе всегда занимала важнейшее место: недаром на иврите ее называют «акерес а-байс» «корень дома». Главная в доме – жена. Одного еврея на его «золотой» свадьбе спросили: как получилось, что они с женой всю жизнь сохраняли теплые отношения?

– Поженившись, мы решили: главными вопросами занимаюсь я, а всем остальным – супруга, – ответил он. – Например, за кого голосовать – решаю я, и о политике на Ближнем Востоке слово – за мной. А мелочами вроде: кого пригласить в гости, какое образование дать детям и прочими текущими вопросами занимается жена...

Муж – работает, приносит в дом деньги. Но каким должен быть дом, как воспитывать детей – эти жизненные вопросы решает жена. И именно женщине доверено сделать дом по-настоящему еврейским. Так что атмосфера и отношения в доме зависят от жены.

Ныне женщины эмансипированы, они победили в борьбе за равные права с мужчинами, за полное социальное равноправие. И в этом нет ничего плохого: если жена имеет возможность заниматься и домашними делами, и общественными, то это – ее право! В иудаизме это – нормальное явление. Но жена должна понимать: главное – то, чем она занимается дома. Если женщины хотят иметь такие же права, как мужчины, то тем самым они снижают свой статус и свое положение в еврейской семье.

В иудаизме женщина всегда ставится выше мужчины. Недаром и в синагоге места для женщин располагаются выше. Сарра и вообще все наши праматери действительно были в религиозной иерархии по статусу выше мужчин-праотцев. Когда Авраам хотел удержать дома своего сына Ишмаэля, Сарра сказала: нужно его отослать, ибо он мешает воспитанию второго сына – Ицхака. И Б-г повелел Аврааму: «Все что Сарра тебе скажет, слушайся голоса ее...» (Тора, Вайро, 21:7).

Вот и всем нам нужно прислушиваться к голосу женщины, особенно в вопросах будущего нашего народа, который всегда видел женщину центром еврейской жизни. Несмотря на то что она старалась всегда быть в тени, она не стала менее уважаема и всегда имела огромное влияние на все происходящее. Многие женщины были пророчицами, героинями.

Талмуд очень интересно объясняет роль жены: «Кошерной считается жена, умеющая сделать желание мужа». Именно сделать: не выполнять его желания, а уметь их формировать. Мужчина обычно не принимает мнения другого человека: мол, кто он такой, чтобы указывать мне, как себя вести?! Да я умней, и у меня опыта больше! Но вот кто

действительно может изменить точку зрения мужчины – так это его жена. Если жена любит, уважает, кормит, выполняет желания мужа, то она – единственная, кто может верно направить его мысли. Талмуд объясняет: жена единственная может воздействовать на мужа. А что муж, пытающийся изменить жену силой? Ведь сила, как известно, не меняет человека, а ломает его! Жена же старается, чтобы дома был мир. Когда супруги любят друг друга, у нее есть все возможности получить все, что она хочет.

Как она будет действовать, как добьется этого? У женщин подход правильнее, чем у мужчин. Главное – жена создает атмосферу дома, воспитывает детей. Эта миссия дана ей свыше, и она столь важна, что наши мудрецы говорят: от выполнения многих заповедей, которые являются обязанностью мужа, жена освобождена. Ведь есть два вида заповедей: исполняемые в какое-то определенное время, и те, что выполнимы когда угодно. Важно не помешать главной миссии жены, – воспитанию детей. Вот жена и обязана соблюдать только те заповеди, что выполнимы в любое время, а если есть возможность – то и остальные. То же и с работой за пределами дома. Есть время и возможность – жена может заниматься и общественной деятельностью. Главная же ее задача – строить еврейский дом, строить будущее еврейского народа.

Женщины нередко сетуют, что хотели бы иметь еще детей, но заняты: как вдруг отложить все и рожать? Но никакие дела не сравнятся с важнейшим – рождением еще одного еврея! Нельзя отказываться от нахес фун киндер – «удовольствия от детей». Раньше в каждой еврейской семье было по десять детей, а то и больше, вот это и было главным героизмом наших женщин!

...Однажды, желая задеть раввина вполне современных взглядов, спросили: чем занимается его жена?

– Открыла приют для беспризорных детей, – ответил раввин.

– Ваша жена так открыта для общества? – восхитились вопрошавшие.

– Этот приют в нашем доме, а дети эти – наши, – пояснил раввин. – И если бы жена занималась какой-то другой работой, то наши дети были бы действительно беспризорными.

Иудаизм одним и полноценным человеком считает обоих супругов – слитые вместе половинки семьи. Он и она поодиночке – всего лишь половинки человека. И о чем чаще всего говорят евреи – так это о своей еврейской маме: ведь в ней они всегда видят опору. Вспоминают, как мама их кормила, лечила, воспитывала, была строга и в то же время – добра: хотела, чтобы ее дети получили все самое хорошее! Это и есть «а идише мамэ», и мы о ней всегда помним...

Недавно я видел, как на улицах Москвы празднуют «День матери» – как и во всем мире. И подумал: а почему в нашей религии нет такого красивого праздника? Но тут же успокоился, вспомнив: просто у нас каждый день – День Матери. Каждый день мы помним о наших мамах, уважая их. Они дали нам жизнь. И нужно, чтобы наши девочки вырастали еврейскими мамами: только тогда этот праздник будет для них каждый день.

Главный раввин России Берл Лазар

МИР СНОВ

Когда книга Брейшис переходит к рассказу о Йосефе, повествование движется от одного сна к другому. Сны Йосефа настраивают против него братьев настолько, что они продают «сновидца» в рабство (37:5-11, 19,20). Затем сны виночерпия и пекаря фараона, которые Йосеф истолковывает в темнице (40:5-19). И, наконец, сны фараона: их истолкование было началом возвышения Йосефа. В конце концов тот стал вторым лицом в самой могущественной империи на тогдашней земле (41:1-44).

В итоге все эти сны повлекли за собой Египетский Плен – голус: само это слово на иврите означает «изгнание».

То был первый плен, выпавший на долю Израиля – источник и прообраз всех последующих изгнаний (см. Брейшис Раба, 16:7; Ликутей Тора – Аризал, гл. Сейцей). Сыны Израиля осели в Египте и позже были поработаны египтянами. Во дни Египетского пленения многие из евреев поступились духовными высотами, достигнутыми прежде народом Израиля, и почти уподобились своим поработителям (см. Мехилта, Шмойс, 14:29; Ялкус Реувени, там же, 27; Зогар, ч. II, 170б; Зогар Ходош, начало Исрой; Нахманид, Шмойс, 12:41). Когда Б-г захотел спасти народ Израиля, Ему пришлось «взять Свой народ из среды народов» (Дворим, 4:34). И пришлось явить Себя в самом средоточии жизни Египта, чтобы отделить избранный народ от окружающей его массы, тронутой духовным разложением, какого ни до ни после не знала история.

Искаженная реальность и явь

Восприятие во сне свободно от контроля рассудка. Во сне присутствуют весь опыт и стимулы, известные нам из «реальной» жизни: зрительные образы и звуки, мысли и поступки, все то, что радует и пугает днем. Все, с чем мы сталкиваемся во сне, заимствовано из дневной жизни, ибо «человеку снятся лишь его собственные дневные мысли» (Талмуд, Брохойс, 55б). Однако все это во сне спутано и попирает законы логики и достоверности. Во сне трагедия может стать поводом к праздничному веселью, родители могут быть моложе детей, а иной может даже увидеть, как «слон проходит через игольное ушко».

Голус порожден последовательностью снов, ибо сам голус в конечном итоге – сон. Это кошмарный, иррациональный фантазм, в который погружена вся планета и продолжающийся тысячелетия. Сон, где вознаграждается преступление, лучшие умирают молодыми, а избранный народ Б-жий подвергается истреблению – и палачам не грозит кара. Это сон, где правда истины редко имеет отношение к реальности и расценивается как «прекраснодушный идеализм». А сущности, лишённые бытия, – зло, невежество, смерть – играют в нашей жизни крайне важную роль: мы постоянно ощущаем на себе давление этих «мнимостей».

Искаженная реальность голуса пронизывает и наши жизни. Только в мире голуса человек может просыпаться утром, совершать очищение в микве – ритуальном бассейне, куда благочестивый еврей погружается каждое утро, совершая очищение прежде чем служить Б-гу, после чего погружаться в экстаз и самозабвение молитвы, изучать главу Торы, – а затем отправляться в офис, где день проходит в том, что он хитрит, попустительствует злу, манипулирует людьми. «Лицемерие» – не совсем точное слово для этого: во многих случаях молитва такого еврея вполне искренна, а его любовь к Б-гу и трепет перед Ним – вполне реальны. Но этот человек живет в мире сна, голуса. А там несовместимые сущности вполне могут бытовать бок о бок и переплетаться: для мира голуса это норма.

В реальном мире такой абсурд невозможен. Когда Священный Храм в Иерусалиме еще не был разрушен и от него в мир изливался Б-жественный дневной свет, ни один носящий в душе следы духовной нечистоты не мог приблизиться к Б-гу, пока не прошел

очищения. То, что Б-г — источник всякой жизни, а грех — отпадение от Бжественного порядка — синоним смерти, для тогдашних людей было не просто истиной веры, а фактом жизни.

Вот что говорит об этом Тания (Игерес а-Тшува, гл. 4-6). «В Писании, как и в словах мудрецов, мы находим представления о “коресе” (рассечении уз) и “миса бидей шамайим” — “смерти от руки Неба”. Если кем-то совершен грех, воздаяние за который — корес, то такой человек умрет раньше, чем ему исполнится пятьдесят, а если же [совершен] грех, воздаяние за который — миса бидей шамайим, то грешник умрет, не дожив до шестидесяти, а во многих случаях — немедленно. Почему же в любом поколении встречаются люди, что повинны [в таких грехах], но наслаждающиеся долгой и радостной жизнью?

Представление о коресе подразумевает, что связь, соединяющая душу с Б-гом, — канал, по которому к нам истекает от Него жизненная энергия, рассекается. Однако так было, когда Израиль стоял на более высокой ступеньке духовности, а Б-жественное присутствие воистину было явлено в Храме. Тогда жизненная энергия поступала в тело только через Б-жественную душу, от самых сокровенных аспектов потока жизни, исходящего от Б-га... Но после того как произошло отпадение от этого состояния и содеянное повлекло за собой “голус а-шехина” (то есть Б-жественное присутствие перешло в состояние изгнания и сокрытия)... а поток Б-жественной жизненной силы достигает нас посредством более низких и опосредованных процессов... совершившие прегрешение и несовершенные в своих слабостях могут получать жизнь для тела и для животной души...»

№àòùéó:óá

В реальном мире, когда-то нам явленном и где мы пробудимся, лишь только сон голуса рассеется, духовные законы реальности столь же очевидны и неизменны, как и физические законы природы.

Однако в нашем существовании внутри такой галлюцинации есть и положительный аспект. В реальном мире истинная связь с Б-гом существует лишь в контексте, когда человек верно соблюдает все Его установления, ни на мгновение не отступаясь от исполнения Его воли. В мире же сна, мире голуса даже неправедный или несовершенный может прикоснуться к Б-жественному. В реальном мире лишь душа, не имеющая ни единого пятна греха, может вступить в Святое Б-га. В мире голуса Б-г «находится у них, среди их нечистоты» (Ваикро, 16:16).

Мы изо дня в день ждем, что заря Б-га прогонит ночной кошмар, на протяжении большей части истории державший нас в состоянии духовных и физических инвалидов. Однако пока мы пребываем внутри этого сна, пусть сама возможность быть «непоследовательными» и «лицемерными» обернется к нашему благу. Пусть превысим мы меру данной нам духовности, пусть совершаем больше, чем могли бы при здоровой оценке наших возможностей и сил. Будем же стремиться быть лучше, чем мы есть. 1

Áàéñó

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ЧУВСТВА

И жил Израиль в стране Египетской,
в стране Гошен, и стали в ней оседлыми, и расплодились, и очень умножились.
Брейшис, 47:27

Этими словами Тора описывает начало первого голуса — изгнания еврейского народа, когда Яаков и семьдесят его детей и внуков снялись со Святой Земли и поселились в земле Египетской. Внешне, казалось бы, переселение обещало только блага для народа Израиля. Ведь один из сыновей Яакова, Йосеф, был в ту пору фактически правителем Египта. Для поселения евреям были выделены лучшие земли в стране — область Гошен. И, поселившись там, они осели на плодороднейших землях. Это дало возможность процветать всей общине и каждому ее члену, причем процветать как материально, так и духовно (ср. комментарии Раши на Брейшис, 46:28).

Однако обратим внимание на то, что выражение вайейяхазу, встречаемое в цитированном стихе, с иврита можно перевести двояко. И как «взяли ее <землю> во владение». И как «она ими овладела», откуда происходит русский перевод «и стали в ней оседлыми». Комментаторы указывали на оба возможных значения данного выражения. Так, Раши считает вайейяхазу производным от ахуза, означающего «держание земельного надела», «место поселения». Мидраш же толкует несколько иначе: «Земля захватила и поймала их... так порой насильно удерживают человека» (Тадшей, 17).

עֵתָאֵי עוֹא

Заметим: столь же парадоксально описано и отношение Яакова к его новому дому. С одной стороны, 17 лет, проведенные Яаковом в Египте, считаются самыми спокойными и лучшими годами его жизни (Баал а-Турим на Брейшис, 47:28). С другой стороны – Агода настаивает: Яаков переселился в Египет против своей воли, а только «из повиновения тому, что повелел Б-г».

Это утверждение Агоды на первый взгляд противоречит факту, что мудрецы видели в личности Яакова прежде всего меркаву («колесницу» или «повозку») Б-жественной воли. Ведь «все члены его были отделены от дел этого мира и были колесницей только для Высшего Желания всю его жизнь», учат Брейшис Раба (82:6) и Тания (гл. 23). Но тогда возникает вопрос: разве меркава повинуетея воле Б-га насильно, вопреки себе? На самом же деле именно потому, что все существо Яакова было совершенным образом настроено на волю Б-га, он ощущал свое изгнание в Египет как принуждение. Ибо Б-г и хочет от нас, чтобы мы полностью вложили себя в преображение среды, в которой мы пленены, и чтобы каждое мгновение испытывали стремление вырваться из этого состояния плена. Эта двойственность определяет наше отношение к состоянию голуса. Мы ведь знаем: не имеет никакого значения, насколько гостеприимна к нам страна, где мы оказались. Знаем: не имеет значения, каких материальных и духовных благ сподобились мы в этой земле, – все равно она остается нам тюрьмой. Знаем: состояние голуса приводит к деградации способности видеть духовным зрением. Это состояние препятствует нашей миссии как народа и разъедает нашу связь с Б-гом. Ибо, лишь будучи народом, живущим в своей собственной земле, где в центре – Священный Храм, мы можем ощутить Б-жественное присутствие в мире и воистину реализовать нашу роль «света для народов» (Ишаяу, 42:6) и полностью исполнить все мицвойс Торы, которые и животворят нашу связь с Б-гом. Однако также мы знаем: есть и иной смысл и цель нашего пребывания в состоянии голуса. Нам ведомо, что рассеяны по миру мы во имя того, чтобы повлиять на всех живущих и обогатить их от наших богатств. Знаем мы и то, что только в скитаниях и горестях голуса можем найти и искупить «искры святости» – те мельчайшие частицы Б-жественного, затерянные в этом мире, в самых забытых его уголках.

Итак, голус – это ахуза в обоих смыслах слова: надел земли, нуждающийся в обработке, и тюрьма, из которой мы хотим вырваться. По сути, это состояние может обладать одним из названных качеств только при условии, что оно обладает и другим. Если мы относимся к голусу только как к тюрьме, то окажемся не в состоянии воспользоваться богатством раскрывающихся перед нами возможностей. Но если будем чувствовать себя комфортно в чужой среде, то станем ее частью. А если станем частью реальности голуса – удержи нас от этого Бг?! Тогда мы обречены в тщете попыток изменить к благу все наше окружение и не сумеем его возвысить. Это равно попыткам поднять себя в воздух за волосы.

И потому, уводя в первое изгнание всех 70 членов своей семьи, 70 ростков, из которых народу Израиля было суждено произрасти, Яаков шел на это. Он поступал так «из повиновения тому, что повелел Б-г». Как колесница Б-жественного промысла Яаков не имел собственной воли, желаний или стремлений, отличных от воли Б-га. Но Яаков знал, что само желание идти в Египет его миссию в этой стране сведет на нет. Яаков знал, что тайна выживания Израиля в изгнании – в отказе смириться с этим изгнанием, в отказе принять это состояние как нормальное или приемлемое, более или менее желанное для еврея. Он знал: лишь тот, кто в изгнании остается чужаком, оказавшимся в чужой стране против своей воли,

преуспеет в превращении земли, где ему выпало поселиться, в свой надел и преуспеет в сборе духовного урожая.

Страх или боль?

Сознавая это, мы поймем: в комментарии Раши на стихи 3 и 4 главы 46 Брейшис скрыто глубинное значение. В Торе описано, как на пути Якову явился Б-г и сказал: «Не бойся сойти в Египет, ибо большим народом сделаю Я тебя там; Я сойду с тобой в Египет и Я также выведу тебя». Приводя эти слова, Раши прибавляет: «Потому чувствовал он боль из-за того, что необходимо ему покинуть [Святую] Землю». Основная задача этой фразы у Раши – объяснить причину страхов Якова и его нужду в Бжественном подтверждении правомочности этого шага. На глубинном же уровне Раши поясняет нам, почему страх этот был не оправдан. Б-г заверяет Якова: не следует бояться сойти в Египет, «потому что чувствовал он боль от того, что необходимо ему покинуть [Святую] Землю». Ибо Яков испытывал боль из-за необходимости оставить священную среду Земли Израиля, потому что он никогда не сможет чувствовать себя дома на чужой земле. И само это дало вернейшую гарантию: он и его потомки переживут Египетский плен и выйдут победителями из духовного поединка, перед которым поставило их изгнание. 1

Ááááè

ЯКОВ И РАХЕЛЬ

Раздел Торы Ваехи (Брейшис, 47-50) повествует о заключительных событиях жизни Якова: его последних распоряжениях, благословении детям, смерти, траурной церемонии и погребении.

Начало Ваехи — о просьбе Якова, обращенной к Йосефу: после смерти тело его отца Якова должно быть перенесено из Египта в Святую Землю для погребения и захоронено в пещере Махпела, которую Яков откупил у Эфрона-Хетта, – там уже покоились останки иных прауродителей народа Израиля.

А так как Яков знал, что эта просьба вызовет недовольство со стороны Фараона и тот станет ей противодействовать, то взял он с Йосефа клятву, что тот все в точности исполнит, как ему велено. И приводит вскоре Йосеф к Якову двух своих сыновей, чтобы они получили от него благословение. Но прежде чем благословить их, Яков обращается к Йосефу, вспоминая обстоятельства смерти его матери, Рахели, умершей около полувека назад. «А я – при переходе моем из Падана умерла у меня Рахель в стране Кнаан, на дороге, не доходя немного до входа в Эфрат, и я похоронил ее там на дороге в Эфрат, он же Бейт-Лехем» (Брейшис, 48:7).

Раши поясняет, в чем смысл слов Якова, обращенных к Йосефу, следующим образом. Я прошу тебя приложить усилия и похоронить меня в [Святой] Земле,.. хотя для твоей матери я того не сделал. Она умерла подле Бейт-Лехема... я же даже не перенес тело ее в Бейт-Лехем, в [Святой] Земле, [место населенное]. Я знаю, что в сердце своем ты затаил на меня [за это] обиду. Но знай, то было сделано по Бжественному повелению, она похоронена там, чтобы быть помощью для детей своих, когда Навуходносор изгонит их с мест обитания и будут они проходить мимо могилы ее. Тогда восстанет Рахель из могилы и возрыдает, и будет молить о милости к ним, как написано: голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахель плачет о детях своих... (Ирмияу, 31:14). И отвечает ей Б-г: «Есть награда за труд твой, говорит Г-сподь, и возвратятся сыновья твои в пределы свои» (там же, 31:15-16).

Ì áæñéîá è æáí ñéîá

В самой нашей природе заложено постоянное стремление к самосовершенствованию. Никогда не удовлетворяется человек простой данностью: ему не дает покоя одна только мысль об упущенных возможностях или нереализованном потенциале – он будет гнать себя все дальше и дальше, вечно прилагая усилия, снабдаемый новыми и новыми амбициями: именно это он называет «жизнью».

Мы не случайно употребили в предыдущем абзаце слово «он»: при том, что в каждом из нас, мужчине и женщине, есть стремление к самосовершенствованию, само оно принадлежит «мужскому», активному аспекту личности. Однако точно так же в каждом присутствует и «женское» начало – способность к служению, к жертве: убеждение, что нет

ничего более важного, чем самозабвенная готовность пожертвовать всем во имя чего-то высшего. Эта двойственность настолько присуща нам, что мы даже не замечаем парадоксальности ситуации, принимая ее как данность: славим самозабвение и одновременно превозносим «самость». Мы соотносим «благо» и «добро» с альтруизмом и одновременно считаем «эго» исходной мотивацией, лежащей в основе всех наших достижений. Стремимся к «успеху», «реализации», «выполнению нашей задачи» – и тут же клятвенно заверяем всех и вся, что делается это «ради детей».

Надо учитывать, как именно был сотворен человек Создателем: «И образовал Б-г Всесильный человека из праха земного» – пластичного и податливого, как земля под ногами, «и вдунул в ноздри его дыхание жизни», побуждающее человека стремиться к достижению цели, расти и черпать в этом новый стимул к движению (Брейшис, 2:7). Затем Б-г «взял человека и поместил его» в мир, каким тот был сотворен, «чтобы возделывать его», но также и чтобы «хранить его» и о нем заботиться (там же, 2:15).

Поэтому мы – создания, наделенные не одним, а двумя внутренними «центрами притяжения»: человек есть дух, ищущий достижения, рвущийся к нему – вверх, к самости и самоутверждению, и одновременно душа сосредоточена на самоотвержении. Ибо сказано в Торе: «Мужчину и женщину сотворил их... и нарек им имя “человек”» (Брейшис, 5:2). Мы, евреи, унаследовали эту двойственность от Якова, «особо отмеченного в избранничестве среди всех патриархов». И от Рахели,

воплотившей все, что связано с материнским началом для Израиля, как толкует Брейшис Раба (76:1; ср. Талмуд, Псохим, 56а).

К Якову, жизнь которого увенчала царская процессия, сопровождавшая тело усопшего патриарха к месту погребения в сердце Святой Земли, восходит наша способность к самосовершенствованию, комментирует Раши Брейшис (50, 10).

От Рахели, молодой матери, умершей родами и похороненной в могиле у дороги, чтобы склонить равнодушных свидетелей страданий ее детей к сочувствию, мы получили нашу способность к беззаветному служению и забвению себя во имя высшего.

1

Ой йей

ДИТЯ-ПАСТЫРЬ

*Ани ецаннола еноидеу і оїі, еае і аоу І Іоа н'анеа н'анеа даані еа е іа ааеа н'анеа еоуу
і деанно даданіа Аеаннеа Аеіоа і'анеа еаеаніа і'анеаніа і'анеаніа і'анеаніа і'анеаніа і'анеаніа і'анеаніа
І ее. А і аоу І Іоа і'анеа еаеа одаоі ані-і'анеа і еаніа аа еадао, еіоіоіе і'анеа еа еаі оао іа ааніа
І ееа. Е еіаніа ані-і'анеа і'анеа еаеаніа еоі аоуу, і'анеа і'анеа еаеа і'анеа-оуані і еаніа оа. Е аніа І Іоа е
н'анеа ані ааніа, а'анеа еа ані.*

В этой истории вызывает смущение одна деталь. Возникает вопрос: где же именно был оставлен младенец Моше? В Торе написано: «И поставила в камышах у берега Нила» (Шмойс, 2:3). То есть ларец с Моше был оставлен на берегу реки, а не пущен по течению Нила, поясняет этот стих Онкелос в Таргуме. А несколькими стихами ниже в Торе читаем: дочь фараона нарекла найденного ребенка именем Моше («вытащенный»), «потому что из воды я вытащила его» (там же, 2:10).

Тора – чертеж Б-га, соответственно которому выполнено Творение. И каждая деталь Торы чрезвычайно важна для нашей жизни. Если Тора говорит, что мать Моше оставила его на берегу реки, это значит, что она не могла оставить ребенка в водах Нила. И если Тора говорит, что позже дочь фараона вытащила его из нильских вод, то это означает: в тот момент ребенок был в водах реки. А когда в Торе уделено чему-либо внимание, значит, это важно как для понимания рассказа, так и для его приложения к нашим сегодняшним жизням.

Еіеоі еані еа І ееа

Рогачевский Гаон рабби Йосеф Розен (1858 – 1936) предлагает алохическое объяснение «двойственности» в описании места, где был оставлен ларец с младенцем. Мать Моше изначально не могла положить ларец в воды реки. Хотя бы потому, что египтяне поклонялись Нилу как своему «богу», а для евреев действовал запрет использовать любой

объект идолопоклонства даже ради спасения жизни (Мишне Тора, Законы оснований Торы, 5, 6). Тора однако же оговаривает: если идолопоклонник откажется от своего идола, то соответствующий предмет обретает статус обычного, и еврею разрешено им пользоваться (см. Мишне Тора, Законы об идолопоклонстве, 8:8). Дочь фараона «сошла искупаться в реке» (Шмойс, 2:5). Мудрецы говорят: сошла она не только ради купания как такового, но также и ради того, чтобы «очиститься от идолопоклонства отца своего» (Талмуд, Сота, 12б; Мидраш Раба на этот стих). И ее отказ от язычества лишил реку статуса идола, так что теперь воды Нила могли принять Моше и стать ему убежищем. Вот почему ларец Моше оказывается найденным в водах Нила.

Почему же столь важно: был ли Моше в водах Нила или нет? Мидраш повествует, что астрологи фараона сказали ему, будто «спаситель Израиля встретит смерть от воды». И ведь именно поэтому фараон повелел бросать в Нил всех мальчиков, рождающихся у евреев! Когда же Моше был в водах реки, астрологи сказали фараону: «Спаситель Израиля уже брошен в воду», и фараон отменил свое повеление, поясняет Мидраш Раба в комментарии на Шмойс (1:24). Истинный же смысл того, что видели с помощью своего искусства астрологи фараона, мог быть связан с «водами распри». Тех, из-за которых Моше суждено было умереть в пустыне, так и не войдя в Землю Обетованную, поясняет Бемидбар (20:1-13).

Ééúú ðáéé

В Египте выпадает очень мало дождей. Поэтому сельское хозяйство в стране полностью зависит от Нила, который во время разливов наполняет ирригационные каналы. По этой причине древние египтяне обожествляли Нил, видя в нем главный источник существования и поддержания жизни.

Повеление фараона топить еврейских младенцев в Ниле имело, таким образом, глубокий смысл. Ибо фараон понимал: если следующее поколение евреев осознает, что их выживание связано с культом Нила, то они вырастут в убеждении, будто естественный источник благ обладает Б-жественной природой, отступившись от веры еврейских патриархов. Народ позабудет, что лишь Единый Б-г – создатель и источник всего сущего. Забудет и о том, что весть, идущая от Авраама, – весть, угрожавшая власти язычников, – будет предана замалчиванию.

Можно заметить по этому поводу, что поклонение Нилу в наши дни распространено не менее, чем во времена фараонов. Ныне в роли «Нила» может выступать университетское образование, карьера, социальный успех – все, что связывается с получением жизненных благ. Все это – инструменты, благодаря которым человек получает те или иные блага в жизни, как Нил был инструментом, через который Б-г подавал жизненные блага тем, кто жил по берегам этой реки. Но когда средство начинают путать с источником, когда внутреннее «я» погружается в воды «Нила», направляя все силы на совершенствование инструмента достижения благ, а не на укрепление своей связи с их Б-жественным источником, – тогда мы имеем дело с идолопоклонством.

Ĵéðáúéé ááđé

Моше называют раайя мезеймна, «верный пастырь» Израиля (Зогар Ходаш, 104а). Слова раайя мезеймна имеют и иное значение: «пастырь веры» – тот, кто кормит верой вверенное ему стадо, поясняет книга Тания (гл. 42). И прежде всего роль Моше заключалась в том, чтобы напитать верой свой народ, расширить в нем границы постижения этой веры, углубить и развить ее настолько, чтобы в самую суть каждого еврея вошло знание Б-га. И понимание: «Нет другого кроме Него» (Дворим, 4:35). И что любой «Нил» в этом мире – не некая сила, действующая по собственной воле, но лишь носитель ниспосланного нам от Б-га.

Моше было восемьдесят лет, когда он вывел свой народ из Египта, привел к горе Синай и накормил – с предельной настойчивостью – Б-жественным знанием, Торой. Но он был «пастырем веры» уже в три месяца от роду. А именно – когда сыграл роль инструмента, с помощью которого оказался низвергнутым главный идол Египта. И одновременно с этим

Áiyéōī

ХЛЕБ ВЕРЫ

Á ōrāá íáññáéúí íāñ ñéááda ðaç çà ðaçñí àññéúáááð ÷éñéí «÷áòúðá». Í ù íúúí ÷áòúðá ÷áòé áéíá, çááááí ÷áòúðá àññíñá, ñðáòéáááí í ÷áòúðáð ññíñáññá. Íñ í ù áááú òññíñíðéé èéòúí í íáññéúééð «÷áòááðéòáá», ñáçñáííúð ñ ýòéí íðáçñíééñí ññáñáéááñéý. Í òáðáú ññññáçò, ÷òí ýòí íáññíé-éáñá íñáòíðáíéá òáí ù

«÷áòááðéòú» á Íáéñíáð èçñá: áéúíí áññíñáéò é «÷áòúðáí òáááðéááñéýñí èññéòíéáñéý», çáò: áúéí á íááñáíéé Á-áñ, ááñíñí Í íòá: «Áññáááð Ñ ááñ èçñíñá éáñ ááéíòýí, é èçñááéç ááñ íò ñéòáéñéý èí, é ññáñ ááñ í ñññá ááéééñé é ñððáéñíúí é éáðáí é, é áñçñí ó Ñ ááñ íáðñáñí Ñááá é áááá ááñ Áññéúííúí» (Òí íéñ 6:6, 7).

Á èñí í áñ òáðéýð ðáí ááñá, Ñóíðñí é ááááðé ññññáçòññ, ÷òí «÷áòúðá òáááðéááñéýñí èññéòíéáñéý» ñáçñáíú ñ ÷áòúðáñ ý áññáéòáí é íáòááñ ññáñáéááñéý íò Ááéíòá: Íáðñá - «áññáááð Ñ ááñ» - ñ íáòéí òéçé: áñééí èññáñí çá áññááðé: áñééá áññéòú Ááéíòá Áóíðñá - «èçñááéç ááñ» - ñ íáòéí ññáñáéááñéáí íò áááñ íñéé ááéíòýí (é ñéñáá, òññáá Ááéíáð áúé ááéééñé ááðéááñé, íñðááñðéáòáé é ááðéááòáé á ðááááéé í íñáá íáðñáñ é ñððáíú çá íðááéáí é ññéð áññááðé: áñééð áññééð). Òáðáúñ: «Ñ ññáñ» - ñ íáñáñé: áñéáí, íñéñáñíúí áññéé áñçí íáéññéé íñðááñáéý á ááááñáí, éáñ ááááð òñí ó íðááññáááááááá ñáí á íáí ýòú í «ááééééð éáðá», èíòíðñá íááéáééé íá ñáçñá ááéíòýíá (Í á áááñ ñééá Ááéíòá ñéñí éáñ á Ááññóç Èáðáí é é íá íñáéíðé áñáñ Èðáññá í íòý ááéíáðñéç áñ èç, ñððáí á òáðáñíñá í íñáá áú íðááñááéýðúí á ááááñáí ñáðñáçí çò ááñçò ññáñáá Èçðáééý. Áááñ áááñ ááðáé íñééíòéé Ááéíáð, éáé òáðáñí íññéáé áñéáá áñ èç, ÷òíáñ ááññóú òáááéð ñéñé. Ñáñáñáá áéá íñá íññóññíñéé ááñçñé ðááñðáá íá íñááð ññéðááóññý èññéíñé.) Íáéñíáð, ÷áòááðñá: «áñçñí ó ááñ íáðñáñí Ñááá» - ñ èçáðáíéáí íáñ íáðñáñí Á-áéúí íá áñá Ñéñáé - áéáñáç ýáéú Èññáá

Íñ íñ: áí ó áéá òññá íá éááð ðá: é í òñí, ÷òí áñ áðáñ ý ññááðá íááñ ññááðú ÷áòúðá éúññ: éá í áóú? Í áóá, áñçñáñéááñéé òéáí - ññí ùé ááéíúé èñí íñáíð ññé-ááðá. Ýòí - «òéáí áááñíñðé», ñéí áñé òýñáð, íáðéáéðúð íáí é á ááéíáðñéñí ðááñðáá (Ááñðéí, 16:3). Òáéáá ýòí é «òéáí íññááóíñðé», òéáí, ó èíòíðñá íá áñéñ áðáñ áñ é íñáí ýòúññý. Ýòí - íáññíéíáñéá í ñáí ñí òáðáéðáðá íáòááñ ññáñáéááñéý - áñçñáññé, áçñéñé, áñáðááóñááçñáé íáðáñ áñá íðéáñáññéé á íáòé áéçñé Áññéúííúí. Òéáçñáñ á Òí íéñ «È íáééé íñé òáññí, èíòíðñá áññáñé èç Ááéíòá éáñáéáí é íðáñíúí é, éáñ íñí íá ñéáñééññú òáé éáé íñé èçñáñíú áñéé èç Ááéíòá é íá íñáéé íááééðú é áááá íéñáé íá çáñáñéññí» (12:39). Ñ íññéáñéí áááññí ÷ááñá áññéíñí-ú íáéáñí ó á Íáéñíáð áñéúóñé ééáí í áòáðéáéúí í é íðáéúí í íáñéñááééð ðááñá Á-á í áññáñíñí íðáñáðáéááð á ññáñáñíúé íáðñá, èçáðáñíúé Èñ áúðú «ññáðñí íáðñáñá» (Èñáýó, 49:6). È íñáééáááð éáðáðú áéááñ çò ðñéú á èññéíáñéé Ááñ áñéé, ñáçñáñíñé ñ òáñðáíéáí, íñññáçò ðáòé íá Áðáééèññí (1:1).

Ñáí òñá ñéáááðá ñññááññí òñ: áí íá òðáð éúññ: éáð í áóú, éáéáñééð íá áéçáá: íð ÷áñéý Ááñáñ íááñ í áññóáé ÷áññóç òññá éúññ: éá, ÷òí á òáñðá, é áñéñóú áñ í ñí áñóá, éñáñá íðááññéð ññáññóú áðééñí áñ («òí, ÷òí íññéá í áóú») á èñíñá òðáñáçñú. Ññáñðááñíñí, áéáéáñéñíá íáçñáñéá Íáéñíáð - «Í ðáçñáñéé í áóú», éáñ í áóá íáðáááð ñáí ó ññóú Èññáá. Òñáñá íñ: áí ó áéá á ýòí ñéí áñéá Èññáá íá íðááéáñíú «÷áòúðá òáááðéááñéý èññéòíéáñéý»? Íñ: áí ó áñ áðáñ ý ññéááðá íá áéçáá - òñéñéí òðé éúññ: éá í áóú?

Íðáéðé: áñéé íðé: éíá, íñ èíòíðñé íá áéçáñ ééáááð ýòé òðé éúññ: éá í áóú, ñáçñáñá ñ òáí, ÷òí íééðáááðñóú «òéáí áááñíñðé» íðéñðáéñ ñéñðáá ááéá éúññ: éó í áóú, ÷áí òáéúñ íé í áóá Ñ áðáñé ñòíðñíú, á ÷áññóú Òááññá é íá íðáçñáé: íúð òðáñáçáð í ù ñðááéí íá ññéé éááñ í èóñá - ááñ òáéúð áóáñéé òéááá Èññóñí ó áñ áðáñ ý ññéááðá íá ññíéá íðéññóñááçò òðé éúññ: éá í áóú. Á íá: áéá ññéááðá í ù ðáççáí úááñ ññáññáç í áóó íá ááñ ÷áññé: áñéúóç íðééááñáááñ á ññóññíó áéý áðééñí áñá, á í áññóáç èññéññáç ðñéú «òéááá áááñíñðé», é íáá íáç ÷éðááóññý Ááñáá - íñááñáñáñéá íá èññíðéé Èññáá. Ññáéçááç í èóáñ í áóá í ù ññáááñ íñ éúññ: éó é íðéñí áñíñé í áóú, é íðé áñðñáé, íñðááéáéññý òáéñé. Òðááóññý áéá - éáéáñáç á ñáí ñí íéçó - èññéññáçòññý áéý íðéáñ òñáéáñéý èñðááá, ññí ááé: á èç í áóú é í íðñéðá

Íáñáéñ á ááðéñéñéé áéçñé çñá: éí á éáéááç ý íáðñáñíñðú Íññáñíñí - áññ: úññéááðá, éñáñá éáéáñá íáòá áñéñðáéá èññéíáñí áéáñéñá ñéíáñéé: áñéñáñ çñá: áñéý. Íññóñí ó èðñá éçñéáñíúð çááññí íðáéðé: áñééð ññíáðáéáéé, òñ òáéð, ÷òí íáóá èñéçá: áñá èç ðáçñáñá «÷áòááðéò», é èíòíðñí ó ááðáñçò ññéñí íñáá íáññ: áé ññéááðá, éí ááð é áñéáá áéáñééé ñéí áñéé: áñééé ññí ùñé.

Áññíúééá ááññí

Как уже сказано, маца лицетворяет и нашу бедность в момент Исхода, и поспешность, с которой происходило наше освобождение. Эти два компонента переплелись между собой: в силу того, что мы настолько обнищали – и материально, и духовно, – освобождение пришло столь спешно. Мудрецы поясняют: мы уже соскользнули к язычеству

и развращенности, присущим Египту, и Исход случился едва ли не в последний момент, когда народ Израиля еще можно было спасти. Останься мы в египетском рабстве чуть дольше – и не было бы уже никакого «народа Израиля», достойного спасения.

Так, в Агоде сказано: «Не заведи Б-г наших праотцев из Египта, мы, наши дети и дети наших детей все еще были бы рабами фараона в Египте...» Если бы спасение не пришло к нам именно тогда, когда это случилось, оно бы не пришло вовсе.

А потому – разве мы могли позволить себе роскошь тщательных, методичных сборов перед Исходом? Разве нам была доступна роскошь неспешного освобождения? У нас просто-напросто не было времени шаг за шагом, постепенно, изжить наше мышление рабов, элементы язычества. Не было времени и осознать все значение нашей роли «народа избранного». Как не было времени и сформировать соответствующую эмоциональную реакцию на величайшее событие в человеческой истории. Все, что у нас было, – вера в Б-га. Вера, сохраненная на всем протяжении долгого и тяжкого изгнания. И ночью накануне Пейсаха Б-г зажег эту веру устрашающим откровением Своей мощи и истины, разом вырвав наши души из цепей, державших их в вечном рабстве надежнее, чем любые физические узы. То была вера, одна только вера – и это она вывела нас из Египта и направила по дороге, ведущей к Синаю. Именно это мгновение описывает пророк Ирмияу: «так говорит Г-сподь: Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню, в землю незасеянную» (2:2).

Но одной лишь веры было недостаточно. Вера может сдвинуть горы, но не способна переделать сущность человека. Ибо вера – трансцендентная сила, и в этом – и ее могущество, и ее ограниченность. Ибо она может поднять человека на удивительные высоты. Но при всем том вознесение остается опытом, относящимся к «иному миру» – внешнему по отношению к внутреннему «я» этого человека. Вера вырвала нас из Египта, но не могла вырвать Египет из наших душ. Чтобы стать истинно свободными – стать носителями свободы, – мы должны измениться внутренне. А это достижимо лишь при условии постепенного внутреннего развития.

Поэтому вслед за Исходом, вернее – порывистым выступлением в путь в ночь Пейсаха, – Б-г провел нас через последовательное саморазвитие и трансформацию. Только в конце такого процесса, насчитывающего 49 ступеней (мы вспоминаем этот опыт каждый год: когда 49 дней посвящено исчислению сефир), Он заключил с нами завет на горе Синай.

Таким образом, если первые три обетования Исхода: «выведу Я вас», «избавлю вас» и «Я спасу» – были реализованы в Пейсах, то четвертое обетование дало плод лишь семь недель спустя. Причем именно тогда, когда была дарована Тора на горе Синай: этот день отмечается каждый год, когда мы празднуем Швуэс. На Синае обещанное Б-гом: «возьму вас народом Себе» – сбылось. Сбылось после того лишь, как вера Исхода стала нашей внутренней сутью. И когда мы достигли понимания и притяжения нашей миссии, услышали свыше: «будете Мне избранным из всех народов... царством священнослужителей и народом святым» (Шмойс:19, 5-7).

И даи иноу деааа е аеии аеи а

Эти две стадии нашего избавления символически выражены в двух основных яствах, вкушаемых во время сейдера: в маце и вине.

Маца как «хлеб бедности» и «хлеб поспешности» есть «хлеб веры», олицетворяющий собой состояние евреев в момент Исхода, поясняет книга Зогар (ч. II, 41a). Тесто для мацы должно быть замешено очень быстро и тут же поставлено в печь, чтобы оно не заквасилось и не обрело пышность и структуру обычного хлеба – хомеца. От хомеца на Пейсах избавляются – его запрещено есть и даже хранить в доме в течение всей пасхальной недели.

Мацу для сейдера следует выпекать из теста, в составе которого только мука и вода, – любые добавки (вроде яиц или сока) делают мацу непригодной для исполнения мицвы о вкушании мацы на Пейсах. Всем этим маца символизирует интеллектуальную и эмоциональную нищету того, кто был пробужден вспышкой, открывшей Б-жественную

истину, и последовал за Богом в пустыню, не взяв с собой в путь ничего, кроме веры и послушания. Того, кто, ничего не понимая, не чувствуя, сдержал клятву перед Создателем и в твердом повиновении служил Ему (ср. Талмуд, Недорим 41а: «Нет истинного бедняка кроме того, кто беден разумом»). И плоская, безвкусная маца символизирует именно это состояние).

Вино же, наоборот, символизирует чувство и опыт. Вино – напиток, обладающий выраженным вкусом, что «веселит Бога и человек», как сказано в Книге Судей (9:13), и олицетворяет духовное богатство народа, стоящего у подножия горы Синай. Народа, прошедшего через внутреннее усвоение Божественной истины – через усвоение всем сердцем и всем разумом.

Поэтому на сейдер в Пейсах мы съедаем три кусочка мацы и выпиваем четыре чаши вина. Съедая те три кусочка, мы словно вновь проходим через опыт самого Исхода: вспышку веры, которая «взяла нас», «спасла» и «освободила» из Египта. Но при том веры этой было недостаточно, чтобы дать нам «почувствовать вкус» свободы. Четыре же чаши вина призваны дать нам почувствовать четвертое измерение Исхода – вкус и аромат духовной зрелости, достигнутой на Синае.

חֹמֶת הַמַּצָּה עֵשֶׂה אֶת הַמַּצָּה

При том, что маца «пресна», она отнюдь не «безвкусна», как кажется иным. По сути, вкус мацы определен законом Торы. В самом деле, среди положений Алохи как закона Торы встречаются два установления, касающиеся вкуса мацы, внешне противоречащие друг другу. С одной стороны, есть закон, гласящий: даже если кто-то не чувствует вкус мацы, которую ест, он, тем не менее, исполняет мицву о необходимости есть мацу в Пейсах. Так, даже если кто-то истолчет мацу в пыль и проглотит ее разом, он все равно исполнит мицву (Шулхан орух, Орах Хаим, 475, 3).

Другой же закон учит, что у мацы должен быть определенный узнаваемый вкус. Если не важно, по какой причине вкус мацы слишком или недостаточно выражен – например, в нее подмешано что-то еще кроме муки и воды, или сама маца смешана с какой-то другой пищей), то такая маца непригодна для исполнения мицвы. Рабби Шнеур-Залман из Ляд поясняет: «При том, что можно не чувствовать вкус мацы во рту, сама маца должна иметь вкус мацы» (Шулхан орух а-Рав, 461:12). То есть: вкус можно не чувствовать, но маца не может быть безвкусной.

У нее обязательно должен быть вкус: вкус повиновения, вкус самозабвения. Маца – не вино, она лишена качеств, присущих последнему: не подхлестывает интеллектуальную восприимчивость, не усиливает страсть, возводя ее на новый уровень. Но наделенный чувствами слуга Бога различит этот простой, но тонкий вкус, это неброское, но дарующее глубокое удовлетворение постоянство. Не чувствующий вкуса мацы, которую ест, не ощущающий вкуса веры и притягательности повиновения, тем не менее исполняет мицву о том, что в ходе сейдера следует вкушать мацу. Ибо нашим праотцам, впервые в эту ночь узревшим истину истин, было не до того, чтобы «оценивать на вкус» свою веру и познавать ее утонченные радости и наслаждения. Потрясшее их откровение, которого удостоились они от самого Бога, сводилось к тому, что происходящее казалось для их несовершенного «я» подавляющим, ошеломляющим и нереальным. Так что маца должна обладать вкусом, пусть даже проглатывающий ее не способен его воспринять. Вера, истинная вера, всегда содержит потенциал глубокой связи с Богом – связи, дарующей чувство удовлетворения. Удовлетворения не меньшего, чем самые изысканные и опьяняющие дары ума и сердца.

יְהִי כְּמַצָּה אֶת יְהִי

Итак, оказывается, что символ Исхода – маца, а не вино. Суровая простота вкуса, присущего маце, символизирует не просто первую фазу духовного пробуждения – ту, что должна быть преодолена и превзойдена на дороге к Синаю. Сводись все к этому — и символом нашей свободы была бы чаша вина, столь богатого вкусом, а не плоский пресный

хлеб. Однако именно маца передает смысл конечной цели нашего освобождения, и именно маца призвана напоминать «во все дни жизни твоей» (Дворим, 16:3) о бесконечной важности нашей свободы и о роли еврейского народа.

Конечно же, следует стремиться к тому, чтобы связь с Творцом и ощущение цели, во имя которой живем, воспринимались как можно ярче всею палитрою наших чувств. Но все это призвано вернуть нас к истоку нашего странствия. Вернуть к состоянию, когда мы готовы действовать и повиноваться, не задавая вопросов, ибо происходящее превосходит наш разум и опыт.

Речь идет не о возврате к «безвкусной» вере ребенка, вере, простота которой – следствие тех пределов, что незрелый разум не может превзойти. Речь и не о возвращении к состоянию исхода, когда чувства молчат, – состоянию, продиктованному египетским голусом. Речь о том, чтобы на новом, более высоком уровне принять веру и повиновение призыву свыше. На уровне, который приходит уже после того, когда мы поняли и восприняли все, что в наших силах воспринять, и вместили в свой опыт все, что он способен вместить. По сути, речь идет о признании: каких бы пределов ни достигло наше чувственное «я», есть и более высокие уровни. Есть истина, к которой мы можем прикоснуться лишь верой, просто приняв эту истину, ибо она превосходит наше постижение. И вкушая мацу с вином, мы тем самым последовательно переходим к иному, более высокому уровню, подразумеваемому мацой, – к «высшей маце». К уровню, на котором у нас не столько отняты мысли и чувства, сколько им приходится иметь дело с чем-то превосходящим и подавляющим их.

Маца, поспешно проглоченная на голодный желудок, и впрямь лишена всякого вкуса, но в конце трапезы, особенно после одного или двух бокалов вина, маца становится праздником для чувств.

1

Áíé

ОБЩИНА

*È ñéàçàè Á-á íáðàùàýñíí è Ì íòá
è Áàðííó áñòðáí á Ááèíàòñéé, òáé:
«...Ñéàçè òá áñíí ó íáùáñòáó Èçðàèéý òáé: ...á ááýòùé ááí ùí àýòá í ùíòù áíçíí àò ñááá èáçáùé ìí
ýñ áí éó íá íò÷éé áíí, ìí ýñ áí éó íá áíí ...
áá áñááò ìí òðáí èí ááí è áí ÷áòùðíááòáò íá áí ý ýòíá ì àýòá; è òíááá í ùíòù çáðáçáò áá áñíí áðáí éá
íáùáñòáá
Èçðàèéý áí áòíðéé ìí éíáéíá áí ý...
è í ùíòù ááýò ì ýñ
á ò ó áé á íí÷ý áé áðáí í íá íá íá á
è ìí òáñí í èé ñáá òñéé é çáéáí ùð
ì ùíòù ááýò...»
Øí íéñ 12:1-8*

Человек – создание, стоящее особняком и отмеченное печатью одиночества. Из всех обитателей Б-жьего мира только человек наделен чувством индивидуальности, столь выраженной и столь несомненной. Индивидуальности, намеренно лелеемой: ни одна Б-жья тварь, кроме человека, не противопоставляет себя ей подобным в той мере и с той настойчивостью, как это делает он. Но при этом – мы же и самые социальные из всех существ. Ибо в стремлении добиться взаимодействия с другими мы плетем чрезвычайно сложную сеть семейных и общинных связей. Мы не можем выстоять в одиночку, нам не хватает общества самих себя. И вот – мы формируем профессиональные, классовые и другие сообщества, помогающие нам обрести самоопределение на уровнях, выходящих за рамки отдельной личности. Мы осознаем противоречие между нашей личной и общественной идентификациями, но осознание этого отнюдь не уменьшает нашего стремления обрести ту и другую. Отдавая себе отчет в том, что есть каждый из нас и чего можно достичь на пути саморазвития, мы знаем и то, что предоставленный только самому себе каждый из нас – намного меньше того, что он есть, и того, чем он может быть. Об этом в трактате «Поучения отцов» великий мудрец Гилел сказал: «Если не я за себя, то кто за меня? И если я только за себя, тогда что я такое?» (1:14).

Ἰδέτε τὰ ἔθνη τὰ Ἰσραὴλ

С этим парадоксом Гилела – в самых разных его обликах – мы постоянно сталкиваемся в повседневной жизни. Самому Гилелу эту дилемму пришлось решать, когда перед ним был поставлен вопрос: следует ли совершать пасхальные приношения, если 14 нисана выпадает на Шабос? Предложив свой ответ, Гилел сделал первый шаг к тому, чтобы стать духовным наставником еврейского народа.

Когда Храм в Иерусалиме еще не был разрушен, основное служение человека Создателю заключалось в животных и растительных приношениях, возлагаемых на алтарь. Приношения эти назывались корбонойс и подразделялись на два основных вида. «Индивидуальные приношения», совершаемые отдельным человеком, могли быть «приношениями щедрости». Их можно назвать пожертвованиями. Эти «благодарственные приношения» призваны выразить признательность за спасение от какой-либо беды или угрозы, а «приношения греха» совершали в искупление какого-либо проступка. «Общинные приношения» – ежедневные утренние или дневные приношения, совершаемые народом Израиля. На эти приношения каждый еврей вносил по полшекеля в год. Большинство приношений попадало либо в ту, либо в иную категорию, но приношения на Пейсах относились сразу к обеим. С одной стороны, можно расценить их как приношения «индивидуальные», так как совершали их на частные средства. А после обряда их вкушали те, кто принес эти дары. С другой стороны, наличествовал ряд признаков, например, то, что их совершало все собрание общества Израиля, которые позволяли считать такие приношения «общинными» (см. Шмойс, 12:6).

Итак, приношения на Пейсах расцениваются одновременно и как «индивидуальные», и как «общинные».

Когда же 14 нисана, в который совершают пасхальные приношения, выпадал на Шабос, то вопрос о характере приношений приобретал особую остроту и актуальность. Законы Торы запрещают совершение индивидуальных приношений в Шабос. Однако они допускают в Шабос – и даже рассматривают как обязательные – «общинные» приношения (см. Талмуд, Темура, 14а).

И тут вставал вопрос: рассматривать ли приношения на Пейсах как «индивидуальные», которые нельзя совершать в Шабос, или же как «общинные», обязательность которых столь велика, что перевешивает запрет работать в этот день отдыха. Талмуд рассказывает, что в один из годов, когда 14 нисана выпало на Шабос, руководители Сангедрина (высшего суда Законов Торы) не смогли решить: совершать или нет пасхальные приношения в этот день. Гилел, который только-только прибыл в Святую Землю из Вавилона, показал, что общинный характер пасхальных приношений выражен в них намного ярче, чем индивидуальный. А, следовательно, их положено совершать и тогда, когда соответствующий день выпадает на Шабос. В знак признания великой учености Гилела члены Сангедрина спустились к нему со своих мест и признали его своим главой (см. Иерусалимский Талмуд, Псохим, 6:1).

Гилел в приведенном высказывании косвенно апеллирует именно к этой практике. Полностью его утверждение, как оно приведено в «Поучениях отцов», звучит следующим образом: «Если не я за себя, то кто за меня? И если я только за себя, то что я такое? И если не теперь, то когда?» В этом высказывании отражены все аспекты алохической проблемы, разрешенной Гилелом в присутствии членов Сангедрина. Во-первых, индивидуальный аспект приношений на Пейсах: «Если не я за себя, то кто за меня?» Во-вторых, общинный элемент в обряде: «И если я только за себя, тогда что я такое?» Наконец, приношения совершают в особо установленное для них время: «И если не теперь, то когда?»

Ἐσαῦ ἔ ἐδὶ ἐϋό

Пророк Иехезкел, вторя Моше, описывающему Исход как время, когда Б-г «взял Себе народ из среды народов» (Дворим, 4:34), называет это событие «рождением» еврейского народа (гл. 16). До Исхода у евреев были общие предки, культура и наследие, но

они не были нацией: единство, называемое «народ Израиля», возникло лишь в первый Пейсах.

Итак, Пейсах – момент, когда на основе многих индивидуальностей формируется община и множество разобщенных индивидуальностей жертвуют своей «самостью» во имя общей миссии и обретения новой идентичности. Потому Гилел и указывал, что в приношениях на Пейсах доминирует именно общинный элемент и именно он определяет алохический статус корбан.

Но почему же тогда приношения на Пейсах не следует считать только лишь «общинными», сходными с другими такими же? Почему приношение на Пейсах является соединением «индивидуального» и «общинного» приношений, сочетая элементы и того и другого, и имеет двойственный характер? Дело в том, что само слияние множества индивидуумов в единый народ предполагает не забвение каждым своей неповторимой сущности, но ее включение в общинное целое. Общинное бытие – это не только средство преодоления пределов, присущих индивидуальному бытию человека, не только средство достичь целей, недостижимых для одиночки, ограниченного своим малым «эго». Нет, это – еще и своего рода рамка, внутри которой каждый может наилучшим образом добиться реализации своего «я». Характер нашей связи с Б-гом подразумевает как «индивидуальное» приношение, когда все наши способности отданы Б-гу, так и «общинное», когда наша индивидуальность отступает перед миссией, возложенной на общину. И приношение на Пейсах – в день, сыгравший решающую роль в формировании нас как народа, – должно соотноситься с обеими категориями приношений.

Можно внести одно уточнение: в первом приношении на Пейсах, совершенном евреями в то время, когда они еще пребывали в Египте, преобладали черты «индивидуального». Впоследствии в этом обряде доминировали «общинные черты». В Египте каждая семья совершала заклание жертвы и связанные с этим ритуалы у себя дома. Кровью жертвенного ягненка окропляли «оба косяка и притолоку в домах, в которых будут его есть» (Шмойс, 12:7). Начиная со следующего Пейсаха, годом позже, в Синайской пустыне, все евреи приносили пасхальные жертвы к Скинии – именно там забивали животных, а их кровью окропляли алтарь. Первое приношение на Пейсах совершили в середине недели (Шабос, 87б). Исход пришелся на четверг, поэтому пасхальные жертвы приносили накануне, в среду к вечеру, тогда как в следующем году Пейсах совпал с Шабосом. В тот год 1 нисана пришлось на воскресенье, а значит, 14 нисана было Шабосом (Талмуд, там же).

Заметим: даже в первом приношении на Пейсах присутствовали явственные черты «общинного» приношения. Так, Мидраш (Шмойс Раба, 19:5) говорит, что все евреи ели от приношения Моше. А в стихе, с которого мы начали нашу главу, сказано, что первое приношение в Египте совершено «всем собранием общества Израиля». Но даже когда по исходе из Египта в совершении обряда стали доминировать черты «общинного» приношения, церемония сохранила много «индивидуальных» черт. В частности, когда приношение вкушает семья или группа семей в ходе празднования сейдера.

Приношение на Пейсах является метой рождения нас как народа Израиля и должно выражать «общинность» народа Б-жьего. И действительно, эта тема доминирует в ритуале. Но приношение должно выражать и то, что когда мы оставляем в стороне все наши различия и целиком отдаемся общей цели, именно в нашей личной стойкости и личных качествах находит свое проявление все то, что создает индивидуальность и отличает одного от другого. То есть ритуал призван выразить следующую истину: при всей парадоксальности совмещения индивидуального и общинного именно это совмещение – в сердцевине нашего самоопределения. Оно в центре ответа на вопрос: кто мы и что мы? И напряжение, возникающее между этими двумя аспектами ситуации, – компонент, весьма желательный в наших отношениях с Б-гом. Даже в конце времен, когда человеческая история найдет свое завершение в Б-жественной и совершенной гармонии эры Мошиаха, эта двойственность сохранится, помогая нам самоопределиться в мире и почувствовать свою принадлежность к

одному народу. И окончательное избавление будет избавлением общинным. Тогда исполнится пророчество Ирмияу: «великий сонм возвратится сюда» (31:7). Это будет также и реализацией видения Ишаяу – временем, о котором тот пророчествовал: «Вы, сыны Израиля, будете собраны один к другому» (27:12).

И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО?

וַיֵּשְׁבוּ אִתָּהֶם

Романтика. Страсть. Любовь, оставшаяся без ответа из-за жестокого поворота судьбы, или, наоборот, реализовавшаяся благодаря счастливому стечению обстоятельств. Такие романтические напряженные сюжеты встречаются везде – и в дешевых романах, и в популярных кинофильмах, и в шедеврах классической литературы. Обычно эти любовные истории заканчиваются либо катастрофой, либо блаженством: или все умирают, как в «Ромео и Джульете», или «живут долго и счастливо». Однако так повелось, что после достижения цели – то есть после развязки – редко повествуется, из чего сложилась «последующая счастливая жизнь». Занавес опускается – и все тут! Романтический процесс достижения цели – вот самоцель!

С еврейской точки зрения романтика – только часть гораздо более сложной головоломки, включающей в себя как четкую картину того блаженства, ради которого прилагалось столько усилий, так и четкое указание, как следует жить после того, когда это блаженное состояние достигнуто.

А ведь это две разных вещи!

Когда я был молод, меня однажды попросили произнести речь на церемонии открытия духовной академии. Я много говорил о том, как замечательно быть евреем. А затем добавил: несмотря на то что я много лет воспитывался в религиозном духе, я не верю в Б-га по-настоящему. В зале сразу же воцарилось молчание – тридцать лет назад сказать такое вслух было неслыханно! Развивая мысль, я сказал: «Но хотя у меня, возможно, нет безусловной, не допускающей никаких сомнений веры в Б-га, мой молодой еврейский разум непрестанно ищет Его, и еще неизвестно, какая из этих двух позиций лучше!»

Возвращаясь на свое место, я слышал, как люди шептали: «Блестяще!» и «Как вдумчиво!» Место на кафедре занял раввин, сказавший, что моя позиция по существу – подлинно еврейский подход: не слепая вера, а постоянное сомнение и поиск.

Другими словами, существует – как принято считать – всего две возможности: либо ты слепо придерживаешься стереотипного представления о

Б-ге, либо пускаешься в зачастую болезненный, но полный драматизма и романтики поиск Б-га. Найти же Б-га, то есть найти абсолютный смысл жизни и в то же время остаться зрелым, культурным человеком – категорически невозможно. Как выразился кто-то: «если ты говоришь с Б-гом, ты – святой, а если Он говорит с тобой, значит ты – безумец».

Если спросить человека с улицы, ради чего он трудится всю жизнь, тот вероятно ответит: чтобы в мире жилось лучше. Тогда спросите его: а после того, как положим конец войнам, несправедливости, болезням, невежеству и всему подобному прочему, что дальше? Скорее всего, он попросту пожмет плечами. Точно так же, если спросить ориентированного на духовность человека, что такое иудаизм, он или она скорее всего ответит: поиск Б-га. Задайте следующий вопрос: а когда найдем Б-га, что дальше? В ответ по всей вероятности услышите: поиск – это самоцель! Искать – это и значит найти.

Почему такое нежелание спросить: а для чего все это? Что же означает подлинная близость с Б-гом?

С точки зрения западного человека, поиск – это самоцель, но такой подход не дает большинству людей понять, кто и что есть Б-г? Многие боятся думать о Б-ге, потому что опасаются, будто это невесть куда может завести. Безопасней сосредоточиться на «процессе поиска» и забыть о возможности «завершения» или «достижения цели». Безопасней утверждать, что Б-г фактически никогда не общался и никогда не будет общаться с нами.

Я согласен, что это интересная история, которая держит людей в напряжении, пока не опустится занавес. Но если Б-г, создав человека, не сообщил, чего от нас хочет, что

следует из этого? Что же, Он создал нас из спортивного интереса, чтобы позабавиться, наблюдая, как мы стараемся понять, зачем существуем? Или же

Он не в состоянии установить с нами связь? Какой отец после рождения ребенка выбросит его на улицу и скажет: давай, малыш, барахтайся сам, узнай жизнь на собственном опыте!

Какой отец даст своему ребенку новый автомобиль, не научив его водить машину?

Имеются люди и философии, готовые признать такую возможность. Однако иудаизм считает, что это не согласуется с самой природой Б-га. Иудаизм дает четкую концепцию, кто такой Б-г и что Он собой представляет, какими могут и должны быть наши отношения с Ним. Так же четко отвечает иудаизм и на вопрос: каким должен быть мир, чтобы достигнуть совершенства, и как жить «долго и счастливо». В Торе – совершенно четкое и ясное определение того, что мы ищем.

Где же тут романтика? – спросите вы. – Где страсть и напряженность поиска? Если можно получить готовые ответы в аккуратной упаковке, не отказываемся ли мы от своей свободной воли? А заодно – и от присущего нам духа любознательности?

Поскольку Б-г бесконечен, то какой бы тесной ни была наша связь с Ним, всегда возможно сделать эту связь еще прочнее, еще чище. Как только мы осилим одну ступень в наших отношениях с Б-гом, любовь побуждает нас подняться еще выше, на более высокую ступень. В этом контексте каждая стадия сама по себе уникальна и осуществима. «Но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его» (Второзаконие, 30:14).

Иудаизм предлагает нам и напряженность и страсть романтики, и блаженство и радость исполнения. Одно питает другое. Чем более интенсивно исполнение, тем сильнее желание еще более высокого исполнения. Чем сильнее желание, тем более интенсивно исполнение.

Традиция велит нам мыслить о себе как о народе, в каждом поколении переживающем исход из Египта. Кабала добавляет: «Каждый день нашей жизни наполнен романтикой любовного общения с Б-гом».

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Ī Ī Ā Ī Ñ Ò È Ò Ā Ā Ā Ā Ò Ò È È Ā Ā Ā Ā È Ñ È È Ò Ī Ā Ò È Ī Ā Ā Ā Ā Ñ Ñ Ā Ē Ā

10 декабря президент Еврокомиссии Романо Проди встретился с делегацией европейских раввинов во главе с председателем Центра раввинов Европы р. М. Гореликом и главным раввином России р. Б. Лазаром. Гости рассказали о положении в еврейских общинах Европы, поделились своей озабоченностью в связи с ростом национал-экстремизма во многих странах континента.

Встреча проходила в дни Хануки, и раввины рассказали г-ну Проди об этом празднике, подарили ханукальную менору и фотоальбом о церемониях зажигания ханукии на площадях крупных городов мира.

Р. Берл Лазар подробно рассказал г-ну Проди, как в нынешнем году этой традиции следовали в городах России, на Манежной площади в Москве.

Ò Ī Ī Ò È Ā Ī Ī Ñ È Ā Ā

Менее чем за сутки столбик термометра неожиданно опустился от нуля почти до 30 градусов. И из-за этого опасались: состоится ли церемония зажжения ханукальной свечи на Манежной площади?

Но к радости организаторов праздничного действия, еще задолго до семи часов вечера возле огромной меноры на площади стали собираться люди. И когда подоспело время зажигать свечу, показалось – стало теплее...

Главный раввин России Берл Лазар поздравил всех собравшихся с праздником Хануки. И народный артист России Иосиф Кобзон зажег светильник...

Весь вечер над площадью звучали еврейские мелодии: молодежь и люди постарше вместе с внуками допоздна пели, танцевали, веселились. Празднество завершилось ярким фейерверком.

На следующий вечер зажгли огоньки менор над белыми «Волгами». Кавалькада машин, поздравляя горожан и гостей столицы с праздником света и добра, стартовала от здания Общинного центра в Марьиной роще и направилась к Белому дому. Праздничный маршрут пролегал к Поклонной горе, к меноре на Манежной площади, к Васильевскому спуску, к кинотеатру «Гавана», где также зажгли менору.

По сложившейся традиции в преддверии Хануки МЕОЦ разослал всем членам общины подарки – менору и ханукальные свечи. И уже 1 декабря его спортивный зал превратился в огромную аудиторию, заполненную детьми. На столах - листы бумаги, фольга, карандаши, краски, клей – словом, все, что необходимо для участия любого мальчика или девочки в конкурсе на лучшие рисунки и поделки, посвященные Хануке. И ребяташки рьяно взялись за дело. Кто-то самостоятельно дал выход своей фантазии, кому-то помогали старшие брат или сестра, а кому – и родители. Пока дети были заняты творчеством, многие из родителей в другом зале, названном «Амфитеатр», слушали раввина Ури Спасского, увлекательно изложившего историю праздника Ханука. Дети и взрослыми в тот день были заполнены все аудитории и кабинеты огромного здания. Даже и в молельном зале установили сценическую площадку. И там юные артисты вместе с профессиональными актерами сыграли в спектакле, посвященном событиям, происходившим три тысячи лет назад.

Девочки принарядились в бело-голубые туники. Ясно: они – евреи. Мальчики – в туниках красных, с мечами и щитами. Тоже понятно: они – греческие воины...

Едва в «Амфитеатре» завершилась беседа раввина, как тот же зал заполнили участники азартной игры эрудитов – «Еврейское счастье». В том ее выпуске все вопросы были, естественно, связаны с Ханукой, и победители получили ценные призы.

Наконец в молельном зале началось представление. Что же, на сцене – все, как и было в нашей истории. Греки посрамлены. Евреи остаются верными Торе и традициям.

В завершение дня состоялся большой праздничный концерт...

Да, вот таким оказался лишь один день Хануки. А было их восемь! Были вечера с застольем для пожилых, были и молодежные – с участием популярных эстрадных ансамблей. И так совпало, что в дни Хануки проходило очередное мероприятие клуба «Творческие встречи». В тот день выступал создатель популярной телевизионной программы «Серебряный шар» Виталий Вульф. Его увлекательный рассказ о жизни и творческом пути выдающейся актрисы Фаины Георгиевны Раневской стал еще одним заметным событием праздника.

А в последний день Хануки москвичей ждал благотворительный концерт звезд российской эстрады в Государственном центральном концертном зале «Россия». Собранные в тот вечер средства были переданы правительству Москвы для воспитанников детских домов города.

Судя по впечатлениям многих участников торжеств и гостей, широкое празднование Хануки в Москве стало важным шагом на пути укрепления межнационального согласия в столице.

А. Давид

«МЫ ХОТИМ ПРИНЕСТИ РАДОСТЬ ОБЕЗДОЛЕННЫМ ДЕТЯМ...»

Для эффективной реализации и развития программ по профилактике детской беспризорности и безнадзорности Министерство труда и социального развития Российской Федерации заключило соглашение с Региональным общественным фондом содействия развитию еврейских традиций, образования и культуры «Эзра». Документы подписали министр А.П. Починок и исполнительный директор фонда А.М. Борода. На церемонии подписания присутствовал главный раввин России Берл Лазар.

Согласно соглашению обе стороны будут разрабатывать и реализовывать новые формы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России, проекты по созданию муниципальных попечительских округов, новые методики социальной реабилитации и адаптации несовершеннолетних, осуществлять культурно-образовательные программы, изучать международный опыт работы с социально неблагополучными группами детей, информационно поддерживать новые проекты через средства массовой информации. При этом министерство труда выступит в качестве государственного попечителя новой программы.

Фонд будет оказывать помощь наиболее нуждающимся приютам и социально-реабилитационным центрам для несовершеннолетних, привлекать партнеров и спонсоров, обеспечивать проведение мероприятий в рамках программы. Также фонд примет участие в конкурсах на получение финансовых средств для реализации федеральных целевых программ.

Как заявил Александр Починок, у возглавляемого им министерства уже есть опыт работы с благотворительными фондами, так что его ведомство с удовольствием поддерживает подобные организации. По словам министра, в России появляются негосударственные фонды, которые лучше справляются со своими прямыми обязанностями, чем иные государственные, при этом они придерживаются строгой отчетности и минимальной доли нецелевых расходов. И, как отметил г-н Починок, фонд «Эзра» входит в число таких организаций.

Александр Петрович считает, что для максимально эффективной деятельности по осуществлению благотворительных программ следует проводить конкурсы. «Если негосударственная организация делает свое дело лучше, осуществляет конкретные программы, адресованные конкретным людям и учреждениям, пусть она будет в приоритете, – заявил министр. – С фондом “Эзра”, одним из крупнейших в России, мы уже вели совместную работу, а сегодня мы просто закрепили наши отношения подписями».

О деятельности фонда рассказал его исполнительный директор Александр Борода.

— Кроме того что мы финансируем приюты, получаем информацию о наиболее неблагополучных детских домах, ведем отчеты, открываем столовые для пожилых людей, мы также осуществляем работу по доставке обедов на дом, наладили систему медицинской помощи. На это ежемесячно уходят сотни тысяч долларов. Основным жертвователем «Эзры» является Аркадий Гайдамак, президент фонда. Фонд тесно сотрудничает с Федерацией еврейских общин России и другими организациями, поэтому наша доля расходов минимальна. За годы работы фонд открыл 99 социальных приютов, планируется открыть еще тридцать шесть.

После подписания соглашения выступил главный раввин России Берл Лазар. Он в частности сказал:

– Мы осуществляем помощь потому, что хотим, чтобы дети верили: об их светлом будущем думают и заботятся. И притом нам совершенно неважно вероисповедание ребенка. Мы только хотим, чтобы дети поняли: они нам нужны, и нас интересует только то, что они будут полезны для общества. Нам важно, чтобы они ни в чем не нуждались. И чтобы их завтрашний день был лучше, чем сегодняшней. Мы хотим привнести в их жизнь больше радости.

יֵאָדָוּ לְעַיִן הַבְּרִיָּה

אַנְוָדָאָּ אַ דאַאַַעַיְ אַ נְיַ דאַאַַאַֹאֶאֶיְ נְיַ אַאַֹאֶ אַ אַאַֹאֶ אַ אַאַֹאֶ

Состоялась встреча председателя Совета Федерации Сергея Миронова и главного раввина России Берла Лазара. В ходе беседы Берл Лазар сообщил о значительной помощи, которую оказывают еврейским общинам губернаторы и представители местной власти, особенно в том, что касается развития еврейского образования и культуры. Раввин Б. Лазар также отметил полное взаимопонимание с органами государственного управления. Он особо подчеркнул, что на государственном уровне какие бы то ни было проявления антисемитизма отсутствуют.

На встрече обсуждались различные аспекты международной жизни. В частности, было отмечено, что практика двойных стандартов по отношению к международному терроризму стала нормой в политике некоторых европейских государств и что ситуация в мире требует внесения поправок в Европейскую конвенцию о борьбе с терроризмом.

Обсуждалась также возможность инициирования слушаний в Совете Федерации, посвященных проблеме противостояния международному террору. Федерация еврейских общин России и Всемирный конгресс русскоязычного еврейства выражают свою заинтересованность, они готовы активно участвовать в реализации подобных инициатив, заявил на встрече главный раввин России.

עַיִן אֶל הַבְּרִיָּה

יְיַ אַאֹיְ אַבִּי אַאַֹאֶ אַ אַאֹאֶ אַ אַאֹאֶ אַ אַאֹאֶ אַ אַאֹאֶ אַ אַאֹאֶ אַ אַאֹאֶ אַ אַאֹאֶ אַ אַאֹאֶ

Главный раввин России Берл Лазар удостоен почетной награды – медали «Министерство иностранных дел Российской Федерации. 200 лет». Эта награда вручается видным представителям законодательной и исполнительной власти страны, администрации

президента, духовным лидерам традиционных конфессий, участвующим в реализации внешнеполитических инициатив России, а также в установлении полезных для государства международных контактов. Торжественная церемония награждения состоялась в МИДе России.

עֵי טוֹבֵי אֵינִי

אֵי טוֹבֵי אֵינִי עֵי טוֹבֵי אֵינִי

Дан старт новому беспрецедентному в России молодежному проекту Московского еврейского общинного центра «Мелаве Малка».

Можно долго говорить об инертности нынешней молодежи, цитировать высказывания различных авторов о современном поколении и его безразличии к истории и традициям своего народа. Упрекать: мол, в погоне за материальными благами мы забываем о самом главном, что невозможно купить ни за какие сокровища мира, – о причастности к вере отцов.

Но сегодня следует рассказать о другой молодежи, о тех юношах и девушках, которым не безразлично понятие «национальные корни».

Перед входом в МЕОЦ я услышала звучное многоголосье: шутками и смехом встречали здесь участников нового проекта. А в ресторане «Левиафан» музыканты из группы «Ногу свело» уже настраивали инструменты и проверяли технику. В раскрытые двери с шумом входили гости торжественного вечера прощания с Субботой. Более шестисот заинтересованных новым делом людей разместились в зале.

С приветствием к гостям обратился раввин Ури Спасский. Он сказал:

– Мы начинаем новый молодежный проект, приуроченный к празднованию окончания Шабоса. Нашему пророку царю Довиду была предсказана смерть в конце Шабоса. И когда Великий день заканчивался, а царь, к радости народа, оставался живым, было решено отмечать каждый конец Субботы праздничной трапезой...

В нашем центре будут проходить подобные мероприятия каждый месяц. Мы будем приглашать музыкантов, актеров, интересных людей. Надеемся, что этот вечер будет для вас и познавательным, и веселым.

Наступило время отделения Субботы от будничных дней.

Зажгли свечу Авдолы, прочитали молитву, вдохнули благовоний. Все вместе, словно одна большая семья...

Рядом со мной сидел юноша, который впервые присутствовал на подобной церемонии. Он вообще мало что знает о еврейских традициях. И его приход сюда, на «Мелаве Малка» стал для него своеобразным «возвращением в историю своей семьи». Он рассказал, что родители никогда не посвящали его в еврейские традиции. И вот сейчас, будучи уже аспирантом, он захотел узнать больше о народе, к которому принадлежит. Слушая таких, как он, невольно убеждаешься в необходимости подобных начинаний. И не только раз в месяц, и не только в столице. Хочется верить, что «Мелаве Малка» придет и в другие города России. Ведь это прекрасная возможность общения с друзьями, новых знакомств и, конечно, встреч с любимыми музыкантами и актерами.

Сегодня возрождение еврейской культуры столкнулось с серьезной проблемой – отсутствием преемственности, возникшим в результате длительного периода отторжения поколений евреев от национальных корней. Поэтому в МЕОЦ были созданы дирекция культурных программ и дирекция еврейских программ «Бейт-Талмуд». Обе они призваны содействовать возрождению и развитию еврейских традиций и в конечном счете – пробуждению национального самосознания.

Только следование древней традиции, только ее сохранение не дает народу исчезнуть, кануть в Лету. Мы знаем множество примеров, когда уходил в небытие целый народ – из-за поколений, не сумевших сохранить свои корни.

Еврейская жизнь в нашей стране обширна и многогранна. В Московском общинном центре каждый может найти программу по вкусу. Если вы азартны и хотите почувствовать себя одним из «великих мыслителей эпохи», приходите в воскресный клуб «Еврейское счастье» – это как раз для вас. Интеллектуальные игры и викторины, приправленные остроумием их ведущих Ю. Ваганова и А. Белкина, станут прекрасным времяпрепровождением в выходной день. А может быть, вы предпочитаете хорошее, умное кино? Тогда вам необходимо прийти в «Киношоу» с его ведущим Евгением Валевичем.

Длинный перечень образовательных программ культурного отдела МЕОЦ включает в себя массу познавательных и интересных дел. Из всего этого многообразия дети, подростки, студенты и взрослые легко могут выбрать то, что отвечает их склонностям. Курсы по изучению иностранных языков, компьютерные курсы, интернет-кафе, программы по различным видам спорта, тренажерный зал, «Детская академия», живопись и прикладное искусство, «Театральная студия», а также «Школа психотренинга» и «Клуб “Журналист”», «Фотостудия» и «Золотое шитье»... Это – далеко не полный список занятий, которым вы можете посвятить свой досуг. Притом все это – в любое удобное время и бесплатно.

Наша жизнь полна забот и проблем. Но человек ищет и находит способы, позволяющие ему избежать рутины, защитить себя от домашних и производственных невзгод, время от времени переходя в иную реальность, далекую от повседневной суеты, от привычной размеренности будней. Концерты, встречи с интересными людьми, образовательные программы и «Шабатоны» разнообразят жизнь, обогащая ее новыми впечатлениями.

В такой, как Россия, многонациональной стране легко потерять и забыть свои национальные корни и историю своего народа. Нашим бабушкам и дедушкам запрещалось изучать родной язык и Тору, верить в Б-га. Это, впрочем, отразилось и на наших родителях. Поэтому дирекция «Бейт-Талмуд» уделяет особое внимание еврейской истории, традициям и ивриту. Ведь знание своих корней – неотъемлемое свойство любого цивилизованного человека.

Идея непосредственного контакта молодежи с прошлым станет содержанием проекта «История хасидских местечек», который вскоре планирует осуществить МЕОЦ. Программа предполагает поездки в ближнее и дальнее зарубежье, чтобы прикоснуться к традициям, обменяться опытом и знаниями.

...Но пора вернуться на вечер «Мелаве Малка» в зал ресторана «Левиафан», где директор культурных программ центра Михаил Мельман наконец-то объявил выступление группы «Ногу свело». И тут же зал взорвался громом аплодисментов: лидер группы Максим Покровский взял первый аккорд, и праздник начался. На протяжении двух часов музыканты дарили зрителям свои песни, а вместе с ними – и мощный заряд хорошего настроения. С первого же куплета Максиму подпевал весь зал.

Так началась жизнь еще одного детища Московского еврейского общинного центра, обещающего стать одним из любимых во все разрастающейся семье еврейских молодежных программ.

До встречи на «Мелаве Малка»!

Аי תא תיודיא

НАЧАЛО

Исполнился год еврейской общине города Курска.

В истории год – песчинка, но для общины – уже и это серьезный срок. Вот что рассказал в преддверии юбилея председатель курской еврейской общины Борис Михайлович Динер.

– Прошедший год для нашей общины – это прежде всего шаги по становлению и налаживанию контактов с другими общинами, оказывающими нам помощь. В частности, в первую очередь – с брянской общиной и ее руководителем раввином Ицхаком Ройтманом. Это и праздники, которые у нас отмечаются очень торжественно и по-еврейски задорно, искрометно, весело. К нам приезжали гости: на Пейсах – из ешивы Нью-Йорка, а на Суккос – из Брянска.

Каждую пятницу члены нашей общины собираются на празднование Шабоса. У нас работает воскресная школа для детей и подростков, женский клуб. Регулярно проходят занятия по изучению Торы, которыми руководит Марина Попик, обучавшаяся в Институте изучения иудаизма под руководством знаменитого раввина Адина Штейнзальца.

В начале нынешнего года у нас в гостях побывал московский шоу-театр «Тум-балалайка», и выступление этого замечательного ансамбля стало для нас своеобразной визитной карточкой. Люди еще не знали о нашем существовании, у нас не было помещения. Но благодаря помощи Федерации еврейских общин России курская община начала возрождаться... К нам также приезжал музыкальный ансамбль «Алэвай» из Тулы.

И все же из всей череды дел я бы хотел отметить самые значительные дни. Это когда у нас собрался миньян на встречу Шабоса. И когда первую в нашей общине бар-мицву провел один из самых уважаемых в Курске граждан – ветеран Великой Отечественной войны Мехер Ушеревич Райсберг. И поездки наших детей в лагеря «Ган Исроэл»: девочек – в Москву, мальчиков – в Брянск. Двое ребят – Леви-Ицхак Минский и Менахем-Мендл Маленкин – прошли там обряд брис-милы. И наконец последнее: молодежь по программе Арэвим побывала на экскурсии в Израиле.

Планы у нас обширные. Уже идет работа над изданием своей газеты, готовится книга об истории курской еврейской общины и о евреях – участниках Великой Отечественной войны, создаются молодежный и семейный клубы, детский ансамбль... Да обо всем сразу и не расскажешь!

Аוריאל В. Вейсман

עֲדוּתֵנוּ אֲדָמָה נֵיטְרָה לְעַד

Одна из главных идей еврейского возрождения последних лет – восстановление связи между поколениями. И это справедливо, ибо то, что прошло, не должно быть забыто! Мы должны осознать, что наша жизнь – всего лишь звено в огромной цепи, а мы всего лишь продолжаем то, что было начато за много поколений до нас. Этой исторической памяти нас старались лишить коммунисты, чтобы чувствовали мы себя в безвоздушном пространстве, чтобы всякий раз наша жизнь начиналась с чистого листа. И наше еврейское возрождение началось и продолжается именно как возрождение традиции. А потому в каждой свече, которую зажигают наши дочери и жены, в каждом событии мы стараемся увидеть нерушимую связь, которая соединит нас со всеми предыдущими поколениями еврейского народа.

Но вот только много ли мы сами-то знаем об истории наших общин? На сколько лет назад мы можем проследить цепочку нашего существования? А ведь так важно знать, как еврейская жизнь в каждом городе начиналась, как жили здесь евреи 200, 100, 50 лет назад. Как пережили они гонения большевиков и нацистов, как выжили в душном мраке застоя, кто поднял знамя еврейского возрождения и как из будто бы потухших углей разгорелся огонь возрожденной еврейской жизни?

В Днепропетровске вышла в свет двухтомная летопись общины. Ее автор Александр Быстряков постарался пусть и бегло рассказать о жизни евреев нашего города с 1778 года, когда был основан Екатеринослав, вплоть до конца бурного XX века.

Книга Александра Быстрякова – отнюдь не фундаментальное историческое исследование. Это – очерки, в которых ощущается пульс времени, и чаще всего – живые зарисовки. Сам автор определяет их жанр как «хронику жизни евреев». Книга и начиналась с серии очерков, которые публиковались в еврейской газете «Шабат Шалом». Постепенно автору стало тесно на газетных страницах. Вот так и возникла потребность в создании книги.

Первый том, в котором хроника жизни общины охватывала период до начала XX века, встречен всеми интересующимися историей родного края да и всей широкой общественностью Днепропетровска с большим интересом. Трудно представить теперь издание об истории евреев Украины, которое обошлось бы без материалов из книги А. Быстрякова или без ссылки на них.

К работе над вторым томом автор приступил с особым чувством. Ведь в повествовании о событиях XX века наряду с погромами, революцией и гражданской войной, сталинскими репрессиями и трагедией Холокоста он решил запечатлеть и хронику еврейского возрождения последних лет. И эта часть книги-исследования оказалась, пожалуй, самой сложной и вызвала серьезные разногласия...

Возможно, не пришло еще время объективных оценок. Возможно, не сменила еще история публицистику. Но ведь книга А. Быстрякова и не претендует на истину в последней инстанции. Это – всего лишь первая попытка заполнить информационный вакуум и рассказать о том, как складывалась еврейская жизнь в нашем городе. С этой книгой можно и нужно спорить. Она, безусловно, нуждается в значительных дополнениях и поправках. Однако ясно: сделано самое главное – пройден первый шаг в создании летописи еврейской общины.

Àààä Äèí ñòòä

Ï ÐÏ ÕÈÄ ÐÄËËÄÈÏ ÇÏ ÎÄÏ ÝÈÑÒÄÏ ÈÇÏ Ä

В Екатеринбурге в резиденции полпреда президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе состоялось заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями. Обсуждали совместную деятельность органов государственной власти и религиозных конфессий в целях обеспечения мира и согласия.

В заседании под председательством Петра Латышева приняли участие представители основных религиозных конфессий. В частности, митрополит Челябинский и Златоустовский Иов, архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий, председатель Центрального духовного управления мусульман России, Верховный муфтий Шейх-уль-Ислам Талгат Таджуддин, главы региональных духовных управлений мусульман регионов, главный раввин Екатеринбурга и Свердловской области Зелиг Ашкенази.

Открывая заседание Совета, П.Латышев заявил о необходимости «нейтрализовать деструктивные моменты». Такие, в частности, как проявления бытового национализма, напряженность в отношениях между некоторыми конфессиями и внутри них, «пока они не превратились в тенденцию». По словам полпреда, подобные инциденты случаются в Уральском федеральном округе и требуют к себе самого серьезного отношения, поскольку национальные и религиозные лозунги все чаще используют разного рода экстремисты.

Петр Латышев особо подчеркнул, что ни в коем случае нельзя отождествлять какое-либо религиозное направление или национальное движение с экстремизмом. Но в то же время недопустимо не замечать, что для экстремистской деятельности нередко используются религиозные или, точнее, псевдорелигиозные обоснования.

Участники заседания Совета отметили, что для эффективного противодействия проявлениям экстремизма необходима совместная работа органов государственной власти и местного самоуправления, религиозных объединений и других общественных институтов. Совет предложил главам религиозных объединений организовать разъяснительную работу среди верующих о неприемлемости любых форм экстремизма.

Участники заседания предложили создать при Совете по взаимодействию с религиозными объединениями консультативную группу для оценки спорных вопросов, возникающих в процессе государственной регистрации религиозных организаций, а также для разрешения других правовых конфликтов в этой сфере.

*יְיָ יֵאָדָּעֵנוּ דַּעַ
«יְיָ יֵאָדָּעֵנוּ»*

דְּאֵאֵי עֵ אֵאֵי אֲנֹאדִּי אֵאֵאֵוֹ יֵ אֵאֵאֵוֹ יֵ אֵאֵאֵאֵ עֵ אֵאֵאֵאֵ יֵאֵאֵאֵ

Все большую популярность приобретает Интернет-сайт «Хасидус по-русски» chassidus.ru, созданный и поддерживаемый раввином брянской иудейской общины Ицхоком Ройтманом. Уже более 60 тысяч посетителей воспользовались его информацией. Собственно, с этой цифры мы и начали нашу беседу с раввином.

– Ицхок, 60 тысяч – это много или мало?

– Для «Евронета» (Еврейского Рунета) это не мало. Наш сайт уверенно входит в первую тридцатку по рейтингу jewish.ru, в котором на сегодняшний день более пятисот ресурсов. Среди религиозных еврейских сайтов мы – в первой десятке. К нам заходит около 200 человек в день.

– Как начинался ваш проект?

– С чистого листа: с начала календарного года. Это было 1 января 2001 года. Что делать правоверному еврею в такой день? Естественно, бродить по Интернету. И в процессе случайных блужданий я наткнулся на несколько сайтов, которые буквально смешивали с грязью движение любавичских хасидов и все, что с ним связано. Знаете, как говорится, «за державу обидно» стало. И через полмесяца я зарегистрировал сайт «Хасидус по-русски», а затем немедленно поставил «спайлоговский» счетчик, нашел бесплатный хост – и дело пошло! Поначалу заходили по 5 человек в день, и я сам себя спрашивал: зачем я вот это все делаю?

Но потом ситуация коренным образом изменилась...

– Чем же вы привлекли столько «посетителей», и с какими материалами они могут познакомиться на вашем сайте?

– Я всегда считал, что даже тому, кто делает только первые шаги в иудаизме, важно сразу показать всю глубину этого учения. Может быть, годы пройдут, пока он дойдет до осознания его смысла, но важно сразу увидеть перспективу.

В соответствии с этим я стараюсь, чтобы на сайте были материалы самых разных уровней – от популярных брошюр о еврейских праздниках до философских обобщений. При этом я стараюсь не ограничиваться только хасидской тематикой: на сайте присутствуют материалы по еврейской истории, традиции, музыке. Есть весь Танах по-русски, в том числе Тора с комментариями Раши и Сончино.

Но, конечно, основное содержание сайта – хасидизм. Я постарался собрать все материалы по этой теме, переведенные на русский язык. Прежде всего, это книга «Тания», «Мемуары» шестого Любавичского Ребе – подробнейшая история возникновения и развития хасидизма. Затем – замечательные книги Эзры Ховкина о Любавичском движении: «Ребе», «Непокорившийся», «Свеча на снегу». Здесь же – книги издательства «Лехаим»,

посвященные философскому и этическому смыслу учения Ребе. В первую очередь это – «Обретение жизни на земле» и «К жизни, полной смысла». Кроме того, на сайте размещена довольно большая подшивка еженедельника «Восхождение», в каждом номере которого – краткое изложение беседы Ребе. Следует отметить материалы раввина Туви Болтона из ешивы «Ор Тмимим», который всегда предлагает свежий взгляд на, казалось бы, всем известные и привычные вещи.

На сайте есть довольно обширная подборка «нигуним» – хасидских мелодий и песен.

Ну и наконец – собственно, в этом состояла изначальная идея сайта, и в этом я вижу его основное назначение – переводы бесед, писем, трактатов по хасидизму последнего Любавичского Ребе, рабби М.-М. Шнеерсона. Здесь собраны уже имеющиеся переводы (увы, их не так уж много): книга издательства «Шамир» – беседы Ребе на главы книги «Брейшис», переводы, изданные «Мерказ Гутник», ссылки на переводы р. Шмуэла Соминского из петербургской ешивы.

Вообще перевод хасидской литературы на русский язык – занятие отнюдь не из легких. Ведь многие понятия хасидизма оригинальны, и их прямого эквивалента в русском языке не существует. Но в то же время сидеть сложа руки и ждать – просто невозможно! Поэтому я и стараюсь делать то, что в моих силах: осуществляю практически дословные переводы трудов Ребе и помещаю их в Интернет. И надеюсь, что со временем найдется редактор и для этих материалов.

Прошедший год – год столетия со дня рождения Ребе – самое подходящее время, чтобы обратить внимание на его философско-этическое наследие, которое столь важно донести до русскоговорящего читателя.

– Какова аудитория вашего сайта и какие материалы пользуются наибольшей популярностью?

– Неожиданно для меня к сайту возник достаточно устойчивый интерес. Большой популярностью пользуются материалы по недельным главам Торы. Учителя еврейских школ и вузов используют их для подготовки к урокам, а учащиеся, обладающие базисными сведениями, – для углубления своих познаний в иудаизме и хасидизме. Кроме того, «армия» шлухим, посланников Любавичского Ребе в СНГ и во всем мире, которые работают с «русскими» евреями, также используют эти материалы. Ну и наконец те, кто просто ищет для себя новую информацию, – ведь именно Интернет предоставляет для этого поистине уникальные возможности.

– А вы не ощущаете противоречия между деятельностью раввина города Брянска и «вебмастера» популярного Интернет-ресурса?

– Думаю, что обе эти стороны моей деятельности не только не мешают друг другу, но и прекрасно дополняют и помогают одна другой. В сущности, в подобном-то и заключается вся идея хасидизма: мир существует между материальностью и духовностью, между практической деятельностью и постижением глубоких тайн Торы.

Кроме всех вышеупомянутых «материальных» аспектов существования нашего сайта, я вижу еще один аспект, на мой взгляд, наиболее важный. Известно, что приход Мошиаха зависит от распространения учения хасидизма. Особое значение для этого имеет перевод источников хасидизма на «семьдесят языков» народов мира. Я стараюсь делать для этого то, что в моих силах. И вижу особый успех и Б-жественное благословение во всем, что связано с этой святой работой.

И да удостоимся мы раскрытия Мошиаха в скором времени, в наши дни, воочию!

*Аניני אלה
ואניני דעאלה*

ДЕСЯТЬ ТОМОВ ЖИЗНИ

В Оренбурге состоялся десятый юбилейный международный фестиваль искусств «Шалом-2002 приглашает друзей» под девизом: «Мир дому твоему!»

В этом году фестиваль посетили многочисленные именитые гости – звезды российской и зарубежной эстрады, кино и театра, а также общественные и религиозные деятели, руководители предприятий и бизнесмены.

На церемонии открытия этого грандиозного форума выступил главный раввин России Берл Лазар, который вручил подарок и приветственный адрес юбилярам. Он также встретился с губернатором Оренбургской области А.А. Чернышевым, мэром города Ю.Н. Мищеряковым, председателем Российской ассоциации «ИДУД Хасадим» В.Г. Лейзерманом и представителями еврейской общественности города.

Оренбуржцы давно привыкли к тому, что каждую осень в город съезжаются российские и зарубежные исполнители. Улицы пестрят афишами с самыми громкими именами, известными всей стране.

О том, как начинался фестиваль, рассказывает его организатор и продюсер Давид Чарный.

– В 1992 году мне предложили организовать выставку израильского фотохудожника Евгения Шоренштейна. Это наш бывший соотечественник, его работы с успехом демонстрировались в Москве, Киеве... Я подумал, что «просто выставка» – это будет довольно скучно. А что, если соединить ее с театральным действием, да к тому еще и привезти к нам эстрадных артистов, и таким образом организовать этакий праздник под названием «Дни еврейской культуры в Оренбурге»? И тогда я пригласил к нам в город московский театр «Шалом», ансамбль «Алия» из Самары, а наш драматический театр тогда же поставил спектакль «Поминальная молитва» по пьесе Григория Горина на мотивы произведений Шолом-Алейхема. Из всего этого мы и «слепили» гала-концерт, который прошел «на ура».

Глава городской администрации предложил сделать фестиваль ежегодным. И он действительно стал ежегодным! Более того, он стал символом и визитной карточкой Оренбурга. За эти десять лет благодаря фестивалю в городе побывали многие яркие и интересные артисты и творческие коллективы страны. В их числе – Михаил Задорнов, Тамара Гвердцители, Михаил Жванецкий, Роман Карцев, Тамара Синявская и Муслим Магомаев, джаз-оркестр Олега Лундстрема, театр моды Валентина Юдашкина, московский театр «Шалом» и даже ансамбль русской песни Надежды Бабкиной.

В этом году, казалось, не очень повезло с погодой: две недели перед фестивалем непрерывно лил дождь... Но в день открытия «Шалом» выглянуло солнце, и в Оренбург вопреки всем законам природы в самый разгар осени вернулась весна.

Весеннее настроение царило и на сцене, и в зале. Артисты и зрители стали единым целым. И зал замер, когда внезапно погас свет, и на сцену поднялись девушки в национальных еврейских костюмах с зажженными семисвечниками в руках. Так начинался «Шалом» уже в десятый раз...

А потом юные артисты из оренбургского театра музыки и танца «Щелкунчик» устроили настоящее шоу, исполнив попурри из всех песен, с которыми они выступали на девяти предыдущих фестивалях. Но самое неожиданное заключалось в том, что на подмостках Театра музыкальной комедии собрались не только нынешние «щелкунчики», но и те, кто участвовал в самом первом «Шаломе» и ...их дети! Ребята исполнили также песню, ставшую своеобразным гимном фестиваля – «Шаломбург».

Нынешний юбилейный «Шалом» предстал настоящим «звездопадом». Оренбуржцы встречали несмолкающими овациями художественного руководителя

московского театра «Шалом» Александра Левенбука, исполнителя песен из США Якова Явно, Аллу Йошпе и Стахана Рахимова, Семена Альтова, Геннадия Хазанова, примадонну Большого театра Любовь Казарновскую, Клару Новикову, лауреата премии «Золотой Остап», популярного телеведущего и пародиста Максима Галкина.

Не остались в стороне и оренбургские артисты: известный далеко за пределами страны муниципальный камерный хор под управлением Ольги Серебрянской, танцевальный коллектив «Глория» и многие другие.

Выступая на церемонии открытия, главный раввин России, член Президентского совета Берл Лазар сказал:

– Когда я ехал сюда, не ожидал, что в далеком Оренбурге может быть так высоко оценена культура еврейского народа. А ведь евреев здесь меньше пяти тысяч! И в зале, насколько я могу судить, далеко не все присутствующие имеют отношение к народу Моисея.

Как только ни называли гости, выступавшие на торжественном открытии фестиваля, его главного организатора Давида Чарного: и одержимым, и даже сумасшедшим. Мол, какой нормальный человек добровольно взвалит на свои плечи подготовку такого грандиозного культурного марафона! И что уж совсем необычно – деньги на организацию «Шалом» не льются из городского или областного бюджета. Фирма «Регион-концерт. Продюсерский центр “Давид Чарный”» полагается только на себя и на спонсоров, в числе которых мебельная фирма «Харфа», компания «Мехатроника», Тюменская нефтяная компания, фирма «Оренсот» и другие.

А в офисе Давида Чарного к стоящим на полках шкафа девяти огромным томам, в которых хранится история каждого фестиваля, добавился еще один, десятый. Десятый том «Шалом», десятый том жизни...

יְיָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

יְדֹאֵי אֲדֹאֵי עֵשׂוֹ אֲעֵנֶהוּ יָא

יְדִי נֹדָאֵי נֹאֵי עֵ אֲדָאֵי בִ אֲדָאֵנֵי עֵ עֹעֵוֹוֹדֹ: עֵי עֵאָ, יִ וְצֵעָ, עֵעֵי יִ

В Брянске прошел общинный фестиваль еврейской книги «Пространство и время еврейской культуры России и Брянщины». Это уже четвертый подобный форум. Следует отметить, что впервые в нем принимали участие и члены еврейской религиозной общины.

В дни фестиваля в общественно-благотворительном центре «Хесед-Тиква», которым руководит Ирина Черняк, с успехом прошел концерт вокальной группы «Ор левана» и хора «Ди голдэнэ павэ». Звучали песни на русском и идише – грустные и веселые, свадебные и шуточные. Публика хором подпевала артистам и долго не отпускала их. В ходе реализации проекта «ОФЕК на колесах» участники фестиваля побывали с культурной программой в Унече.

На концерте в художественном музее общинный театр «Карней Театрон» и театральный коллектив «Мисхак» молодежной организации «Гиллель» показали фрагмент нового спектакля «А штетл, штетл, штетл, или Шабос в Гиене» по произведениям Шолом-Алейхема, И. Бабеля и А. Башевиса-Зингера. Автор инсценировки – Олег Самойлов, режиссеры – Наталья Корнева и Вадим Туник. Недавно все они стали победителями первого международного фестиваля еврейского театрального искусства «Созвездие льва»: завоевали один из трех главных призов фестиваля «Большой хрустальный лев» и победили еще и в номинации «За сценический темперамент и публицистический задор».

В дни фестиваля в Брянске отметили 115-летие со дня рождения Самуила Маршака. В музыкально-поэтической гостиной литературного музея прошел вечер с участием поэта, кандидата филологических наук Игоря Непомнящего и скрипача Марка Белодубровского, с успехом выступившего на недавнем международном фестивале современной музыки «Московская осень-2002».

Ключевым событием ОФЕК стала научно-практическая конференция читателей журнала «Корни» с участием главного редактора, кандидата психологических наук Семена Августевича и членов дискуссионного клуба «Еврейский многогранник». Статьи главного редактора «Психология национальной самоидентификации» и «Сохранить евреев или создать “новых”», опубликованные в 13-м и 14-м номерах журнала, вызвали значительный интерес и жаркие споры.

На конференции Семен Августевич продолжил дискуссию на тему «Еврейские национальные традиции и современность» и ответил на вопросы.

Координатор общинных программ центра «Хесед Тиква» и один из главных организаторов фестиваля Игорь Зельцбург, врач Альберт Беленький, Мэра Сонькина, член дискуссионного клуба Михаил Хайкин дискутировали о совместимости данных науки и постулатов иудаизма, а также о проблемах этики иудейской религии. О Холокосте и участии евреев во второй мировой войне рассказали Зоя Городецкая и участник Великой Отечественной войны Анатолий Менес. Федор Борисов сделал сообщение о судьбе Сола Юрока, уроженца Брянска, эмигрировавшего в США и ставшего известным импресарио, открывшим Западу Мстислава Ростроповича, Галину Вишневскую, Майю Плисецкую. Недавно избранный председатель брянской иудейской общины Николай Ривкинд, говоря о возвращении к еврейским корням, напомнил о том, что слово «тшува» в переводе с иврита – это и возвращение, и ответ, и раскаяние. Он подчеркнул, что еврейская традиция вне религии, без изучения Торы и соблюдения заповедей – попросту мертва.

Одна из тем дискуссии – «Еврейская судьба и национальные корни» – получила свое яркое отражение на экране в программе «Дней документального кино», проходивших в рамках ОФЕК в кинотеатре «Родина».

Известные московские документалисты, авторы полутора десятков картин Элла и Станислав Митины привезли в Брянск ленты, снятые ими в последние годы: «История моей семьи», «Свои – чужие», а также фильм «Сохрани нас, Г-споди...», сделанный в 2000 году по заказу Федерации еврейских общин России.

В этой картине тема возвращения евреев к своим корням прозвучала особенно сильно и проникновенно. Среди героев фильма – замечательные люди, на закате жизни услышавшие голос своих предков, попытавшиеся восстановить себя в длинной череде поколений, распавшейся в годы безвременья: переводчик Евгения Кацева, композитор Оскар Фельцман, Герой Советского Союза Моисей Марьяновский, художник Моисей Фейгин... А актриса легендарного ГОСЕТа Мария Котлярова через всю жизнь сумела пронести непростую еврейскую судьбу, сохранив для нас память о своих замечательных учителях во главе с великим Соломоном Михоэлсом.

Мы увидели в этой картине Митиных стариков из благотворительной столовой, старательно осваивающих еврейские песни и танцы, может быть, когда-то в раннем детстве привидевшиеся, но совершенно забытые за долгую жизнь. Мы увидели свадьбу под хупой,.. полвека спустя после «регистрации» – в день «золотой свадьбы», жениха и невесту, может быть, и немного грустных, но с надеждой на новую судьбу, пусть не их, но их детей и внуков. Мы увидели врача Давида Бравермана, сбежавшего в детстве от ада кишиневских погромов и оказавшегося по страшной иронии судьбы в фашистской Италии, а теперь на девятом десятке лет изучающего иврит. В картине звучит горькая шутка: «Если встретил человека, который знает семь языков и не знает родного, значит, это еврей».

В фильме Митиных нет громких слов и обобщений – про народ, заплативший страшную цену за право быть самим собой, о верности своим национальным корням и традициям предков. Но из двенадцати коротких новелл складывается драма людей, насильно оторванных от своего прошлого.

– Этот фильм – признание в любви нашим родителям, – говорит Станислав. – Нашим бабушкам и дедушкам. Все мы обязательно пройдем тот же путь. И об этом не стоит забывать, даже когда кажется, что у тебя все впереди.

Самая сокровенная сцена – разговор одного из авторов картины, Станислава Митина, с мамой. Слышишь его неспешные, раздумчивые вопросы и ее тихие ответы... И понимаешь – главное не в словах, а в том, что между ними – в паузах, в молчании. В том, что осталось за кадром...

Фильм произвел большое впечатление на брянскую публику. Сейчас Элла и Станислав Митины заканчивают свою новую картину, посвященную еврейской молодежи. Мы ждем его.

Daouy'ia Deaeia

ÀÁÐÀÈ Í À ÐÐÌ ÀÐÈÁ Á ÑÒÀÐÌ É ÑÀÐÁÌ ÒÁ

Минувшей осенью на площади Свободы в Красноармейском районе Волгограда прошел восьмой международный фестиваль национальных культур «Сарептские встречи-2002».

Этот фестиваль организован комитетом по культуре администрации Волгоградской области и Государственным историко-этнографическим музеем-заповедником «Старая Сарепта». Цель ежегодного фестиваля – содействовать возрождению, развитию, сохранению и приумножению национальных культур и традиций пяти народов, некогда населявших немецкую колонию Сарепта – немцев, русских, татар, калмыков, украинцев, других народов и национальностей, проживающих на территории Нижнего Поволжья.

В первый день фестиваля состоялась научная конференция, посвященная истории народов Нижнего Поволжья. Участвовали в ней не только волгоградские, но и московские, астраханские и калмыцкие ученые. А во второй день прошли выступления творческих коллективов музея-заповедника и ярмарка национальных культур, в которой впервые принял участие «Еврейский культурный центр» волгоградской и светлоярской еврейских общин. Руководитель общины Светлого Яра Инна Моторная призналась, что раньше они просто боялись участвовать в подобных мероприятиях. Однако их опасения оказались напрасными.

Ярмарочная площадь выглядела очень живописно. Здесь можно было полюбоваться татарскими обрядами, узнать о калмыцком буддизме, спеть вместе с казаками и даже проехаться на казачьей лошади... А можно было и отведать самоварного чаю с баранками в русском культурном центре, вареников – в украинском, сладкого пирога «кюхен» – в немецком, «похрустеть» мацой – в еврейском.

К слову, в «еврейскую экспозицию» входили также халы, тфилин, талес, шофар, махзор, «копилка» для сбора цдоки, красивые поделки участников мастер-класса еврейского прикладного искусства, а также книги, журналы, газеты. Усилия организаторов еврейского культурного центра не пропали даром: гости проявили живейший интерес к экспозиции – подходили, беседовали, интересовались прессой, обменивались угощениями...

В общем, евреи по праву заняли свое место в семье народов Старой Сарепты.

Í àèèèì Ðóù àí

ÀÈÐÌÁÈÁÈÁÌ ÒÛ Á ÁÌÑÒÐÕ Ó ÁÁÐÁÁÁ ×ÈÒÛ

В рамках празднования 350-летия Забайкалья в Чите прошли Дни еврейской культуры. По приглашению губернатора Читинской области Равиля Генниатулина на праздник приехала и делегация Еврейской автономной области, около 50 посланцев. Биробиджан представляли лучшие еврейские творческие коллективы: вокальное трио «Нежность», детская вокальная группа «Иланот», театр танца «Сюрприз». Среди делегатов

были повара ресторана «Уют» и члены еврейской общины «Фрейд». Сопровождали участников делегации заместитель губернатора ЕАО Валерий Гуревич и представители областного управления культуры.

Дни еврейской культуры начались с празднования Шабоса. И именно это несомненно создало особый – торжественный и вместе с тем дружеский – настрой на все время фестиваля.

Программа его была насыщена до предела и расписана по минутам – концерты, выставки, экскурсии, встречи. В дни форума открылась выставка биробиджанского художника Владислава Цапа. Его картины по произведениям Шолом-Алейхема и Бабеля так понравились читинцам, что руководство Читинского областного художественного музея попросило оставить их еще на два месяца. Большое внимание привлекла экспозиция еврейских книг и предметов иудаики, подготовленная библиотекарем общины «Фрейд» Надеждой Васильевой. А повара ресторана «Уют» совместно с хозяйкой Светланой Руль удивили своим мастерством приготовления традиционных блюд еврейской кухни. Очень трогательными были выступления детской вокальной группы «Иланот» и театра танца «Сюрприз». После вечера зрители выходили со слезами на глазах, вспоминая полузабытые слова еврейских песен, пряный запах еврейских блюд.

Участники биробиджанской делегации высоко оценили радушный прием, который им был оказан евреями города и читинцами всех национальностей. Небольшая еврейская община Читы только начинает свою деятельность. Приезд делегации ЕАО был важен не только как обмен опытом, но и как средство укрепления статуса еврейской общины и еврейской культуры в регионе.

По мнению вице-губернатора Валерия Гуревича, дни еврейской культуры надо проводить с участием как государственных, так и общественных организаций, и именно это позволит многим людям познакомиться с особенностями национальных и культурных традиций евреев. А вместе с тем, несомненно, будет также и способствовать значительному сокращению проявлений антисемитизма.

Особенно важным представляется то, что власть и общественные организации сибирского города, где основное население составляют русские и буряты, понимают необходимость развивать культуры всех народов, населяющих регион. Организаторы фестиваля отметили большой вклад евреев в экономику, культуру и образование области.

נְרָא עִיּוֹ.

ÀÏÏ, Â ÊÏ ÒÏ ÐÏ Ì ÊÏ ÈÁÈ ÆÈÁÓÒ..

Праздник еврейской книги в библиотеке днепропетровской синагоги «Золотая Роза» никого не оставил равнодушным. Гостей приветствовали библиотекарь Елена Левикова и Ксюша Моря специально сочиненным к празднику сотрудиниками библиотеки стихотворением «Вот Дом, в котором книги живут...» Первая «страница» праздничного вечера была посвящена 105-летию со дня рождения Ильи Ильфа. Волонтер библиотеки Изабелла Яффе рассказала о его жизни и совместной работе с Евгением Петровым. Желающих принять участие в викторине и в игре «Поле чудес» на темы книг «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» оказалось предостаточно. Достойную конкуренцию взрослым составили дети. Еще бы: интерес к игре подогревался сладкими призами!

После веселых конкурсов зрители услышали веселые истории израильского писателя-юмориста Марьяна Беленького, рассказанные Еленой Левиковой. Затем сценку «В еврейском автобусе» по мотивам прозы Дины Рубиной показали... сами гости праздника. Они заходили в импровизированный автобус и рассказывали еврейские анекдоты. Подготовили этот замечательный мини-спектакль за двадцать минут до начала вечера руководители городского театра кукол Михаил Овсянников и Валентин Фетисов, пригласив зрителей – и взрослых, и детей – на некоторое время стать артистами. И они же, наши

кукольники, показали зажигательный танец двух кукол-хасидов под аккомпанемент «Хава Нагила». Представить это трудно, такое надо видеть своими глазами!

А еще надо было видеть рисунки, отражающие названия популярных книг. Попробуйте-ка изобразить, например, «Попугай, говорящий на идиш» или «Остановите самолет, я слезу» Эфраима Севелы. Но художники – родители и дети – прекрасно справились с заданием. Зрителям было также предложено показать пантомимы на темы «Черта оседлости», «Песнь песней», «Беня Крик». Они справились и с этим. А маленькие читатели большой библиотеки Сандра и Артем порадовали гостей чтением стихов и игрой на скрипке. Конечно, все участники конкурсов и викторин получили сладкие призы.

Затем Елена Левикова рассказала о новых поступлениях библиотеки. Это – книги из серии «Литература Израиля»: «Еврейская кухня Шмулика Коэна», «Государство – это я» М. Беленького, «Три раввина в одной лодке» А. Стенли Крамера, «Михоэлс. Жизнь и смерть» – исследование Оскара Минца, «Борщ для тоскующего оле» Дины Ратнер, «Иерусалим. История и образ города» и много других замечательных изданий.

А в заключение вечера поэты Лидия Стеклова, Владимир Гудинский, Юрий Полисский, Татьяна Валовая представили на суд слушателей свои новые произведения.

Праздник книги, веселый, семейный, – удался на славу. А в планах библиотеки новые встречи-праздники...

Èèèÿ Îâ:âðèè

НАША БОЛЬ ОСТАНЕТСЯ В ДЕТЯХ

Каждый год еврейская община Днепропетровска собирается неподалеку от ботанического сада на месте расстрела евреев-днепропетровцев нацистами в 1941 году. Теперь здесь установлен памятник – напоминание о том, что Холокост – трагедия, поистине коснувшаяся всех и каждого, какой бы национальности ни был человек, в каком бы государстве он ни жил. И потому самое важное – и самое сложное! – сохранить память о Катастрофе в будущих поколениях, поколениях наших детей и внуков.

Именно поэтому на траурном митинге всегда так много детей из еврейской школы «Ор Авнер», из еврейских детских садиков, хедера и махона. Слушая рассказы своих дедушек и бабушек о тех страшных временах, наши дети и внуки проникаются нашей болью, нашими чувствами. Они, выросшие в возрожденной еврейской общине, порой просто не понимают, что далеко не всегда евреям жилось так, как сейчас, что были тяжелые, и ужасные годы притеснений, погромов и убийств. И тем больше они будут ценить теперешнюю жизнь. Но есть память, память о том, что было. И слезы в глазах не только стариков, но и детей. Пожалуй, это и есть то единство поколений, о котором говорят наши мудрецы, – единство на основе общих корней, нашей общей памяти.

Àèèèèîîî äð Î è î ñèèð

ÀÀÇÂÐÀÎ ÀÍ Î Î ÓØÄÏØÈÕ ÍÁ ÂÂÐÍ ÓÒÛ

...Это было шестьдесят лет назад. В ласковый и ясный день «бабьего лета» у подножия Кольцо-горы, что в окрестностях Кисловодска, на берегу реки Подкумок затрещали автоматные очереди гитлеровских оккупантов, оборвавшие жизни мирных граждан, наших соотечественников. Тела убитых наспех присыпали землей там же, в оврагах и рвах.

После освобождения города частями Красной Армии в Кисловодск прибыла Чрезвычайная Государственная комиссия, которая по документам и свидетельским показаниям восстановила страшную картину тех дней. Всего под Кольцо-горой были обнаружены останки 322 человек, и из них 70 – детские.

Кое-кого смогли опознать соседи и родственники, у кого-то в карманах сохранились документы. Подавляющее большинство убитых были евреями. Вот имена некоторых из них:

Гибкий Иосиф Петрович, Герцберг Исаак Моисеевич, его жена Хая Яковлевна, дети Рая и Юлия, муж и жена Городецкие, Гилер и его дочь Соня, Гандман Иосиф, Кауфман Михаил Ильич, его жена Маргарита Робертовна, дочь Перекрестова Зинаида и внук Перекрестов Витя, Гуральник Мойше Аврумович, Овсеевич Исаак Моисеевич и его жена Фаня Хаимовна, Вагнер Илья Соломонович, его жена Анна Григорьевна, их дочь София, Стискин Элле Менделеевич, Шульман Хая Моисеевна.

Еще две тысячи евреев-кисловодчан были расстреляны в поле за стекольным заводом в городе Минеральные Воды.

Нынешней осенью в канун шестидесятилетия тех далеких кровавых событий наша община собралась у мемориала погибшим под Кольцо-горой. Мы пришли почтить память тех, кто был расстрелян здесь фашистскими оккупантами в 1942 году. Люди старшего поколения вспоминали самую бесчеловечную в истории войну. В пламени Холокоста погибли близкие и родственники многих присутствовавших. Дети из молодежного клуба еврейской общины провели торжественную церемонию Памяти.

Нельзя повернуть время вспять. Невозможно вернуть безвременно ушедших. Но вечную, светлую память о них мы можем и должны хранить!

וְ בְעִתָּאֵנוּ

וּבְעִתָּאֵנוּ

В Днепропетровске состоялась вторая международная научная конференция «Проблемы Холокоста в Украине». Она стала значительным событием в научной и культурной жизни республики.

Конференцию организовали научно-просветительский центр «Ткума», американский еврейский объединенный распределительный комитет «Джойнт», региональный институт социальных и общинных работников Днепропетровска и еврейская община города при содействии «Клеймс Конференс».

В работе этого представительного научного форума приняли участие 240 посланцев Украины, Великобритании, Израиля, США, Голландии, Германии, Польши, России, Беларуси и других стран.

На торжественном открытии выступили с приветствиями и обращениями почетные гости и участники конференции. И среди них – представители еврейской общины Днепропетровска, попечительского совета городской еврейской общины, днепропетровской мэрии, института «Яд ва-Шем», «Клеймс Конференс», европейского фонда «Таск Форс», европейской ассоциации иудаики, «Джойнта», министерства образования и науки Украины и многие другие.

В ходе конференции были затронуты вопросы истории евреев СССР, проблемы философских, этических, психологических аспектов Холокоста, его последствий для истории второй половины XX века, отражения Холокоста в литературе и искусстве. Шла речь и о преподавании истории Холокоста, а также истории Украины и Европы в минувшем веке.

На заседаниях секций то и дело разгорались жаркие дискуссии, в ходе которых решались самые насущные и злободневные проблемы, прежде всего связанные с преподаванием истории Холокоста детям и взрослым в разных странах СНГ. Высокий научный уровень конференции был задан представителями ведущих университетов, институтов и академий Иерусалима, Хайфы, Петербурга, Киева, Бреста, Черновцов, Донецка и других научных центров.

Три дня конференции прошли практически без перерывов в работе, она продолжалась и в столовой, и в гостинице. И главным итогом этой работы, по мнению большинства участников, стало то особое чувство, которое возникает у людей, занимающихся одним делом, очень важным и нужным: сохранением памяти о Холокосте, изучением одной из самых страшных трагедий в истории человечества. И в этом видится залог того, что Катастрофа больше не повторится – никогда и нигде.

Pëëÿ Ñàðèä

*Í îâîñòè ÒÀÎÐ
î îâîñîîâèèà Èðèí à Ðàçàîâà*

МАЗЛ ТОВ!

Дорогой Семен Израилевич Иосилевский!

Горячо поздравляем с юбилейной датой – твоим 80-летием.

Любящая семья:

Лева, Мария, Игорь.

*С 75-летием **Эсфирь Юделевну Русс***

поздравляют ее муж Семен Сергеевич, трое детей, четыре внука и правнук.

Желаем доброго здоровья, счастья и долгих лет жизни!

*Поздравляем **Елену Зиновьевну Федорович** с 75-летием!*

Любящий муж, трое детей и пятеро внуков желают жене, матери и бабушке крепкого здоровья и долголетия!

Майя Каганская: «У нас есть шанс на спасение»

*Ī ēñāōāēū ēōā Ī āēŷ Ēāāīñēāŷ, Īāēī ēç
ēīōāēēāēōōāēū ūō ēēāāīā dāñēīē Īāūēīū
Ēçāēēŷ ŷdēī Īōāñōāāēŷāō āēēþ 70-ā
Īñōīŷīūē āāōīð æōōīāēā «22», Īēōōīāē Īī-
dāñēē āāāēñēīē ēīōāēēēāīōēē, Īīā
Īīōāēēīāēā Īīñāñōāī ēēōāōōōīāñ:āñēō
ñōāōāē, ŷāēŷāōñŷ ēāōōāōōī Īŷōē ēçāēēūñēō
ē Īāēāōīāōīāīūō Īōāīēē, āōīāēō ēīēāō
ñōāōāē Ī «īēōīī» Īōīōāññā Īñēī. Īāāāīī*

*Ī āēŷ Ēāāīñēāŷ āññōōīēēā ā Īāīīē ēç dāñēīŷŷā:īūō āñçāō Āāōīāīēē ñ Īñōōūī
īēñū Īī «Ē ēīōāēēāēōōāēāī çāīāāā».*

– Каждый раз, когда в мир вступает сила, которая хочет его переделать, евреи становятся костью в горле. Майя, нас всех сегодня волнует судьба Израиля.

– Думаю, судьба Израиля не гарантирована. А раз так, значит, нет гарантии выживания еврейского народа как такового, причем – везде. Голус «de lux» отменяется. Мир переполнен исламскими общинами. И я очень хотела бы посмотреть – только не дожив до этого – на новое расселение евреев в Западном мире. А где же еще? Но ведь и там любая, самая малочисленная еврейская группа столкнется с исламской активностью.

Еще 10 – 12 лет назад можно было думать о том, что государство Израиль «не тянет»: изнемогает, не может собрать всех евреев. А в качестве центра, который не может ни притянуть, ни абсорбировать всех евреев, оно не в силах брать на себя все обязательства. Думалось: поэтому возможен такой выход, как новый голус, просто отказ от государства. Но теперь об этом говорить не приходится, ибо не будет государства – не будет и еврейского народа...

В мире появился новый фактор – убийственный. Я бы сказала так: в течение века третий раз поднимается волна, для которой уничтожение еврейства стоит на первом месте как духовная, психологическая и геополитическая задача.

– **И как задача физическая: ведь речь-то идет и о физическом уничтожении.**

– Точнее, как задача метафизическая! Потому что во всем мире 13 миллионов евреев. И какую они представляют опасность для миллиардного исламского человечества? Но дело в том, что евреи реально никогда ни для кого никакой физической угрозы не представляли. В ту минуту, когда мы откажемся от понимания еврейства как реального фактора, действующего среди реальных факторов, мы что-то поймем. До тех же пор, пока будем смотреть на евреев лишь как на один из этносов, одну из групп, находящихся в большей или меньшей опасности, брать историческую ситуацию, зависящую от общего исторического контекста, – не поймем ничего.

Когда были приняты законы о чистоте расы и собственно весь национал-социализм с его второй мировой войной был только средством очищения мира от евреев и нового устройства мира, в Германии жили лишь 350 тысяч евреев. Всего чуть более трети миллиона – на 40 миллионов немцев. Для того и понадобился аншлюсс, чтобы число евреев достигло миллиона, ибо в Австрии было 800 тысяч евреев. Это что – физические величины?

Нет! Еврейство – субстанция иррациональная, находящаяся за пределами обычных представлений о социуме, истории, нациях, этносе. Еврейство – проблема религиозная. Каждый раз, когда в мир вступает сила, решающая этот мир переделать, сила эсхатологическая и апокалиптическая, которая хочет покончить со старым состоянием мира и утвердить его новое состояние, евреи становятся костью в горле.

Так что уничтожение евреев – задача метафизическая: ведь как задача физическая она – из наиболее легко решаемых. Такой силой были поднявшиеся национал-большевизм и национал-социализм. Теперь такая сила – исламский фундаментализм: он сам по себе содержит этот заряд эсхатологии и, несомненно, к началу XXI века прекрасно ассимилирует в себе элементы и нацизма, и коммунизма.

Может быть, самое страшное из того, что произошло для моего поколения, – полная потеря Европы. Понимаете, что бы я о себе ни говорила, я принадлежу к поколению шестидесятников. Хотя у меня никогда не было иллюзий ни относительно марксизма, ни относительно либеральных возможностей советской системы. Либеральных иллюзий не было вообще, тем не менее все-таки принадлежу к этому поколению. А принадлежать к этому поколению, как и ко всем предыдущим поколениям русских евреев – значит молиться на Запад. Понимаете, мандельштамово «я прошу как жалости, как милости, Франция, твоей тоски и жимолости». Это еврейский крик. Евреи в России всегда нееврейским окружением воспринимались как агенты Запада. И себя чувствовали западным элементом в глубоко незападной и антизападной стране. Не говоря уже о том, что быть русским интеллигентом – это все равно означает быть человеком европейской культуры.

Мы все прекрасно знаем: то, что мы все называем русской культурой, на треть состоит из собственно русских текстов, собственно русских представлений, и на две трети – из того, что приходило с Запада. Величие русской культуры в том, что она замечательно ассимилировала Запад, прекрасно на это откликнулась, – и в русской культуре мы всегда чувствовали себя как в культуре западной. Иное дело, что было по ту сторону культуры. Но это другой вопрос. Понимаете, Запад – это демократия. У меня не было никаких иллюзий относительно демократии как таковой – как устройства общества: даже никогда не пыталась это анализировать. То была аксиома. Значит, демократия, либерализм, демократические свободы – все это естественно улучшает и гарантирует положение как евреев внутри других обществ, так и положение самого государства Израиль.

Теперь о Западной Европе, которая никогда не была такой демократичной, такой либеральной, как сегодня, – либеральной абсолютно... Взять Францию, где законодательно разрешены однополые браки, где в уголовном порядке преследуются те, кто отрицает Катастрофу. И в этой же Франции – горят синагоги, эта же Франция – самое ныне антисемитское государство.

– Вы считаете, Майя, это – либерализм? Искусственное уравнивание в правах как очередной проект улучшения общества? Но скорее это – социализм, или тоталитаризм под вывеской либерализма?! Либерализм относится к обществу как к живому организму, где люди вовсе не равны по природе: у них должны быть равные возможности в конкурентной борьбе, но не равные результаты...

– То, о чем вы говорите, – старый классический либерализм. Произошла революция, которой мы не поняли и последствия которой глотаем. Это новый либерализм – радикальный, резко выраженного левого толка. В Европе победил лево-радикальный либерализм. А это прежде всего – стремление заменить нацию обществом. Это либерализм, основанный на равенстве культур, обществ, коллективов, а не на равенстве личностей, потому что само понятие личности совершенно незаметно исчезло. Правда, что это – социализм!

...Произошло самое страшное из всего. С начала 90-х в течение десятилетия лицо мира поменялось по причине для меня более или менее ясной. Не произошло суда – хотя бы

интеллектуального, философского, понятийного – над левой идеологией, как это было по отношению к нацизму. И революция победила. Что оказалось в итоге? Социализм. Но при этом экономическое процветание должен по-прежнему реализовывать капитализм с его конкурентным обществом. И вот уж тогда социалисты возьмутся за то, о чем мечтал Маркс! Потому что он же тоже мечтал об экономических преобразованиях ради человеческих преобразований. Так вот вам человеческие преобразования!

Принцип равенства уже не между людьми – между культурами. Как только вы вводите принцип равенства между культурами – это конец. Но и это еще не все. Принцип равенства между полами – тоже стал безумным. Кто был угнетен – не хочет равенства с угнетателем: хочет заменить собой угнетателя. Значит, пролетариат, будучи угнетенным, дает диктатуру пролетариата. Гомосексуалист, чувствовавший себя неловко в традиционном обществе, хочет не уравнивания в правах с нормальными мужчинами, а – преимуществ!

– Ведь это проходили уже...

– Абсолютно, совершенно верно: проходили. Но проходим это снова в ситуации невыносимой. Потому что появился новый фактор – исламский фундаментализм... Есть проект объединенной Европы: уничтожение национальных государств и национальных образований. И национальных личностей, так сказать. Это лево-радикальный проект.

– Но это же гибель Европы?

– В каком-то смысле да. Мне была страшна демонстрация штурмовиков по Европе. Как доказательство того, что это погребено, последовали демонстрации трансвеститов, гомосексуалистов, лесбиянок. В том же Берлине, где похоронен нацизм, по могиле его проходит демонстрация вихляющих задов! И полиция уверена, что обществу ничто не угрожает. И им действительно ничто не угрожает!.. В том же Берлине полиция предупреждает евреев, чтобы они не появлялись на улицах с особо бросающимися в глаза признаками своей национальной или религиозной принадлежности! Это прогресс, коего мы добились после Катастрофы?! Ведь, напомним, в 30-е после прихода Гитлера к власти полиция следила, чтобы евреи выходили из дома с желтыми звездами... Теперь та же полиция предупреждает: не выходите с обозначениями своей еврейской принадлежности, потому что – опасно! Это поражает: если вспомнить историю движений за освобождение, любых – все они увенчались успехом. Движение за освобождение негров в Америке, за равенство религий, женская эмансипация – все-все. Кроме одного – еврейского движения.

И это опять говорит о том, что сама проблематика еврейства – по ту сторону социальных, политических и исторических процессов. До тех пор пока мир не разберется с еврейством как религиозным явлением, – он не разберется ни с чем. А сегодня и не нужно разбираться: это на себя взял исламский фундаментализм. А он таков же, как коммунизм, к которому присоединялись все антицерковные элементы, все так называемые национально-освободительные движения. Вот так и сегодня все элементы левого и правого радикализма будут вливаться в исламское море. Это чудовищный, чудовищный переворот.

Не могу представить, как, оказавшись в такой смертельной опасности, человечество могло быть так неготовым к ней. Имею в виду не исламское человечество, потому что те, кто принимал социализм, знали, чего хочет Маркс. Те, кто его не принимал, знали, чего боятся и не хотят. Все понимали, чего хочет Гитлер. А скажите-ка: хоть кто-нибудь осмеливается сегодня открыть рот и сказать, чего хочет исламский фундаментализм?

– Уже многие говорят: тотального мирового господства.

– Но что они будут делать с тотальным господством? Я-то думаю иначе: есть колоссальный мир западной цивилизации, в который они не вписались и никогда не впишутся. Но отказаться от него они тоже не захотят, потому что на одном конце – талибан, а на другом – Иран с его попытками технологизации и изучением западной культуры.

Думаю, предельная цель исламского фундаментализма – иудео-христианскую цивилизацию заменить исламо-христианской. Уже есть эти грозные признаки, но о них говорить боятся. Несколько лет назад в Англии местная исламская община потребовала создания исламского государства на Британских островах.

– Я была в Лондоне свидетельницей исламской демонстрации: весь день на Трафальгарской площади шла шумная демонстрация под лозунгом «Ислам – будущее Англии!»

– Только русские сегодня позволяют себе ту степень свободы, которую не позволит себе ни одна западная демократия. Только русские позволяют себе говорить об исламском фундаментализме так, как о нем нужно говорить. О его цели, о его сущности, и это было для меня потрясением. Они позволили себе интервью с лордом Ахметом. Есть такой лорд, который сказал, что ему вначале было тяжело, когда он приехал в Лондон: была только одна мечеть, а теперь их тысячи. Сейчас лишь он и еще кто-то из мусульман заседают в Палате лордов. Но через десять лет их будет не менее 20 – 25 процентов, а через четверть века королева Британии наденет чадру. Для фундаменталистов дело не только в том, чтобы исламизировать мир: им нужно победить и – унижить. Не будет отменена Палата лордов – она станет исламской. А что будет во Франции? Ее поделят опять, как во времена Гитлера...

– Давайте вернемся к нашему народу.

– Мы в ситуации, когда есть ощущение угрозы, о которой боятся говорить, боятся формулировать... потому что на самом деле это страшнее, чем Гитлер. В конце концов, Гитлер – локализован: это Германия, немецкий народ. Чем больше он побеждал, тем больше приближался к своему концу. Ведь Гитлера победила не демократия в конце концов, а сводный национализм европейских народов: никто не хотел диктата немцев, даже не задумываясь об идеологии.

Сегодня все боятся об исламском фундаментализме говорить. В этой ситуации у Израиля нет никакой надежды выжить. Единственная надежда – только Америка. Европы больше не существует – это наш враг. Такой же враг, каким она была и в 30-е годы. Если Америка не решится на такую борьбу с исламским фундаментализмом, в результате которой падут одно-два исламских диктаторских государства, чтобы аппетиты исламского фундаментализма, его геополитические химеры, религиозные и культурные фантазии были подорваны, – у нас нет никаких надежд на выживание.

– Тогда у нас нет надежд: ведь в Югославии Америка совершенно откровенно поддержала...

– Ислам! Совершенно верно. Уточню: наша надежда – это Америка Буша. А ведь была Америка Клинтона. А Клинтон был такой же, как западные левые: это абсолютно ясно.

– А что же с мирным процессом Осло, с его лозунгом: «Мир в обмен на территории»?

– Абсолютно любой процесс урегулирования в Израиле по принятой схеме или подобной – это конец Израилю. Любое палестинское государство здесь через два, через три года – это конец Израильского государства. Что абсолютно ясно.

– Это ясно вам, Майя, мне и... кому еще?

– Это ясно Шарону, это ясно практически всем. Неясно – или очень хорошо ясно! – тем, кто этого государства добивается. Я говорю об израильских левых. Либо эти люди просто... Знаете, это психология людей, каких я видела в 50-е, когда они выходили из сталинских лагерей и говорили: конечно, лично по отношению ко мне была совершена несправедливость, но в принципе партия чиста, Сталин прав и так надо было... Беру лучший вариант, потому что есть худший: и я даже не хочу их касаться, говорить о национальном предательстве...

– Обвиняя этих людей, мы будем оправдывать жуткую ситуацию, в которой наш народ оказался?

– Да, для этих людей левая идеология – они сами. Отказаться от нее – значит просто выпотрошить все свое личностное существование. Им не за что больше держаться. Значит, все решит воля нации. Пока Израиль сражается – он жив. Когда Израиль остановится и признает хотя бы тень возможности мирного урегулирования, это будет наш конец.

Посмотрим: ну что такое вторая мировая война? Разве для победы Германии имело такое уж значение уничтожение евреев? Никакого! Вся та война была гримированной для того, чтобы уничтожить евреев. И на основании этого уничтожения как апокалиптического, эсхатологического явления – а немцы достаточно философски отрефлектированный подкованный народ, – чтобы формулировать то, что они хотели. Это был заново, на новых понятиях устроенный мир.

– Но как это возможно? Они же вышли из иудаизма. Все фундаментальные понятия мы им дали!

– В этом-то все и дело. Есть такие внутренние противоречия христианства с иудаизмом, которые христианство никогда не могло преодолеть. Значит, когда христианство отошло на второй план, было отброшено, и Европа начала становиться секулярной, научной, просвещенной, просветительской, какой угодно, – вот все это невыполненное, неисполненное, христианская эсхатология – все ушло в социализм, коммунизм и национал-социализм. Последний же – тотальный бунт против христианства как навязанной совершенно чуждой идеологии. И может быть, так оно и есть, им лучше судить: чуждой! Это просто бунт против христианства. Что касается большевизма, это – другой вариант...

– Но ведь когда евреев выгнали из христианской Испании, нас приняла исламская Турция?

– Давайте говорить о цивилизации! Есть только одна цивилизация, победившая. Причем империализм этой цивилизации во много раз выше империализма древних цивилизаций – римской, австрийской, британской, какой угодно. Ибо это империализм человеческих возможностей. Их полностью реализовала только западная цивилизация. На самом деле все цивилизации – окружные, периферийные – соревнуются только за то, насколько они могут усвоить эту цивилизацию, пережить ее как часть себя и соответствовать ей.

Единственная из цивилизаций – исламская – отказалась от соревнования, от диалога, от учебы, от всего. Она перешла в наступление, и это простейшая ситуация: варвар не может стать цивилизованным – варвар идет на смерть, разрушает. Более того, ведь никто по-настоящему не задумывается над тем, что происходит в исламском мире! Ведь такое явление, как палестинские самоубийства, – неслыханно. Это явление религиозное, метафизическое, и должны в нем разбираться не политики, историки, социологи, а теологи и психологи. Причем теологи первым делом. Это ведь потрясающе, такого не было. Почему Запад к ним относится с такой любовью?

– Почему же не было: а кто на танк бросался – ведь платят деньги за это! Где же религиозный героизм?

– Забудьте об этом: самое глупое, банальное и самое недейственное из всех объяснений! Вам любой психолог скажет: человек, идущий на собственную смерть – русский, англичанин, любой, – порывает связи с миром. Для него интересы своей семьи не могут быть на первом месте. Он не будет жертвовать жизнью ради семьи. Ради идеи – да!

– Пожалуй, да. Те, кого я видела по телевизору, молодые самоубийцы будущие, действительно производили впечатление благородных людей.

Кроме публикации сообщения ТАСС, карманная шавка большевистского руководства – газета «Правда», – получившая команду «Фас!», напечатала омерзительнейшую редакционную статью. Вот ее полный текст.

**ΊΊΑΕΎΑ ΟΙΕΊΎ
Ε ΟΑΕΕΎΟ ΊΊΑ ΊΑΝΕΊΕ
Ί ΠΙ ΟΑΝΝΙ ΠΙ Α ΑΔΑ Χ ΑΕ**

Νααίγυ ιαεεεεεεεεεε οδιεεεα ΟΑΝΝ Ία αδαηα αδα:αε:αδαεεεοαεε. Υοα οαδδιδεηδε:αιεαγ αδιηα, δαηεδουαγ ιαεηοδιηα αδαη γ οηι ο ιαγαα ιδαηαι ε ανηααδηοαηιηε ααηηανηηδε, ηθαεεα ηαηε οαεηρ, ιοοαι αδαεεοαεηηεηα εα:αιεγ, ηεδαοεουαεεηαεοεαηηι ανηοαεηη Νηαοηεηα Νηρα

Νεαηηοαεαι ηηοαηηαεαι, :οη ο:αηοηεεε οαδδιδεηδε:αιεηε αδιηυ, εμηηεηρ ηαηα ηηεηαεηεα αδα:αε ε ρεηοηηοδαιεγ ηααδεαι αηεηηυο, ιδαηαι αδαηιη, ρεηαεηεε ηηαδηαεε εο ραηδηαη, ηθαεεε εη ιαηδαεεηηα αεαηιϕ, α ραοαι αηεεε αηεηηυο ιαηδαεεηηι εα:αιεαη. Ίδεεδηαγηηι αηηεεη ε αεαηδηαηηι ραηεαη αδα:α - :αεηαεα ιαοεε, ηοε εϕααδε ε αεεεου δαηοηηοαεε ηηγυαηηα ρηαι γ ιαοεε. Αηοαα ια ιοου:αηηαεηηυο ιδαηοηηεαηεε, ηε ηηεαδηεεε :αηοηο:αηηυ

Εαοοαηι ε ηοηε αηηαη :αεηαεηηαδαϕηηο ραηεε ιαεε οηηαδεηε Α.Α. Εααηηα ε Α.Ν. Ύαδαεηα Ίδαηοηηεεε ηδεϕαεεηη :οη ηηε, αηηηεηηηααοεηηι αηεαϕηρ οηηαδεηα Εααηηα, οηηεαηηη ηεδηεε εηαεεεηη οηαη εηοαδεο ηεηεαδα, ιαϕηα:εεε ηδηοεαηηεαϕαηηε ηοηη ο οηαεηηο ραηεααηεηρ δαεεη ε οαη ηαηηι οηαοαεεε οηηαδεηα Εααηηα. Αδα:ε-οαεεου ιαηδαεεηηι ηδεηαηαεαη ηεηηηαεηηοαηρ εο εαεαδηοαηηηο ηηαηηοα ε ηηοαηηαεαηεαη ιααηηαη δαεεηα ηεδαοεεε αεεηη οηηαδεηα Ύαδαεηα, αηηεε αηη αηη αδδε.

Αηαδαη η:αδαηηηδαηοηηεεε ηοαδαεεηηηηαηδαου ραηδηαη δεεηαηγυηεο ηηαοηηεεο αηαηηυο εααδηα αηαηηε εο εϕηοδηγ ε οαη ηαηηι ηηεαεοου ιαηδηηο ηοδαηυ. Αδαηο ηδαηοηηεεεα δαηηοδηεε εο ρεηαεηεεαηεαηυ, ηηηαοαε εη αηαεοηηη ηαηεε :αηηαεηηε οαεε.

Εηηο αα ηεαεεεε ηοε εϕααδε? Εοη ιαηδαεεηε ηδαηοηηηρ οαδδιδεηδε:αιεεηρ ε αδαεεοαεηηεηρ ανηοαεηηηο ηοεο ηηαεηο εϕηαηεεηα δηαεη? Εαεηε οαεε οηοαεε ηηε αηαεοηηη α δαϕεηηοαοα αεεεηηοαα αεοεαηηο ανηοαεε Νηαοηεηα ανηααδηοαη?

Οηοαηηαεαη, :οη αηη ο:αηοηεεε οαδδιδεηδε:αιεηε αδιηυ αδα:αε ηηοηγεε ια ηεαεαα ο εηηοδαηηυο δαϕαηηε, ηδηαεε εη αοοοε οαεη, ηαεηεηηεο ιααηηυηι ε ηεαοηυηι ε ααηηοαη ε.

Αηεηεηηοαη ο:αηοηεεεα οαδδιδεηδε:αιεηε αδιηυ - Αηαε, Α. Εηαη, Οαεηηαη, Αδεηοαεη, Υοεηαηδ ε αδηεα - αηεε εοηεαηυ αηαδεαηηεηε δαϕαηηεηε. Ηε αηεε ραηδαηααηυ οεεεαηη αηαδεαηηεηε δαϕαηηεε - ηαεαοηαδηαηηε ααδηεηεηε αοδαεαϕηηαοεηηαεεηδε:αιεηε ηδαηεϕαοεαε «Ααεηεο». Αδγϕηα εεοη ηοηε οηεηηηεηε ηεηηεηοηεηε ηδαηεϕαοεε, ηδεεδηααηρ εαε ηαη ηηαεηρ ανηοαεηηηοηηηαη αηεηε αεαηοαηδεοαεηηηδε, ηηεηηοηρ δαϕηαεα:αηη.

Ηεδαηηηι ια αδιηο δαηοεαηηυο ααδηεηεεο αοδαεαϕηηο ιαοεηηαεεηηοα ηδηοαηηεηαεηηα οηεηηυ ε οαδδιδεηδου εϕ «Ααεηεο», ηη ραηηεηρ ε ηηα δεεηαηηοαηη αηαδεαηηεηε δαϕαηηεε, δαϕαηδηεε ηαη ηηαδηαηρ ανηοαεηηηοηη ε ια οαδδεοηδε Νηαοηεηα Νηρα. Εαε ηηεαϕε ια ηεαηηοαεε αδαηοηααηηε Αηαε, ηη ηηεο:εε αεδαεοεαο «ηα εηηδαεαηεε δεεηαηγυηεο εααδηα ΝΝΝ» εϕ ΝΟΑ. Υοο αεδαεοεαο αηο ηαδηαεε ηο εηαηε οηεηηηεηοαδδιδεηδε:αιεηε ηδαηεϕαοεε «Ααεηεο» αδα:Οεηαεηαε: ε εϕαηοηηε ααδηεηεε αοδαεαϕηηε ιαοεηηαεεηηο Η εοηηεη

Δαϕηαεα:αηεα οαεεε αδα:αε-ηοδαιεοαεε ηαεγαοηηη οααδηη ηηηαεαοηαδηαηηε ααδηεηεηε ηεηηεηοηεηε ηδαηεϕαοεε. Οαηαδηαηηηηαο αεααδου εαεεα «αεαηοαηδεοαεε» ε «αδουηηη ηεδα» ηεδηααηοηηη ηηααηαηεηε «Ααεηεο».

Αδηεα ο:αηοηεεε οαδδιδεηδε:αιεηε αδιηυ (Αεηηααηα Η. Εηαη, Ααδηα) ηαεηρ οηηη, εαε ηαε:αη ηηοαηηαεαη, ηοαδηηι ε ααηηοαη ε αηαεεηηεηε δαϕαηηεε, ηεαεαο αε ηαααη εο ηηδ, αηηηεηηη αηηαηηα ηδαηοηηηαε ε αδγϕηα ραηηεγ.

Αηδηοεεη ΝΟΑ ε εο αηαεεηεεα «ηεααοεα ηαδδηαδη» ρηαηο, :οη αηηδε:υ ανηηαηηοαη ιααη αδαεηι ε ιαοεηηι ε ηεδηηι ιοοαη ιααηϕη ιαεηη. Εεοηδαηη:ηη ανηηαηηηε ηηαηε ηεδηαηε αηεηα, ηηε αηεεαηηη ραηηεαηο αοηε ΝΝΝ ε ηοδαη ιαδηαηηε ααη ηεδαοεε ηαηεο εαοο:εεηα ηυοαηοηηη ηηηαηηοαεοου οη, :οη ηδαεεηηηο αεοεαδηααα - ηηϕαοου α ΝΝΝ ηαη ηηαδηαηρ «ηγοηρ εηεηηο». Αηηοαοη:ηη ιαηηηεοου ια ηοεδηοηηι ε οεηε:ηηη αηηεηηαηεεε αηαδεαηηεηε ηδαεοαεηηοαηη ηοα ηεεεεηηα αηεεαδηα ια ηηαδηαηρ οαδδιδεηδε:αιεεηρ ε οηεηηηεηρ ανηοαεηηηοηηα ηοδαηαο ηηεαεεηηδε:αιεηα εααδου, ια αηαδου αεαη οηη, :οη ια ηοο οαεηη οαεηηηι ιοοαη δαηηααηοηηη ηοηε ηεεεεηηα αηεεαδηα αηαδεαηηεεο ε αηαεεηηεε

Νηαοηεεα εηαε ηε ια ηεηοοο ια αηεαηυ ραηηαοου ηηααοηαεηηηδε αηηα αδηη ηηαηοαοου ηαηρ αεοαεηηηοηη ρηδεη ηεαεοου ρα αηηι ε ηδηεηαηι ε ηηαεεαηοαεε αηεηυ ε εο ααηοηα ιαηηδαηηη οεδαηεγοηαηηδεαηηα ηεευ ε ηδαηηυ δαϕαηηεε ιαοαη ανηηααδηοαη.

Οηαδεηη Νοαεηη ιαηηηεδαοηη ηδαηηηδαεαε η οηη, :οη ιαοε οηηαε εηαηο ε ηαηρ οαηααηρ ηοηδηα ρηηηε ηηε ηδηαααηο οηηηαεο δαηηοηεεηα ιαηηδηαηεγ αεαηηαοεγ ε ηαηηηηεαηηηδε. Οαεηα δηαα ιαηηδηαηεγ ααεαη αηα ια ηδαηηεαηυ. Δηοηϕαα οηαη αηα ια ηαεη. Εηαηηη ηοηδηοϕαεηοαη ιαεεο εηαεε ε ηηηοααεγαο ηεοαοαεηηρ ηη:αοαεγ ρεηαεηεηα αδαεοαεηηοαη.

**ΝΗΤΑΥΑΙΕΑ Ι ΕΙΕΝΘΑΔΝΘΑ
ΑΙ ΟΘΑΙ Ι ΕΘΑΕ ΝΝΝ**

Ι εϊενοαδνοατ αι οθαίτεο αιε ΝΝΝΔ ιδρεαει ουαοαειυφ ιδραδεο αιο ιαοαδεαετα ιδααδεοαειυτα πεαυνοαεγ ε αδοαεο αιιυο ιτ αιεο αδοιυ αδα-αε, ιααειγαοειυ αι αδαεοαειυνοαα οϊεϊταεα ε οαδοδενοε-αιεεο αιενοαεγ α ιοιιταεε αεοεαυο αιγοαεε Νταοηετα ανηαδνοαα Α δαυειυοαο ιδραδεε ονοαιταεαι, -οι ιδεαεα-αιυα ιτ γοιι ο αιεο ιδροαυυδ Αταε Ι.Ν., ιδροαυυδ Αειτααατα Α.Ι., ιδροαυυδ Εταυ Ι.Α., ιδροαυυδ Εταυ Α.Α., ιδροαυυδ Ααοτα Ι.Ε., ιδροαυυδ Οαειυ αι Α.Ε., ιδροαυυδ Υοειαδ Β.Α., ιδροαυυδ Ααιεατεϊ Α.Ο., ιδροαυυδ Αδεϊοαεϊ Α.Ι., ιδροαυυδ Χαεατεϊ Α.Ο., ιδροαυυδ Ιδατααεαιηεε Α.Ν., ιδροαυυδ Ιιιτα Ι.Α., ιδροαυυδ Χαεατα Α.Α., ιδροαυυδ Οαδαοαιηεε Ι.Α., αδα- Ιαεϊοτα Α.Ε. αυεε αδαοιαυ αυαοει Ιεϊενοαδνοατ ανηαδνοααιτε αατταυηεο ΝΝΝΔ ιαιδααειυι, αα εαεεο-εεατ αεηιυο ηηταεε. Ιδραδεα ιτεααεα, -οι ιααειταεγ, αιααειοουα ιδροεα ιαδα-ειεαυο εεο, γαυροηγ εταυι ε, α αιεο αιοαειυτα αιιυα ια εϊοιδια ιτεαεεηι δαατοιεεε πεαυνοαεγ, ιαηηογδαειυι ε. Οηοαιταεαι, -οι ιτεαατεγ αδαοιαυιυο, γεταυ ιταοααδεααρηεα αιααειοουα ιδροεα ιεο ιααειταεγ, ιτεο-αιυ δαατοιεεατ ε πεαυνοααιτε -αιηε αυαοατ Ιεϊενοαδνοαα ανηαδνοααιτε αατταυηεο ιοδαι ιδεϊ αιατεγ ιααηηοδεϊ υο ε ηοδραεεοα γαιδαυαυο ηαοηεεϊ ε αεηιαι ε ιδεαι ια πεαυνοαεγ.

Ια ηηταεε αεεβ-αιεγ πεαυνοααιτε εηεηεε, ηαοαειυι αιααεαιτε Ιεϊενοαδνοατ αι οθαίτεο αιε ΝΝΝΔ αεγ ιδραδεε γοτα αιεα, αδαοιαυιυα Αταε Ι.Ν., Αειτααατα Α.Ι., Εταυ Α.Α., Ααοτα Ι.Ε., Οαειυ αι Α.Ε., Ααιεατεϊ Α.Ο., Αδεϊοαεϊ Α.Ι., Χαεατεϊ Α.Ο., Ιδατααεαιηεε Α.Ν., Ιιιτα Ι.Α., Χαεατα Α.Α., Οαδαοαιηεε Ι.Α., Ιαεϊοτα Α.Ε. ε αδοαεα ιδεαεα-αιυα ιτ γοιι ο αιεο ιτεηηοφ δααεεοεοηαυι α ιδαυγαιυο εϊ ιααειταεγ αι αδαεοαειυηεε, οαδοδενοε-αιεε ε οϊεϊηεε αιγοαειυηεο ε α ηηοαοηοαεε ηη ηο. 4 ε 5 Οαεαται-ιδροαυυαειυ τα Εταεη ΝΝΟΝΔ εα-ιτα ηοδαεε ηηαταεαιυ.

Εεοα, αειταυα α ιαιδααειυηη αιαατεε πεαυνοαεγ, αδαοιαυιυ ε ιδεαεα-αιυ ε αηεατε ιοαοηοααιηηε.

Это сообщение опубликовала все та же газета «Правда».

А в самом конце страницы, очень скромненько (куда девался грозный пафос приведенной выше статьи?) под несколькими обычными материалами, вроде «Рабочие повышают свой образовательный уровень», «Правда» как бы между прочим обмолвилась рубрикой:

Α Ι δαεαεοι α Ααδοαηετα Νταοηετα Νηρα ΝΝΔ:

Ιδαεαεοι Ααδοαηετα Νταοηετα ΝΝΝΔ ιηηοαιταεε ιοιαιεου Οεαα ιο 20 γηααηγ 1953 ηαα ι ιααδαεαιτεε ιοαηηι Εαηετα αδα-α Οειαοεε Ε. Ο., εαε ιαιδααειυηεε, α ηηγε η αιγαεαοεϊ εηγ α ιαηηογυαα αδαυ αιενοαεοαειυηεε ιαηηογδαειυηηε.

Принести извинения США, Англии, а также организации «Джойнт» за необоснованные грубейшие обвинения «Правда» почему-то запомнила.

Приведенные документы впечатляюще характеризуют партийно-политическую систему страны того времени.

Право же, смешон «праведный» гнев одного заплечных дел министерства в адрес другого – совсем как в известной песне Александра Галича: «... бьют по роже палачи палачей». Ведь на протяжении десятилетий МВД (ЧК, ОГПУ) пользовалось точно такими же методами выбивания абсурдных обвинений, как и появившееся позднее МГБ. Даже не слишком обремененным интеллектом обывателям, по крайней мере их части, было ясно: соорудить «дело врачей» без ведома и одобрения высших партийных органов во главе с верховным «паханом» было невозможно. И все-таки испытываешь известное удовлетворение, что – в кои-то веки! – козлом отпущения оказалась команда «мясников» министра Абакумова и его коварного сослуживца Рюмина, подсидевшего на этом деле своего шефа.

Что касается потерпевших, то они «из-под стражи освобождены». И всё. О возмещении физического и морального ущерба тогда и речи быть не могло. Равно как хотя бы о нескольких скупых словах сочувствия и извинения. Унесли ноги – и радуйтесь, еще и по гроб жизни кланяйтесь в ножки режиму. За то, что отнюдь не из чувства справедливости, а по ему одному тогда ведомым соображениям придворной интриги чудом оказались вы на

свободе, а не разделили участь бедолаг – миллионов расстрелянных и сгноенных в лагерях и тюрьмах.

Распространяться по поводу лишения ордена Лидии Тимашук как-то не хочется. Потому что неизвестно, кто она – добровольная помощница негодяев или жертва, которой велели подписать разоблачение. Кажется более очевидным последнее. Ведь откажись она – не миновать бы и ей расправы, как опасному свидетелю, допущенному к технологии организации процесса.

Еще один документ достойно венчает «дело врачей».

Á ÁÁÐŌĪÁĪĪĪ NŌÁÁ NŪNŪ

2 - 7 epey 1954 āāā Áíáíáŷ Ēíēēāāŷ ÁáðŌĪÁĪĪ NŌāā NŪNŪ ðāññ ūðāēā ā ñŷāáĪĪ çāññāĪ ēē āāēĪ ĪĪ ÍāāēĪÁĪ ēp ÐpĪ ēĪ ā Ī. Á. ā Īðāññ ūĪēāĪēē, Īðāññ ūðāĪĪĪ ñāðŷē
58-7 ŌāēĪÁĪĪ ĒĪāāēñā
DNŌNŪ

NŷāāĪ ūĪ ñēāññŷāēāĪ ūñðāĪĪāēāĪĪ, ÷ŌĪ ÐpĪ ēĪ ā ĪāðēĪā āā ðāāĪŌŪ ā āĪēāĪĪññŷē ñŷāðŷāāĪ ñēāĪĪāŷŷē, ā çāðāĪ ē Īā-āēññēēĪĪ ñēāññŷāāĪĪē ÷āññŷē ĪĪ ĪñāĪ āāēĪŪĪ āāēāĪ āŷāŷāāĪ Ī ēĪēñŷāðñŷāĪ āññāðñŷāĪĪē āāĪĪāñññŷē NŪNŪ, āāēñŷāŷŷē, ēāē ñēðŷŷŷē āāāā ñāāŷŷŷŷē āññāðñŷāĪ, ā ēāðñāðñŷŷē ē āāāĪŷŷŷŷē ÷āēēŷŷē ŷāēŷŷē ñŷāē Īā Īŷŷŷŷē ŷāēññŷŷē ñēāññŷāĪĪŷŷē Ī āðāðēāĪĪ, Īā ĪññāāĪēē ēĪŷŷŷŷē āŷēē ñŷāāĪŷŷē ĪðāññŷāāēĪĪŷŷē āāēā ē ĪðŷēçāāāĪŷŷē ĪāĪāñññāĪĪŷŷē āðāññŷŷē ŷŷāā ñāāŷŷŷŷē āāāēāĪĪ, ā ŷŷĪ ÷ēññā āēāĪŷŷē āŷŷŷŷē Ī āāēŷŷēŷŷē.

Ēāē ĪĪēāçāēē ā ñŷāā ñāēāāŷŷē, ÐpĪ ēĪ, ĪðēĪ āĪŷŷē çāĪðāĪĪĪŷŷē ñāāŷŷŷŷē çāēĪĪĪ ĪðēāĪ ū ñēāññŷāēŷŷē, ĪðēĪŷŷāēē āðāññŷāĪĪŷŷē Īāāāðēāāðŷŷē ñāŷŷē ē āðŷŷŷē ēēŷŷē ā ñāāðŷŷāĪēē ŷŷā-āēŷŷēŷŷē āññāðñŷāĪĪŷŷē Īðāññŷāāēē - ēçĪ āĪ ā ÐĪāēĪā, āāāēŷŷŷŷēŷŷē çĪēĪĪāçāē ē āð.

ĪĪñēāāpñŷŷē ðāññēāĪĪāĪēāĪ ūñðāĪĪāēāĪĪ, ÷ŌĪ ŷŷŷē ĪāāēĪÁĪēŷŷē Īā ēĪ āēē ĪĪā ñāĪē ĪēēāēĪē ĪĪ-āĪ, ē Īðēāēā-āĪĪŷŷē Īŷŷŷē āāēāĪ ēēŷŷē ĪĪēĪĪññŷŷē ðāāēēēðēðĪāĪŷŷē.

Ō-ēðŷŷāŷŷē Īñāŷp ĪĪāñññŷŷē āāāēŷŷŷŷēŷŷē āŷŷŷŷēŷŷēññŷŷē ÐpĪ ēĪā ē ŷŷāēāññŷŷē ĪĪñēāññŷāēē ñāāðŷŷāĪĪŷŷē ēĪ Īðāññŷāāēē, ÁĪāĪāŷŷē Ēíēēāāŷŷē Ááðŷŷŷŷē Nŷāā NŪNŪ Īðēāññŷāēēā ÐpĪ ēĪā ē āññŷŷāē Ī āðāĪāēçāĪēŷŷē - ðāññŷŷāēŷŷē

Īðēāññŷŷē Īðēāññŷŷē ā ēññŷŷēāĪēā

И снова – беспримерное даже для большевистского государства ханжество. Какой он, оказывается, нехороший, этот гражданин Рюмин! В «самой правовой» стране фальсифицировал следственные материалы, создавал провокационные дела, необоснованно арестовывал невиновных. И уж совсем не укладываются в рамки самого гуманного в мире общества средневековые методы ведения следствия с применением жестоких пыток. Рядовому советскому гражданину и в голову не могло прийти, что система подобных пыток была давно тщательно отработана.

Парадокс: врагом народа назван тот, чьей специальностью была «работа» с «врагами народа», которых назначала высшая партийная знать.

Поспешность, с которой приговор приведен в исполнение, напоминает случившуюся несколькими годами позднее казнь Лаврентия Берии. И Рюмин, и Берия слишком много знали о том, что едва ли не у каждого члена Политбюро руки по локоть в крови...

По части фабрикации несправедливых дел Советский Союз намного обогнал гитлеровскую Германию. Если такие дела совершались в Третьем рейхе эпизодически (например, поджог рейхстага), то в стране победившего социализма они практически не прекращались.

«Дело врачей» было последней масштабной акцией сталинской репрессивной машины – достойный аккомпанемент ухода из жизни «вождя всего прогрессивного человечества». Пришедшие ему на смену «маленькие фюреры» смягчили режим, посягая в основном на свободу действительных своих противников, по большей части требовавших такой «малости», как соблюдение государством собственной Конституции. Кроме таких протестантов, система преследовала «отказников». Это – сотни и тысячи евреев, весь «грех» которых состоял в желании вернуться на обетованную землю своих предков. Страна Советов

была глубоко оскорблена «неблагодарностью» тех, кто посмел предпочесть «социалистическому раю» другое государство, тем более капиталистическое.

Апологетов Сталина и его методов правления немало и сегодня. И не все пассивно ждут своего часа: некоторые сбиваются в стаи и пытаются действовать во имя своей «великой» мечты. Пример – национал-большевики всех мастей. Пока они не представляют собой сколько-нибудь значимую силу. Но ведь и гитлеровцы начинали с малого...

«СУМАСШЕДШАЯ ИСТОРИЯ»

Ê 50-éàòèþ «äàèà éðàì èäîñèèõ àðà-àé»

Именно так – «сумасшедшей историей» – согласно оперативной сводке МГБ СССР, направленной Сталину 14 января 1953 года, сразу же нарекли «дело врачей» западные дипломаты в Москве. Эта последняя масштабная репрессивно-политическая акция Сталина, единственная, которую он не довел, или, точнее, не успел довести, до кровавой развязки, вошла в историю, став символом саморазоблачающейся агонии созданного им диктаторского режима, режима, уже исторически обреченного и стоящего, как и его творец, на краю могилы, но тем не менее пускающегося во все более опасные авантюры, способные взорвать общество изнутри. То был апогей тотальной послевоенной чистки, имевшей значительный антиеврейский крен.

Именно эта кадровая лихорадка, поразившая начиная с 1949 года практически все медицинские учреждения страны: лечебные, научные, образовательные, управленческие – от Лечсанупра Кремля, Минздрава СССР и Академии медицинских наук СССР до провинциальных больниц, поликлиник и аптек, – явилась своеобразной прелюдией к «делу врачей».

Инспирировал это «дело» непосредственно Сталин, использовавший в качестве повода для его фабрикации письмо старшего следователя следственной части МГБ СССР по особо важным делам подполковника М.Д. Рюмина. В этом письме, переданном диктатору 2 июля 1951 года Г.М. Маленковым, содержался целый букет серьезных обвинений против министра государственной безопасности В.С. Абакумова. Одно из них состояло в том, что тот запретил Рюмину, который вел дело арестованного 18 ноября 1950 года бывшего консультанта Лечебно-санитарного управления Кремля (ЛСУК) профессора-терапевта Я.Г. Этингера, расследовать террористическую деятельность последнего, «признавшегося» под пытками, что «вредительским лечением» способствовал в 1945 году смерти секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова. Более того, Рюмин утверждал, что, получив это показание, Абакумов распорядился содержать подследственного в заведомо опасных для здоровья условиях, чем умышленно довел его до смерти – и тем самым «заглушил дело террориста Этингера, нанеся серьезный ущерб интересам государства».

Уже 4 июля Рюмин был вызван к Сталину, в кабинете которого в присутствии Молотова, Маленкова, Берии, Булганина состоялось что-то вроде его очной ставки с Абакумовым. Тем же днем было оформлено решение о создании комиссии Политбюро в составе Маленкова, Берии и заведующего отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК Игнатъева, а также об отстранении Абакумова от обязанностей министра госбезопасности. А 11 июля по докладу председателя комиссии Маленкова было принято постановление Политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР», которое через два дня в виде закрытого письма было направлено руководству региональных органов партии и госбезопасности. Нет сомнений в том, что никто помимо Сталина не мог указать в этом постановлении на «безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства»¹.

Подтверждением тому могут служить данные сразу же после смерти Сталина показания Игнатъева. Он заявил, что при назначении его 9 августа на должность министра государственной безопасности (вместо арестованного Абакумова) вождь потребовал принятия «решительных мер по вскрытию группы врачей-террористов, в существовании которой давно убежден»².

Именно с этого момента стали обозначаться контуры той грубой мистификации, о которой потом советская пропаганда поведала миру как о глобальном заговоре западных спецслужб, стремившихся посредством врачебного террора вывести из строя руководителей СССР. Рюмину, назначенному вскоре заместителем министра госбезопасности, начальником следственной части по особо важным делам и в результате получившему регулярный доступ к Сталину, необходимо теперь было представить вождю доказательства своих утверждений о злонамеренных кознях кремлевских врачей против их высокопоставленных пациентов. Для этого в МГБ создали специальную следственную группу, которая начала повальную проверку всего медицинского персонала, когда-либо работавшего в Лечсанупре Кремля.

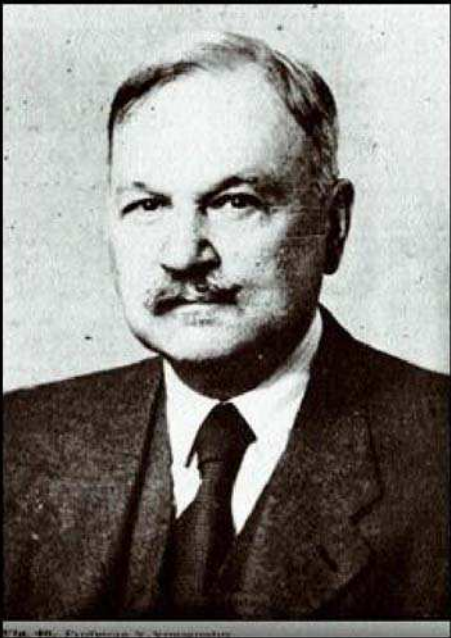
К тому времени уже несколько месяцев проводились интенсивные допросы еще одного действующего лица этой тюремно-следственной драмы – врача С.Е. Карпай, арестованной 16 июля как «скрытая террористка». Будучи до 1950 года заведующей кабинетом функциональной диагностики Кремлевской больницы, она в 1944 – 1945 годах средствами электрокардиографии контролировала сердечную деятельность Щербакова и Жданова. Несмотря на угрозы и издевательства следователей, Карпай мужественно держалась на допросах и решительно отрицала инкриминировавшееся ей «заведомо неправильное диагностирование заболевания». В течение нескольких месяцев отказываясь подписывать сфальсифицированные признания во вредительстве, эта сильная духом женщина затянула следствие и тем самым отодвинула на более поздний срок аресты других врачей, что помогло им потом выжить. Однако такое поведение ей дорого обошлось: пытки пребыванием в сырой и холодной камере подорвали ее здоровье и привели к заболеванию астмой, которая спустя два года после освобождения и свела в могилу эту еще нестарую женщину.

Понимая, что время работает против него, дряхлевший Сталин постоянно подстегивал новое руководство МГБ. Зимой 1952 года, вызвав Игнатъева, вождь стал в припадке подозрительности угрожать ему: мол, если тот «не вскроет террористов, американских агентов среди врачей, он будет там, где Абакумов»³. Разумеется, после столь явных угроз машина следствия заработала на всех оборотах.

Чтобы придать версии лечебного вредительства более или менее обоснованный с медицинской точки зрения характер, МГБ для составления необходимых в таких случаях экспертных заключений привлекло группу медиков, в большинстве своем негласно сотрудничавших с «органами». Одним из таких экспертов оказалась кардиолог Кремлевской больницы Л.Ф. Тимашук (1898–1983). Именно ее Хрущев обвинит потом, на XX съезде КПСС, чуть ли не в инициировании «дела врачей»⁴. На самом деле та была всего лишь «винтиком» в руках Сталина.

После того как в конце сентября 1952 года Игнатъев представил диктатору обобщенную справку Рюмина о результатах допросов арестованных медиков, медицинских экспертиз и т.д., где со всей определенностью утверждалось, что кремлевские врачи намеренно умертвили Щербакова и Жданова, начались аресты главных участников мифического «врачебного заговора». Под стражу взяли докторов Г.И. Майорова и А.Н. Федорова, а также профессора А.А. Бусалова, руководившего Лечсанупром Кремля до 1947 года.

Вновь конвейер арестов запустили 18 октября, когда на Лубянку препроводили профессора П.И. Егорова, за полтора месяца до этого смещенного с поста начальника Лечсанупра Кремля. Одновременно арестовали и его жену Е.Я. Егорову, которую с помощью угроз заставили оговорить мужа. Однако время шло, а арестованные по «делу», несмотря на изматывающие допросы и следственный прессинг, не спешили «признаваться» во вредительском лечении. Такое упорство «тайных злоумышленников» еще больше

ожесточило Сталина. И 18 октября он разрешил руководству МГБ применить к арестованным врачам методы физического воздействия. Но поскольку во внутренней тюрьме на Лубянке не было приспособленного для пыток помещения, то экзекуции (в основном телесные наказания с применением резиновых палок) сначала проводились в Лефортово. Впрочем, такая пытка, как круглосуточное содержание подсудимых в металлических наручниках (в дневное время руки заковывали заведенными за спину, а в ночное – спереди), с 6 ноября стала по указанию Рюмина применяться и в тюремных камерах Лубянки. Однако эти меры оказались недостаточными, и, чтобы не тратить время на транспортировку узников в Лефортово, с конца 1952 года их стали пытать в кабинете начальника внутренней тюрьмы полковника А.Н. Миронова.

Параллельно проводились аресты других участников «заговора». В ноябре на Лубянку были препровождены профессор В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, М.С. Вовси, Б.Б. Коган. А в декабре конвейер арестов доставил туда же профессоров А.М. Гринштейна, А.И. Фельдмана, Я.С. Темкина.

Тем не менее Сталин был недоволен результатами следствия. Свое раздражение он выместил на министре госбезопасности Игнатеве, у которого от грубого разноса случился сердечный приступ и он слег, отойдя на какое-то время от дел. Досталось и Рюмину: 14 ноября 1952 года без объяснения причин он был снят с должности заместителя министра госбезопасности и отправлен рядовым сотрудником в Министерство госконтроля СССР. Падение его произошло потому, что ему так и не удалось представить Сталину доказательства своей версии о том, что Абакумов и якобы действовавшие с ним заодно «еврейские националисты» в аппарате МГБ содействовали «врачебному заговору». К тому же через Маленкова и Берия, против которого Рюмин интриговал в связи с «Мингрельским делом», вождю стали известны факты аморального поведения этого замминистра, тайно презираемого коллегами в МГБ за провоцирование кадрового погрома органов.

Номенклатурная элита, смотревшая на Рюмина как на авантюриста и выскочку, отнеслась к его смещению одобрительно. Возможно, с подачи Берии новым начальником следственной части по особо важным делам, а значит, и руководителем следствия по «делу врачей» стал первый заместитель министра госбезопасности С.А. Гоглидзе.

С этого назначения в ведении следствия по «делу врачей» меняются акценты. Если раньше упор делался на обвинении в медицинском вредительстве, то теперь основной становится версия о шпионско-террористическом врачебном заговоре, сколоченном в СССР западными спецслужбами. Таким образом, «дело» было переведено в ранг международно-политического. Требуя новых разоблачений, Сталин уполномочил Гоглидзе от имени «инстанции» передать следователям по особо важным делам, что в МГБ «нельзя работать в белых перчатках, оставаясь чистенькими». Вождь также распорядился ознакомить арестованных врачей с составленным, видимо, им самим официальным заявлением следствия, содержавшим обещание сохранения жизни в обмен на полное признание «всех преступлений».

Однако демагогическая уловка, взятая из арсенала времен «большого террора», особого эффекта не имела. Не поддался на этот коварный прием и профессор Виноградов, отказавшийся «признаваться». За это он подвергся «острым» методам допроса. Несчастного повалили на пол и стали дико избивать, перемежая удары резиновыми палками матерной руганью. Продолжавшиеся в течение трех дней побои были столь варварскими и ужасными, что вызвали у жертвы тяжелый приступ стенокардии, а следы от побоев сохранялись на теле в течение шести недель. Виноградова несколько суток держали в сдавливающих запястья наручниках, предупредив, что если он и дальше будет упорствовать, то его закуют и в ножные кандалы. Избиениям, многодневному содержанию в наручниках, лишению сна и

По вульгарно-Виноградов

врачебного иностранных спецслужбы якобы связывали реализацию своих главных планов по физическому устранению советских руководителей. Потом в ходе допросов Виноградова и других арестованных эта заданная следствием посылка стала обрастать причудливым симбиозом сфабрикованных и изощренно подтасованных реальных фактов.

В результате выкристаллизовалась следующая схема формирования «заговора». Якобы Виноградова еще в конце 1936 года завербовал брат Б.Б. Когана, «английский шпион» М.Б. Коган, работавший в ЛСУК с 1934 года профессором-консультантом. Утверждалось, будто бы этот «давнишний агент Интеллидженс сервис», выходец из «мелкобуржуазной» еврейской социалистической рабочей партии, был хорошо знаком с С.М. Михоэлсом, И.С. Фефером, Б.А. Шимелиовичем и другими руководителями Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Он лечил семью В.М. Молотова, будучи с 1944 года личным врачом его жены П.С. Жемчужиной. После нескольких допросов «с пристрастием» Виноградов «сознался», будто бы М.Б. Коган вплоть до своей смерти от рака 26 ноября 1951 года требовал от него сведения о состоянии здоровья и положении дел в семьях Сталина и других руководителей, которых он лечил.

В последующие месяцы, согласно той же схеме следствия, функции «куратора» Виноградова в соответствии с «секретным приказом из Лондона» были переданы директору клиники лечебного питания профессору М.И. Певзнеру. Тот, оказываясь, выехав в начале 30-х годов в Карлсбад, попал там в шпионские сети, искусно расставленные его родственником, неким Менделем Берлиным, выходцем из России, получившим британское подданство. Вскоре, согласно все тому же ретроспективному сценарию, сработанному на Лубянке, в клинику к Певзнеру для непосредственного контроля за ним и как связника с резидентом английской разведки в Москве «внедряют» брата Менделя Берлина – советского гражданина, профессора медицины Л.Б. Берлина, который стал работать там заведующим отделением. И вот этот последний, встретившись в декабре 1945 года с сыном своего лондонского брата Менделя Исайей, приехавшим в Москву в качестве второго секретаря посольства Великобритании, налаживает через него регулярную отправку секретной информации за границу. Начинает функционировать «канал шпионской связи», обслуживающий следующую «агентурную сеть»: В.Н. Виноградов – М.Б. Коган – М.И. Певзнер – Л.Б. Берлин. В 1951 году в связи со смертью Когана Виноградов якобы стал контактировать непосредственно с Певзнером. Это-де было тем более удобно, так как последний входил в состав редколлегии возглавляемого Виноградовым журнала «Терапевтический архив».

Для того чтобы подпереть столь развесистую клюкву, 10 декабря 1952 года в Москву из тайшетского лагеря возвратили Л.Б. Берлина, осужденного ранее как еврейского националиста. И вот 14 декабря следователи К.А. Соколов и И.Ф. Пантелеев, обвинив его в сокрытии шпионской деятельности, заявили без обиняков, что применят меры физического воздействия, если он не сознается в передаче полученных от Виноградова сведений своему

другим издевательствам подверглись также Василенко, Егоров, Бусалов, Вовси, Коган и другие арестованные врачи.

Оказавшись на грани жизни и смерти, Виноградов вынужден был уступить домогательствам истязателей и подписал подготовленное ими «признание» в «шпионско-террористической деятельности». аляповатой версии следствия, представлялся центральной фигурой заговора и именно с ним

племяннику Исайе в английское посольство. Тем не менее Берлин отказался возводить на себя и Виноградова напраслину. Тогда его отвели в кабинет начальника Внутренней тюрьмы, где избивали в течение четырех дней. Однако узник продолжал упорствовать. Для более основательной «обработки» его перевели в Лефортовскую тюрьму, где подвергли столь изощренным издевательствам, что он предпринял несколько попыток самоубийства. После чего Берлина стали круглосуточно содержать в камере в наручниках. В конце концов его удалось сломить, и он «признался» в сотрудничестве с британской разведкой начиная с момента «вербовки» в 1936 году и до ареста в 1952-м.

Помимо Виноградова, Берлина, Когана и Певзнера, к агентуре английской разведки следствие «приписало» П.И. Егорова, Василенко, Бусалова и В.Ф. Зеленина. Последний, арестованный 25 января 1953 года, оказался даже «двойным» агентом, так как показал, что с 1925 года и до начала второй мировой войны верой и правдой служил германской разведке и получал шпионские задания через «еврейского националиста» профессора М.С. Вовси. Когда столь абсурдное обвинение в шпионаже в пользу гитлеровской Германии следователь предъявил самому Вовси, тот с горечью заметил: «Вы сделали меня агентом двух разведок, не приписывайте хотя бы германскую – мой отец и семья брата в войну были замучены фашистами в Двинске». На что последовал циничный ответ: «Не спекулируйте кровью своих близких»⁵.

Поскольку Вовси приходился двоюродным братом Михоэлсу, следователи, представив его «предводителем сионистов, окопавшихся в советской медицине», инкриминировали ему связь с американской разведкой через знаменитого родственника, трагически погибшего в начале 1948 года. Для того чтобы он «заговорил», в ход было пущено все: изматывающие многочасовые допросы, наручники, угрозы, в том числе и такие зверские: «Мы тебя четвертуем, повесим, посадим на осиновый кол».

Начиная с 21 ноября, когда силы оставили профессора, он стал, не читая, механически подписывать сфальсифицированные протоколы, призванные обосновать легенду о руководящей и направляющей роли разведывательной службы США и международных сионистских организаций в формировании «заговора кремлевских врачей». Именно от этих «заокеанских хозяев» он, главный терапевт Министерства вооруженных сил СССР (был им до 1949 года), лечивший Ф.И. Толбухина, И.С. Конева, Л.А. Говорова, А.М. Василевского, Г.И. Левченко, Я. Н. Федоренко и других видных советских военачальников, получил якобы задание вывести из строя командный состав Советской Армии. По воле следователей в ближайшие сообщники к Вовси попали профессора Б.Б. Коган и Я.С. Темкин.

От допроса к допросу фантазия следователей становилась все более необузданной. Законы детективного жанра, в рамках которого, по сути, и велось расследование, требовали от сочинителей с Лубянки все более крупных разоблачений и бередящих воображение фактов. И вот уже на «ближнюю» дачу главного вдохновителя этого творчества направляются протоколы допросов, в которых от имени Вовси и Когана утверждалось, что в июле 1952 года они, будучи изгнанными из Кремлевской больницы, договорились направить все свои усилия на умерщвление Сталина, Берии и особо ненавидимого ими Маленкова, которого считали главным вдохновителем антисемитского курса в стране. В качестве основного исполнителя этого плана ими был намечен Виноградов, продолжавший работать в ЛСУК. Однако коварному замыслу «врачей-террористов» не суждено было сбыться. По примитивной версии следствия, это произошло потому, что «заговорщикам» не удалось окончательно договориться о деталях «операции»: в августе Вовси уехал в отпуск, а когда возвратился в Москву, то не смог встретиться с Виноградовым, который, наоборот, отбыл на отдых, а потом был арестован. Такое неожиданное для злоумышленников развитие событий и, как особо отмечалось в материалах следствия, решительность действий напавших на их след чекистов привели Вовси и его сообщников в истерическое неистовство, и те решили

прибегнуть к крайним мерам: стали готовиться к вооруженному нападению на правительственные автомашины в районе Арбата. Но бдительные «органы» и тут оказались на высоте и в самый критический момент обезвредили преступников, устранив угрозу безопасности вождя и его соратников.

В конце 1952 года Сталин направлял эти «признательные показания» Маленкову, Хрущеву и другим членам Бюро Президиума ЦК КПСС. А 4 декабря он вынес на рассмотрение Президиума ЦК вопрос «О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле». Выступивший с докладом Гоглидзе возложил основную вину за многолетнюю и безнаказанную деятельность «врачей-вредителей» на «потакавших» им Абакумова и бывшего начальника Главного управления охраны МГБ СССР Н.С. Власика (будет арестован 16 декабря 1952 года). Поплатился и министр здравоохранения СССР Е.И. Смирнов – его отправили в отставку.

В принятом постановлении ЦК «О положении в МГБ» руководству органов госбезопасности предписывалось «поднять уровень следственной работы, распутать до конца преступления участников террористической группы врачей Лечсанупра, найти главных виновников и организаторов проводившихся ими злодеяний»⁶.

Парализовав страхом партийные верхи, Сталин, чтобы возвести «дело врачей» в разряд крупной политической акции, решил вовлечь в свою авантюру все население страны. Важным шагом в реализации этого замысла стало состоявшееся 9 января 1953 года заседание Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждался отредактированный вождем проект адресованного народу сообщения ТАСС «Арест группы врачей-вредителей». Сохранилась записка, отправленная А.Н. Поскребышевым руководителю Агитпропа Н.А. Михайлову, свидетельствующая о том, что Сталин не только определил содержание официального заявления по «делу врачей», но и дал указание, как разместить его в газетах⁷.

И вот наступило 13 января, когда из опубликованных тогда сообщения ТАСС и редакционных передовиц вся страна узнала о «врачах-террористах» как об «агентах иностранных спецслужб, обезвреженных органами госбезопасности». Под такой пропагандистский аккомпанемент МГБ активизировало «оперативно-следственные мероприятия» по «делу врачей». В январе – начале февраля по Москве прокатилась новая волна арестов, увеличившая число медиков, обитавших в камерах Лубянки. В те дни взяли под стражу В.Ф. Зеленина, Э.М. Гельштейна, Я.Л. Рапопорта, Н.А. Шерешевского, М.Н. Егорова, Б.С. Преображенского, С.Е. Незлина и других врачей, имевших отношение к «кремлевской» медицине.

В первой половине февраля руководство МГБ официально сформировало групповое «дело врачей», включив в общее производство материалы следствия по 37 арестованным. Из них 28 были собственно врачами, а остальные – членами их семей, главным образом женами. И хотя большинство составляли русские, дело с самого начала имело отчетливый антисемитский характер. Оно породило десятки «дочерних» уголовных производств, по которым проходили исключительно медики-евреи, на которых навешивался ярлык «буржуазный националист». Была «вскрыта», скажем, целая такая сеть, якобы действовавшая в ряде столичных медицинских учреждений под руководством профессора Вовси.

Предавая всеобщей гласности «дело врачей», Сталин преследовал цель инициировать подготовку общественного мнения к будущему публичному процессу, что подразумевалось весьма многозначительной фразой из сообщения ТАСС от 13 января:

«Следствие будет закончено в ближайшее время». В реализации этого замысла вождь опирался прежде всего на партийно-пропагандистский аппарат, руководство которого было им в значительной мере обновлено после XIX съезда КПСС.

Ведущую роль в организации пропагандистской атаки на общество в связи с «делом врачей» сыграл Н.А. Михайлов,

назначенный в октябре 1952 года секретарем ЦК и заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК. Он и направил 12 января 1953 года в редакции ведущих газет и журналов указание о подготовке срочной публикации соответствующих пропагандистских материалов.

Расширявшаяся день ото дня пропагандистская истерия вокруг «врачей-шпионов» вызвала двоякую реакцию в общественном сознании: агрессивность и желание расправиться с «убийцами в белых халатах», с одной стороны, и панический, животный страх перед ними – с другой. Соединение этих негативных эмоций с антисемитизмом и шовинизмом создало поистине гремучую смесь массовой параноической ненависти к евреям-медикам, которые подозревались в намеренном уничтожении русских людей путем заражения туберкулезом, другими смертельными болезнями и намеренном умерщвлении новорожденных. Всплеск почти неприкрытого официального антисемитизма и массовые проявления бытовой юдофобии породили среди евреев страх, отчаяние, панические настроения и тревожные слухи о депортации в Сибирь. Эти скандальные события вызвали негативную реакцию и на Западе, причем как со стороны правящих кругов, так и широкой общественности, в том числе и леволиберальной, ранее всегда выступавшей в поддержку Сталина и его режима.

Находясь вследствие быстро прогрессирующего недуга почти безвыездно на «ближней» даче и лишь изредка наведываясь в Москву в основном для того, чтобы появлениями в Большом театре или встречами с иностранными послами пресечь усиливавшиеся с каждым днем слухи о его нездоровье, Сталин тем не менее был в курсе текущей политики. И прежде всего – благодаря Маленкову, Берии, другим самым доверенным приближенным, которые, конечно же, докладывали ему и о нежелательной ажитации в стране и мире в связи с пропагандистской шумихой вокруг «дела врачей». Осознав под воздействием этой информации, что подобное развитие событий чревато самыми непредсказуемыми последствиями, Сталин, всегда стремившийся сохранить для истории свое «прогрессивное» лицо, решился на отступной маневр. Чтобы разрядить ситуацию, Сталин, как вспоминал потом Л.М. Каганович, поручил секретарю ЦК и главе Агитпропа Михайлову подготовить от имени наиболее выдающихся и известных в стране деятелей еврейского происхождения проект соответствующего письма в редакцию «Правды». В 20-х числах января такой текст был готов, причем уже в виде газетного оттиска. Поскольку за его составление отвечал не наделенный политической гибкостью Михайлов, то по сути получился парафраз сообщения ТАСС от 13 января 1953 года с резкими оценками и формулировками в духе 1937 года. Вместе с тем в данном проекте четко проводилась дифференциация между «еврейскими буржуазными националистами» и «честными еврейскими тружениками». Первые – «жалкая кучка» «отщепенцев и вырожденцев», «продавших свою душу и тело империалистам», – объявлялись врагами, которых ждет суровая, но заслуженная кара. А вторые – это подавляющее большинство еврейского населения, состоящее из «патриотов Советской Родины», строящих «вместе со всеми трудящимися Советского Союза» «свободную, радостную жизнь», преданных делу коммунизма. Они, собственно и призывались «активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружеников»⁸.

Поддержать обращение в «Правду» должны были 59 известных ученых, артистов, литераторов, конструкторов, врачей, военных, управленцев, а также рабочих и колхозников еврейского происхождения. Однако в ходе сбора их подписей, в котором активную помощь

сотрудникам ЦК и редакции «Правды» оказывали академик-историк И.И. Минц и начальствующий журналист Я.С. Хавинсон-Маринин, произошел некоторый сбой. Не кто иной, как Каганович решительно выступил против того, чтобы его имя фигурировало в общем списке, заявив Сталину, что он – не еврейский общественный деятель, а член высшего руководства партии и государства и потому должен быть обозначен отдельно.

Коллизию эту разрешили довольно быстро, предоставив Кагановичу копию письма, которую тот и подписал как персональное обращение в «Правду». Возникла заминка с Эренбургом. Решив заручиться личным благословением Сталина, он направил ему записку, в которой как сторонник полной ассимиляции евреев намекнул на изначальную порочность затеи с посланием, исходящим от людей, объединенных по национальному признаку. Сомнения писателя дошли до цели – его записка потом среди других бумаг будет обнаружена на «ближней» даче всесильного адресата, который тем не менее не позволил ему уклониться от исполнения номенклатурного долга. Так под обращением наряду с прочими* появился и автограф Эренбурга⁹.

Подправленный по замечаниям Эренбурга текст Михайлов и Шепилов направили 29 января Маленкову, а тот, в свою очередь, представил его Сталину. Поскольку 2 февраля на сопроводительной записке появилась отметка об отправке его в архив, напрашивается вывод: текст Сталину не понравился. Можно предположить, что тон письма – чрезмерно резкий, если не сказать, кондовый – не устроил вождя. Он отражал вчерашний день и не способствовал достижению новой цели: устранить скандальный резонанс, вызванный «делом врачей». Обоснованность такой догадки подтверждается тем, что составление следующего варианта было поручено председателю постоянной комиссии ЦК по идеологическим вопросам и главному редактору «Правды» Шепилову, слывшему среди интеллигенции либералом. О выполнении задания тот отчитался 20 февраля, когда вручил Михайлову «исправленный текст проекта письма в редакцию газеты “Правда”».

Хотя в идейно-концептуальном смысле сотворенное под руководством Шепилова не претендовало на новизну, но зато по лексике оно разительно отличалось от того, что было раньше. Это была уже не прежняя вульгарная агитка, а вежливое приглашение «вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев». Итак, преобразился язык послания: исчезли «шпионские банды», испарились «еврейские буржуазные националисты», больше не использовался даже такой ходовой тогда пропагандистский штамп, как «англо-американские империалисты». Вместо них фигурировали «американские и английские миллиардеры и миллионеры» и «зарвавшиеся еврейские империалисты». Ну а «еврейские труженики» не призывались больше к повышению бдительности. Даже вновь появилось вычеркнутое было словосочетание «еврейский народ», что мог сделать вопреки собственной теории только сам

Сталин.

Правда, письмо пуще прежнего костерило Израиль и сионистов, что объяснялось неожиданно и скандально произошедшим тем временем разрывом дипломатических отношений с этим государством. Умиротворяющую направленность письма дополнительно оттеняла призванная внушить оптимизм концовка – пожелание начать издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в стране и за рубежом¹⁰.

Поскольку из послания был изъят призыв «самого беспощадного наказания преступников», можно заключить, что Сталин во избежание международного скандала вынужден был отказаться от намерения провести публичный процесс по «делу врачей». Тем самым автоматически опровергается возникший впоследствии миф об открытом антисемитском судилище как сигнале к началу еврейской депортации. Если бы Сталин вскоре не умер, вероятнее всего имело бы место действие, аналогичное тайной расправе над руководством Еврейского антифашистского комитета.

Как известно, обращение еврейской общественности так и не появилось в печати. Думается, Сталин успел незадолго до приступа смертельной болезни отвергнуть эту идею,

прислушавшись к соображению Эренбурга, что публикация любой, даже выдержанной в самом оптимистическом тоне, коллективной петиции евреев будет свидетельствовать о том, что в стране продолжает существовать пресловутый «еврейский вопрос».

За то, что диктатор вынужден был сменить гнев на показную милость, говорит хотя бы то, что с 20-х чисел февраля с полос «Правды» исчезла критика «еврейских буржуазных националистов» и их «заграничных хозяев», неизменно присутствовавшая там до этого. Впрочем, в полной мере эта чуть обозначившаяся в поведении Сталина тенденция так и не успела особо проявиться. 1 марта, его разбил сильнейший инсульт, после которого он уже не поднялся.

После смерти Сталина процесс над врачами – даже закрытый! – был уже невозможен: «дело врачей» хотя и было в значительной мере инспирировано Маленковым и Берией, стремившимися таким образом устранить Абакумова, однако в дальнейшем «держалось» исключительно на Сталине. Его же ближайшее окружение нисколько не сомневалось в фальшивом характере «дела» и видело в нем реальную угрозу социально-политической стабильности в стране. Поэтому преемники диктатора постарались как можно быстрее его похерить.

Инициативу взял на себя Берия, ставший первым заместителем председателя Совета Министров СССР и министром внутренних дел страны. Он уже 13 марта приказал специально созданной следственной группе пересмотреть «дело врачей»¹¹.

Арестованным врачам было предложено подробно изложить на бумаге претензии к следствию. Им дали понять, что новое руководство страны не сомневается в их невиновности и они должны помочь ему восстановить социалистическую законность. В результате все узники, ссылаясь на применение к ним физического и психологического насилия, отказались от прежних показаний, в которых обвиняли себя и своих коллег в тяжких преступлениях. А некоторые не только подвергли критике незаконные методы следствия, но и довольно искренне высказались о политике советского руководства в отношении евреев.

Получив доказательства фальсификации «дела врачей» и его полной юридической несостоятельности, Берия 31 марта утвердил постановление о прекращении уголовного преследования всех проходивших по нему подсудимых. На следующий день он секретной запиской проинформировал обо всем Маленкова, возложив основную ответственность за инспирирование и фальсификацию «дела» на Рюмина, а также обвинил бывшего министра госбезопасности Игнатъева в том, что тот «не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у Рюмина...» Одновременно Берия «счел необходимым» «всех... арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить». Это предложение было утверждено 3 апреля Президиумом ЦК КПСС. Им же было принято решение и о привлечении к «уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикациях... провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов»¹². По сути то была формальная санкция: Берия еще 16 марта распорядился арестовать главного «зачинщика» «дела», бывшего заместителя министра государственной безопасности СССР Рюмина. И хотя в сущности этот человек являлся всего лишь послушным инструментом в руках Сталина, ему пришлось расплатиться собственной жизнью не только за свои грехи, но и за преступления, совершенные вождем и его ближайшим окружением.

Вечером 3 апреля находившиеся в заключении «кремлевские врачи» были выпущены на свободу. Советские граждане узнали об этом из опубликованного на следующий день «Сообщения Министерства внутренних дел СССР». После этого 2 миллиона 250 тысяч советских евреев, пребывавших после смерти Сталина в смятении, не ведая, как будут развиваться события дальше, смогли облегченно перевести дух...

***

Í dááñòààéáííúá í àòàðéàéú òðáíýòñý á àððéáá í òðáéááí òà Ñññééíéíé Òáááðáòéé, Ñññééíéíí ãññááðñòááííí àððéáá ãññééáéúíí-ííééòé-áíéíé éñòíðéé, Ñññééíéíí ãññááðñòááííí àððéáá ííáééóáé éñòíðéé è Õáí òðáéúííí àððéáá Òáááðáéúííé ãññééáú ááçííáñññòé Ñññééíéíé Òáááðáòéé. Áíéúóéíñòáí áíéóí áí òíá í óáéééðòñý áí áðáá

*Ñññóàáéòáéúíí óáéééáòéé, ááçíí òí ðááéñéíáéý è éíí í áí òàðéáá
Á.Á. ÈÍÑÓÚÐ×ÁÍÈÍ*

* Í á ííáééíí ééñòá è íáðáúáíéð á ðáááéééð «Í ðáááú» (òðáíéòñý á ÑÁÁÍÈ - ò.5, íí. 25, á 504, è. 177-179) èí áðòñý òáééá í ðééíáéúíí úá ááçííáðóú Ñ.ß. Í áðóáéá, Á.Ñ. Áðñññ áíá, Í.Í. Ñáéçáí á, Í.È. Ññí í á, È.Á. Èáíááó, È.Í. Áóíááéííá è í ííáééò áððéáá áéáí úó ááý òáééá ááðáéíéíá í ðñéíñíáéáíéý.

¹ Í íééòáðòí ÕÈ ÁÈÍ (á) è Ññáá Ì éíéñòðñá ÑÑÑÐ; 1945 - 1953 / Ñññò. Í.Á. Õéááíðé, È.Á. Ññááý, È.Í. Èíóááá è áð Í.: ÑÍÑÑÍ ÝÍ, 2002. Ñ. 343 - 346

² ÕÀ ÕÑÁ ÐÓ. Èíééáéééý áíéóí áí òíá

³ ÑÁÁÍÈ. Õ. 17. Íí. 162. Á. 48. È. 20 - 21; Èíñòúð-áíéí Á.Á. Õáéíáý ííééòééá Ñòáééíá Áéáñòúé áí òéñáí éòéçí. Í.: Í áéáóí áðñáí úá í òííóáíéý, 2001. Ñ. 637.

⁴ Èçááñòéý ÕÈ ÈÍÑÑ. 1989. ¹ 3. Ñ. 154

⁵ Í íñéíáíééá í íáíñòé. 1988. 7 óááð

⁶ ÁÍ ÐÓ. Õ. 3. Íí. 58. Á. 222. È. 1.

⁷ ÑÁÁÍÈ. Õ. 5. Íí. 16. Á. 602. È. 1.

⁸ Õáí áá Íí. 25. Á. 504. Ñ. 173 - 179

⁹ Õáí áá Ñ. 180 - 186. Èíñòí-íéé. 1997. ¹ 1. Ñ. 142

¹⁰ Èíñòí-íéé. 1997. ¹ 1. Ñ. 143 - 146

¹¹ Èááñáí òéé Ááéý. Ñòáí íáðáí í á èðéúñéíáí íéáí óí á ÕÈ ÈÍÑÑ è áððéáá áíéóí áí òú / Ñññò. Á. Íáóí íá. Ñ. Ñéáí-áá Í.: Í Õ «Ááí íéðáòéý», 1999. Ñ. 17.

¹² Õáí áá Ñ. 21 - 25.

Áíéóí áí ò ¹ 1

Á.Ñ. ÁÁÁÈÕÌ ÍÁÍ - Á.Í. Í ÁÈÁÍ ÈÍÁÓ

Í «ÇÁÑÍ ÐÁÍ Í ÍÑÒÈ» ÈÁÁÐÍÁ Á ÈÈÈÍ ÈÈÁ ÈÁ×ÁÁÍ ÍÁÍ ÝÈÒÁÍ Èß

4 èðý 1950 á

Í ãááý í áíéá

Ñññáðóáííí ãññéáòíí

Ýéç 1

ÕÁÍ ÒÐÁÉÚÍ ÕÈ ÈÍÍ ÈÒÁÐ ÁÈÍ (á)

òíááðéúóí ÁÈÁÍ ÈÍÁÓ Á.Í.

Íí éí áðúéíñý á Í ÁÁ ÑÑÑÐ ááííúí, á ðáçéúðáòá íáðóóáíéý áíéúóáéñòñéíá í ðéíóéíá ííááíðá éááðñá á éééíééá éá-ááííá íéòáíéý Áéááíí è è í ááéóéíñééò íáçé ÑÑÑÐ ãçááéáññí íáñòáííáéá ãññáéñòááííñòé è áðúíííáúéíú. Íí ýòíé íðé-éíá éç 43 áíéáéíñòáé ðééíáíáýúéó è íáó-íúó ðááí òíééíá éééíééé 36 çáíéí áðò ééóá ááðáéíéíé íáðéííáéúííñòé*, íá éçéá-áíéá á éééíééó íííáááðò, áéááíúí íáðáçíí, ááðáé. Çáí áñòéòáéúí áéðáéòíðá éíñòéòóá íéòáíéý ÁÁÈÈÍÁ Á.Ñ. íí ýòíí ó áííðññ çáýáéé:

«Í íáééáá íçíáéíí éáóéññí ãññáðáòíí éééíééé, ý óáéááé, ±òí 75-80 % íáó-íúó ðááí òíééíá ãññóááéýðò ééóá ááðáéíéíé íáðéííáéúííñòé. Á éééíééá í ðé çáííéíáíéé éñòíðéé áíéáçíé éñééð-áééññí áááóú «Íáðéííáéúííñòú» è «íáðóééííñòú». Ñ í ðááéíáééé çáí áñòéòáéð áéðáéòíðá éééíééé ÁÁÈÈÈÍÁÓ áééð-éòú ýóé áááóú, óáé éáé ííé íóáéíú áéý ãòáèñòééé. Ííé áúéé áééð-áíú, íí ±áð; íýòú áíáé Í ááçíáðíí 3 ãññáí áúéé áí íóééðíáí ú».

Íí ãññááðáçúáí óííéíáéáíéð á éééíééó éá-ááííá íéòáíéý áíéúííá áíéáéíú ííñòóíáòúíí íóóááéáí Í éíéñòáðñòáá çáðááííóðáíáíéý ÑÑÑÐ è íáéí òí ðúó ííéééééíéé Í íñéáí, á òáééá íí òáí áðééá éíñòéòóá éá-ááííá íéòáíéý Áéááíí è è í ááéóéíñééò íáçé ÑÑÑÐ. Á ááéñòáéòáéúííñòé á éééíééó ííñòóíáðò á áíéúóéíñòáí ãññáí ééóá ááðáéíéíé íáðéííáéúííñòé íí òáí áðééá éíñòéòóá íéòáíéý, òí áñòúñ ðáçéááéíéý áéðáéòíðá éíñòéòóá Í ááçíáðá è çááááçúáíí íðéáí íúí ííéíáí Áðáí áíáðá.

Ñòáðóáý í ááéóéíñéáý ãññòá éééíééé ÁÈÁÁÈÁÁÈ× Á.Á., ááááçúáý ðáéñòðáòééé áíéúííúó çáýáééá:

9 Οδούα Ι.Ν. (1894 - 1971) - μάοηέε ιάοέείτúε ε άηάαδηόάηίτúε άγύοάεü η 1949 ά ηέοδάοάδú ΟΕ ΑΕΙ (α), ίάη ίάοάη άηίη ά 1949- 1953 ά ηάοάε ηέοδάοάδú Ι Ε ΑΕΙ (α).
10 Οέέθγύοά Ι.Ο. (1883 - 954) - μάοηέεε ιάοέείτúε άγύοάεü ά 1939-1952 ά çáη άηόέοάεü η όάηηάοάεü Εηί έηηέε ιάοέείτúε έηίόθρεü η όε ΟΕ ΑΕΙ (α).
11 Ι άέοδρά Α.Α. (1903 - 1975) - άγύοάεü ιάοέε ε ίόάηίά άηάçηάηηήηόέ, ά 1950 ά çáηάοηέε άάη έηέηόδάοέάηúη ίόάεηί ΟΕ ΑΕΙ (α).

Άηέοü άηό ¹ 2

**ΑΑΙ ΕΙ ΕΝΘΑΟΕΑΙ ΟΕ ΙΟΑΑΕ - Α.Ι. Ι ΑΕΑΙ ΕΙ ΤΑΟ Ι ΕΑΑΔΑΟ ΕΕΕΙ ΕΕΕ ΕΑ×ΑΑΙ ΤΑΙ Ι ΕΟΑΙ ΕΒ
Ι ΕΕ Ι ΕΟΑΙ ΕΒ ΑΙ Ι ΝΝΝΔ**

2 άάηηό ά 1950 ά

Ι έηέηόδ άηάαδηόάηίτúε άαçηίάηηήηόέ ΝΝΝΔ ό. Άάέοü ίά ηήαηάο, +όη, ηη έη άηύέη ηγ ά Ι ΑΑ ΝΝΝΔ άάηúη, ά όαγέüόάό ίάοάηέü άέüεάέηόηεηά ηόέηόεηά ηηάηόά έαόδρά ά έέέηέεά έα-άάηά ηέοάηέü ίάο-ηη-έηηέάηάοάεüηεηά έηηέόόά ηέοάηέü ΑΙ Ι ΝΝΝΔ ηçáεάηη ίάηόάηάεά ηάη άέηόάηίτúε ε άδúηίάηεηú.

Α όάηόά έέέηέε ε άά çáηάοηέε ηόό. Ι άαçηάό Ι.Ε. έη άηόηγ ηάδúçηίά ίάηηόάόέε ά ηηάηόά ε όάηηόάηάεά έαόδρά Αη ηηέάηάη άδúη άηέ ίάέηόηόά άηέαηήηόέ ίάο-ηúό ηόόδúη έέηά ά όγáά ίόάεηά çáη άάηú ηη ίόάηηόάέάηέη όόό. Ι άαçηάό ηηέέόέ-άηέε ηηίέοάέüηúηέ έέόάη ε, ηέηη ηόηη άόέόάάέεη ε ηάγ ά ηόέηη, έη άηύέη ε ηάγçηηόδ άηόάηίέεάη ε, αέάόηέη ε çá άάη έόάε.

Ι όό. Ι άαçηά, ηόέηηάέά έç έόηόά 1872 ηάά όηάάηέü, άάη άδóέείτúε, ά όά-άηέά όγáά έάό ηηάηέá ηόάέάε çá άάη έόάε, έη άάό όάηηόάηίέέηά άη Οόάη όέε.

Çáá ίόάάέάηέáη, ηόό. Αηόάη Ι.Α., 1898 ηάά όηάάηέü, άάη άδóέείτúε, ά Ι άδóεά ηόάέάάό άά όάόέá, çáηέη άηύάηηγ όηόάάέ. Αέάά - Δαοάάέáγ, έηέηç-άη έç όγáά ΑΕΙ (α), έάε άηόάάό έç ηάόέε άηάδóέηόά

Çáá ίόάάέάηέáη ηόό. Άάέέη Ε.Α., 1896 ηάά όηάάηέü, άάη άδóέείτúε, άάόό ηόάέάάό άη Αηάέε.

Νόάδóέε ίάο-ηúε ηόόδúηέε Εάέόηέε Ε.Ι., 1892 ά ό, έηέηç-άη έç ΑΕΙ (α) ά 1932 ά, άδúηόάηάέηγ ά 1938 ά

Νόάδóέε ίάο-ηúε ηόόδúηέε Οάδú άηίέüηέáγ Ι.Α., 1899 ηάά όηάάηέü, άάη άδóέείáγ, ηόάέάάέá çá άάηέόάε όαçηίάηόέε ά 1928, 1929 ε 1930 ά ά Οάόέε ε Άάδú άηέε.

Ι έάάóέε ίάο-ηúε ηόόδúηέε Εηάά Ι.Ε. (ηάόόόάέέέέέ), 1902 ηάά όηάάηέü, +έáη ΑΕΙ (α), έç η άάη, ά 1938 ά άδúηόάηάέηγ. Α Αη άδóέá ηόάέάáηόό άδúό ε άάά άγáε.

Ι έάάóέε ίάο-ηúε ηόόδúηέε Ι άηέέηά Ε.Ι., 1903 ηάά όηάάηέü, +έáη ΑΕΙ (α), έη áεá ηόόάέε άηάάηό çá ηγçηηόόόέηόάη ε.

Çáηάοηέεά ίόάάέάηέü ε έέέηέε ηέοάηέü ά όά-άηέά 15-20 έάό όάάηόáηό άη άηόά ηη ηόό. Ι άαçηάδú, άαçηάάηόç-ηη ε áέόέáη ηηάάάέεάáηό άά άη άηό άη η άδúηέüόέü

[..]Ι άάάηάό ίά ηάγ άηέηάηέά +όη έηίόέάηúό άέέüηúό, ηόέηέη άηύέόηγ +άάç ηηέέέέέέέέ έηηέέόόά ηέοάηέü, ηηάέόάόηγ ίάηηόόηίά ηη ηόέηόέίό çáέηη ηόάá

[..]Ν-έόάέε άú ίάηάόηάέη úη ηηόó-έόú Ι έηέηόδúηόό çάόάηηόόάηάηέü ΝΝΝΔ ηόάάέόú όάάηόό έέέηέε έα-άάηά ηέοάηέü ε όέάηέόú έάάάη ε. Ι όαγέüόάόό άηέηάέόúά ΟΕ ΑΕΙ (α).

Çáηάοηέε Άάη έηέηόδάοέáηúη ίόάεηί ΟΕ ΑΕΙ (α)
(Α.Α. Ι άέοδρά)

Çáη άηόέόάεü çáηάοηέεάη ηέόόηόη çάόάηηόόάηάηέü Άάη έηέηόδάοέáηά ίόάάεά ΟΕ ΑΕΙ (α)
(Α.Ε. Ι άάηέεε)

ΔΑΑΝΙ Ε. Ο. 17. Τη. 119. Α. 12. Ε. 86-87. Τηάε.

Άηέοü άηό ¹ 3

**ΔΑΟΑΙ ΕΑ ΝΑΕΡΑΟΑΔΕΑΟΑ ΟΕ ΑΕΙ (α) Ι ΕΑΑΔΑΟ ΕΕΕΙ ΕΕΕ
ΕΑ×ΑΑΙ ΤΑΙ Ι ΕΟΑΙ ΕΒ**

11 августа 1950 г.

Поручить Административному отделу ЦК ВКП(б) совместно с Министерством здравоохранения СССР проверить работу клиники лечебного питания Научно-исследовательского института питания АМН СССР и принять необходимые меры по укреплению клиники кадрами. О результатах доложить Секретариату ЦК ВКП(б).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Л. 85. Копия.

Ν.Α. ΕΑΓΑΟΥΑΑΙ - Ε.Α. ΝΟΑΕΕΙ Ο Ι ΒΑΓΤΑΕΑ ΧΑΓΙ ΕΕ Ι ΑΟΕΙ Ι ΑΕΕΝΟΕ ΧΑΝΕΙ Ε ΑΔΟΙ Υ Α ΕΕΕΙ ΕΕΑ ΕΑ ΧΑΑΓΙ ΤΑΙ Ι ΕΟΑΙ ΕΒ

27 οάαδαι 1952 α

Ντααδαι Ι Ι ηααο Ι Ι
Οτααδαι ο ΝΟΑΕΕΙ Ο

Ι δε γο Ι Ι δααο ααγρ Ι ορο Ι εε α Ι ο Ι ηα αααο Ι αα Ι Ι η ΕΑΑΕΙ Α Α.Ε., αηηοα Ι ο α εαο ααο Ι εα αα Ι ηα Ι εοα Ι εγ Οα Ι ο δαε Ι ηα ε Ι ηο εο ο α α ηααδαι ηο α Ι αα Ι εγ αα αε, η Ι α ααα Ι αα Ι ηα ΕΑΑΕΙ Α Ε.Α.

ΕΑΑΕΙ Α.Ε. Ι εααε, ο Ι α εε Ι εε α εα αα Ι ηα Ι εοα Ι εγ Ε Ι ηο εο ο α Ι εοα Ι εγ Αεαα Ι εε Ι αεοε Ι ηεο Ι αε ΝΝΝΔ ηηααο ααο Ι αε Ι ηαεο ηο ε αεαγ αη Ι α, αηααααγ α Ι η αεο Ι ο Ι εε Ι εε, Ι ο ο α ηο Ι Ι ΑΑΓΤΑΔ Ι Ι Ι.Ε. Ο αηο Ι εε αηο Ι ηο Ι δε Ι αγ εε Ι ο Ι Ι ηα Ι αο Ι ηα εα α Ι εγ, Ι α Ι η η η εα ο Ι α α α α Ι ο Ι η α η α Ι ε η η ο ε Ι η α ο Ι η α η η ε α η η α ο Ι η η α α α Ι ο ο α Ι α Ι ε α

Εγ ε η η α εε ο, α η η η η ε ο α η ο ο α η ο Ι α, ε ο Ι η α ΕΑΑΕΙ Α Α.Ε., αααο Ι αα Ι ηο: ΑΑΔΕΕΙ Ε.Α. ε ΕΑΑΕΙ Α.Ν.

Ν. ΕΑΓΑΟΥΑΑΙ

Ι ο Ι [α α ο α Ι Ι] 6 ηεγ.

Ε η η ε δαη η η α Ι ηο:

Οτααδαι ηα Ι η αα Ι ε Ι α ο Α Ι.

Ααδαι η

Αοα Ι η ε Ι α ο

ηεγ 5 - ηαεο α ο α δαε ο Ι ΑΑ ΝΝΝΔ

ηεγ 6 - 5 ο Ι δαα α Ι ε α Ι ΑΑ ΝΝΝΔ

Ε η η [η ε Ι ε ο α ε η η ο. Δα η η η η η ε Ι η ε ε (6 Ι ο α α ε)]

Ι α ο [η ε Ι η ο ε α η η Ι η ο η ε α α, 23.02.52

Α Ι ΔΟ. Αδδαι η α η ε Ι ε ε α ε ο η η. Ε η η η η η.

1 Ε η η α ο η η α Ν.Α. (1904 - 1983) - η η α ο η η ε ε α η η η α α η η α α Ι η η ε ε Ι α δ ο ε ε Ι η η ε α η η ο α η η η α 1951 - 1953 α η Ι ε Ι η η ο δ α η η η α α η η α Ι η ε α η η η α η η η ο ε ΝΝΝΔ

2 Αοα α Ι η ε Ι Ι.Α. (1895 - 1975) - η η α ο η η ε ε α η η η α α η η α α Ι η η ε ε α η η ο α η η η α 1947 - 1953 α η η α η η α η η ο ε ο α η η η η α η η α ο α η η η η α ο α Ι η ε Ι η η ο δ η α ΝΝΝΔ

Документ № 5

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) «О НЕБЛАГОПОЛУЧНОМ ПОЛОЖЕНИИ В МИНИСТЕРСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР»

11 июля 1951 г.

2 июля 1951 года ЦК ВКП(б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина1, в котором он сигнализирует о неблагоприятном положении в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра государственной безопасности т. Абакумова. [...]

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал комиссию Политбюро в составе тт. Маленкова, Берия, Шкирятова, Игнатьева и поручил ей проверить факты, сообщенные т. Рюминым. В процессе проверки комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ т. Леонова2, его заместителей тт. Лихачева3 и Комарова4, начальника Второго Главного управления МГБ т. Шубнякова5, заместителя начальника отдела Второго Главного управления т. Тангиева, помощника начальника следственной части т. Путинцеваб, заместителей министра государственной безопасности тт. Огольцова7 и Питовранова8, а также заслушала объяснения т. Абакумова.

Ввиду того что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП(б) решил немедленно отстранить т. Абакумова от обязанностей министра госбезопасности и поручил первому заместителю министра т. Огольцову исполнять временно обязанности министра госбезопасности. Это было 4 июля с.г.

На основании результатов проверки комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) установила следующие неоспоримые факты.

1. В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявляющий резко враждебное отношение к советской власти – врач Этингер9. При допросе старшим следователем МГБ т.

Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима, признал, что при лечении т. Щербакова А.С.¹⁰ имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить ему жизнь.

ЦК ВКП(б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей, несомненно, существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева¹¹ и врача Левина¹², которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева¹³ и Максима Горького¹⁴. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения.

Однако министр госбезопасности т. Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, в присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, а также в присутствии преступника Этингера признал показания Этингера надуманными, заявил, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом т. Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме.

Таким образом, погасив дело Этингера, т. Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задание иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства. При этом следует отметить, что т. Абакумов не счел нужным сообщить ЦК ВКП(б) о признаниях Этингера и таким образом скрывал это важное дело от партии и правительства. [...]

На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять т. Абакумова с работы министра государственной безопасности СССР, как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд.

2. Снять с занимаемых постов начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Леонова и заместителя начальника следственной части т. Лихачева, как способствовавших Абакумову обманывать партию, и исключить их из партии.

3. Объявить выговор первому заместителю министра т. Огольцову и заместителю министра т. Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ.

4. Обязать МГБ возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера [...]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46. Л. 19 – 21. Копия.

1 Рюмин М.Д. (1913 – 1954) – руководитель госбезопасности, в 1947 – 1951 гг. старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР, в 1951 – 1952 гг. заместитель министра государственной безопасности и начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР, в ноябре 1952 – марте 1953 гг. старший контролер Министерства госконтроля СССР. В марте 1953 г. арестован за фабрикацию ряда дел. Расстрелян.

2 Леонов А.Г. (1905 – 1954) – руководитель госбезопасности, в 1946 – 1951 гг. начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР. В 1951 г. арестован. Расстрелян.

3 Лихачев М.Т. (1913 – 1954) – руководитель госбезопасности, в 1946 – 1951 гг. заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР. В 1951 г. арестован. Расстрелян.

4 Комаров В.И. (1916 – 1954) – руководитель госбезопасности, в 1946 – 1951 гг. заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР. В 1951 г. арестован. Расстрелян.

5 Шубняков Ф.Г. (1916 – 1998) – руководитель госбезопасности, в 1949 – 1950 заместитель начальника, в 1951 гг. начальник Второго главного управления МГБ СССР. В 1951 – 1953 гг. находился под арестом по делу Абакумова.

6 Путинцев А.В. (р. 1917) – работник госбезопасности, в 1948 – 1954 гг. помощник начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

7 Огольцов С.И. (1900 – 1977) – руководитель госбезопасности, в 1945–1952 гг. первый заместитель, заместитель по общим вопросам наркома (министра) госбезопасности СССР. В 1953 г. находился под арестом за фабрикацию ряда дел.

8 Питовранов Е.П. (1915 – 1999) – руководитель госбезопасности, в 1946–1950 гг. начальник Второго главного управления МГБ СССР, в 1951 г. заместитель министра госбезопасности. С октября 1951 по ноябрь 1952 г. находился под арестом по делу Абакумова.

ВИНОГРАДОВ В.Н., 1882 года рождения, уроженец гор. Ельца, Орловской области, беспартийный, бывший директор терапевтической клиники 1-го Московского Медицинского института и профессор-консультант Лечсанупра Кремля.

Допрос начат в 12 часов.

ВОПРОС: В течение двух недель вы уклоняетесь от прямых ответов, хитрите, передергиваете факты, одним словом, не хотите сказать правду о совершенных вами преступлениях и назвать своих сообщников. Не злоупотребляйте терпением следствия!

ОТВЕТ: На те вопросы, которые мне задаются, я стараюсь отвечать как можно полнее.

ВОПРОС: Но не говорите правду.

ОТВЕТ: Я показываю то, что знаю.

ВОПРОС: Вы признаете, что умертвили товарища Жданова А.А.*?

ОТВЕТ: Я признаю, что по моей вине жизнь А.А. Жданова была сокращена. При лечении я допустил ошибку в диагностике, приведшую к тяжелым последствиям, а затем к его смерти. Злого умысла в моих действиях не было.

ВОПРОС: Будем избличать вас. Для начала сошлемся на некоторые обстоятельства умерщвления товарища Жданова А.А. Перед направлением товарища Жданова А.А. в Валдай вы выполнили по отношению к больному хотя бы элементарные требования медицины?

ОТВЕТ: Нет. До направления А.А. Жданова в Валдай я и имевшие отношение к его лечению **ЕГОРОВ2** и **МАЙОРОВ3** не обеспечили за больным нужного ухода, хотя они, так же как и я, видели, что болезнь его прогрессировала. Перед отъездом А.А. Жданова из Москвы в Валдай в июле 1948 года мы не произвели всестороннего врачебного обследования больного, которое позволило бы еще тогда более точно определить характер его заболевания и назначить нужное лечение. В период нахождения А.А. Жданова в Валдае мною, **ЕГОРОВЫМ**, **МАЙОРОВЫМ** совместно с **ВАСИЛЕНКО4** также не соблюдались элементарные медицинские правила, больной не подвергался надлежащим обследованиям, несмотря на то, что в Валдае имелись все возможности произвести лабораторное, электрокардиографическое и рентгеновское исследования.

ВОПРОС: Почему же вы так преступно относились к больному товарищу Жданову А.А.?

ОТВЕТ: Могу сказать только, что я виновен полностью.

ВОПРОС: Пойдем дальше. Вы знали, что электрокардиограммы, снятые у товарища Жданова А.А., указывали на наличие у него инфаркта миокарда?

ОТВЕТ: Знал.

ВОПРОС: Вы отвергли эти данные?

ОТВЕТ: Да, отверг.

ВОПРОС: Почему?

ОТВЕТ: 25 июля 1948 года электрокардиограммы, снятые врачом **КАРПАЙ**, не были типичными для инфаркта миокарда, в связи с чем я, **ЕГОРОВ**, **ВАСИЛЕНКО**, **МАЙОРОВ** и **КАРПАЙ** после обсуждения между собой приняли решение инфаркт миокарда не диагностировать. Не буду скрывать, что главная вина за это ложится на меня, так как в определении характера болезни А.А. Жданова мне принадлежало решающее слово.

ВОПРОС: Врач **ТИМАШУК5**, снимавшая у товарища Жданова А.А. электрокардиограммы после **КАРПАЙ**, сигнализировала вам, что у больного инфаркт миокарда, и вы своим лечением наносите ему непоправимый вред?

ОТВЕТ: Такой сигнал был.

ВОПРОС: Как вы поступили?

ОТВЕТ: Мы не послушали **ТИМАШУК**.

ВОПРОС: Больше того, вы постарались ее дискредитировать?

ОТВЕТ: Признаю. Я, **ЕГОРОВ**, **ВАСИЛЕНКО** и **МАЙОРОВ** 28 августа 1948 года, накануне второго сердечного приступа, случившегося у больного А.А. Жданова, в ответ на заявление **ТИМАШУК**, что лечение А.А. Жданова ведется неправильно, коллективно обвинили ее в невежестве и снова отвергли диагноз инфаркта миокарда. Тогда же мы настояли на том, чтобы **ТИМАШУК** не писала об инфаркте в заключении по электрокардиограмме. После смерти А.А. Жданова мы 6 сентября 1948 года устроили специальное совещание, на котором, опираясь на данные вскрытия тела А.А. Жданова, сделали все, чтобы дискредитировать **ТИМАШУК** и доказать, что она была не права.

ВОПРОС: В клиническом диагнозе 20 августа 1948 года вы записали:

«Принимая во внимание клиническую картину и данные повторных электрокардиографических исследований, необходимо признать наличие... миомалятических очагов».

Нет логики. Вы отвергали инфаркты миокарда и в то же время в завуалированной форме признали их, коль указали на очаги миомаляции?

ОТВЕТ: Мне сказать в оправдание нечего. Эти факты избличают неопровержимо. Но тем не менее я все-таки настаиваю, что лично в моих действиях нет злого умысла. Было так. 25 июля, недооценив электрокардиографические данные, я совершил медицинскую ошибку. 28 августа, когда вторично электрокардиограммы, снятые врачом **ТИМАШУК**, подтвердили, что у А.А. Жданова инфаркт

миокарда, а 29 августа с больным случился второй сердечный приступ, я понял, что моя ошибка привела к неправильному лечению А.А. Жданова и грозит больному трагическими последствиями. Начиная с этого момента я стал делать все для того, чтобы скрыть свою ошибку, выгородить себя и принимавших участие в лечении А.А. Жданова ЕГОРОВА, ВАСИЛЕНКО, МАЙОРОВА и КАРПАЙ, для которых не было секретом, что мы все виновны в преждевременной смерти А.А. Жданова.

ВОПРОС: Значит, пока вы признаете, что преступный умысел появился в ваших действиях после того, как врач ТИМАШУК изобличила вас в неправильном лечении товарища Жданова А.А.?

ОТВЕТ: Да. Я признаю, что начиная с 28 августа все наши действия проводились с умыслом и были рассчитаны на то, чтобы скрыть, что по нашей вине жизнь А.А. Жданова была сокращена. Именно с этой целью в клиническом диагнозе, составленном мною, ВАСИЛЕНКО, ЕГОРОВЫМ и МАЙОРОВЫМ, была записана двусмысленная формулировка о миомалятических очагах, затем по инициативе ЕГОРОВА было создано совещание, на котором мы пытались совместными усилиями дискредитировать врача ТИМАШУК. ЕГОРОВЫМ, вместе с тем, были приняты меры к тому, чтобы инфаркты миокарда не были обнаружены после вскрытия тела покойного А.А. Жданова.

ВОПРОС: Вами лично что еще предпринималось?

ОТВЕТ: 31 августа 1948 года, стремясь выбить на рук врача ТИМАШУК ее основной козырь – электрокардиографические данные, я провел заочный консилиум с участием профессоров ЗЕЛЕНИНА⁶, ЭТИНГЕРА и НЕЗЛИНА⁷, которые дали нужное мне заключение.

ВОПРОС: Когда они вошли в сговор с вами?

ОТВЕТ: Прямо я ЗЕЛЕНИНУ, ЭТИНГЕРУ и НЕЗЛИНУ ничего не говорил, но провел этот консилиум так, что им было понятно, какое заключение я хотел бы получить от них.

ЗЕЛЕНИНА я знаю десятки лет, это профессор старой дореволюционной школы, твердо соблюдавший правило: «не делай зла другому», и я был уверен, что если он поймет мое затруднительное положение, то всегда подает руку помощи. Так оно и случилось. ЗЕЛЕНИН дал расплывчатое заключение, которое впоследствии позволило мне говорить, что консилиум не нашел у больного А.А. Жданова инфаркта миокарда. ЭТИНГЕР тоже близкий мне человек, мои отношения с ним позволяли мне надеяться, что он не подведет меня, а НЕЗЛИН его ученик, всегда следовавший за своим учителем. Короче говоря, все трое – ЗЕЛЕНИН, ЭТИНГЕР и НЕЗЛИН, после того, как в начале консилиума я многозначительно заявил им, что по моему мнению у больного инфаркта нет, присоединились к моей точке зрения.

ВОПРОС: К вашим отношениям с ЗЕЛЕНИНЫМ, ЭТИНГЕРОМ и НЕЗЛИНЫМ мы еще вернемся, а сейчас скажите, разве до того, как врач ТИМАШУК установила у товарища Жданова А.А. инфаркт миокарда, не хватало клинических данных для того, чтобы сделать такой же вывод раньше?

ОТВЕТ: Клиника болезни А.А. Жданова и, в частности, электрокардиограммы, которые снимала в конце июля КАРПАЙ, давали основание говорить уже в то время о наличии у больного А.А. Жданова инфаркта миокарда. Тем моя вина и усугубляется, что в руках у меня было достаточно данных, чтобы предотвратить неправильное лечение А.А. Жданова.

Хочу только повторить, что в основе этого преступления, его первоисточником явилась медицинская ошибка, которую я допустил как консультант, руководивший лечением А.А. Жданова.

ВОПРОС: Будем изобличать вас дальше. Вы уже признались, что по вашей вине не только жизнь товарища Жданова А.А., но и жизнь товарища Щербакова А.С. была сокращена. Так это?

ОТВЕТ: Да, я это признал. При наличии у больного А.С. Щербакова тяжелого заболевания – обширного инфаркта миокарда, осложненного аневризмой сердца, я и привлекавшиеся к его лечению ЭТИНГЕР и ЛАНГ⁸ были обязаны создать для него длительный постельный режим. Мы же этот режим до конца не выдержали: в последний период жизни А.С. Щербакова мы разрешили ему излишние движения, которые пагубно отразились на здоровье больного. Особенно на этом настаивал ЛАНГ, который как-то даже заявил больному А.С. Щербакову: «Если бы Вы были у меня в клинике, я бы Вас уже выписал». Это создало у больного А.С. Щербакова ложное впечатление о том, что он может разрешить себе большую нагрузку, чем позволяло состояние его здоровья. Если к этому прибавить еще тот факт, что больной А.С. Щербаков 8 и 9 мая 1945 года совершил две длительные поездки на автомашине, и дежурившие при нем врачи РЫЖИКОВ и КАДЖАРДУЗОВ не воспрепятствовали этому, то станет очевидным, что по вине нас – врачей, жизнь А.С. Щербакова была сокращена.

ВОПРОС: Еще чьи жизни были сокращены при вашем участии?

ОТВЕТ: Других фактов не было.

ВОПРОС: Были, и мы допросим вас об этом, а сейчас подведем итог тому, что вы уже признали. Вместе со своими сообщниками вы умертвили товарища Жданова А.А. и товарища Щербакова А.С., неужели вы не понимаете, что вы изобличены, что вам так или иначе придется сказать, чьи задания вы выполняли, кто ваши хозяева, где корни тех преступлений, которые вы совершили?

ОТВЕТ: Хозяев у меня не было. Умышленно ни А.А. Жданова, ни А.С. Щербакова я не убивал. На это не влияло даже то, что у меня, как я показывал, были антисоветские настроения и связи с враждебными советской власти лицами.

ВОПРОС: С кем?

ОТВЕТ: В период учебы в Московском университете я примыкал к эсерам, принимал участие в их собраниях и разделял их политическую программу. Связи с эсерами, однокурсниками по университету ДОЛБНЕЙ (умер в 1947 году) и ТАРАСЕНКОВЫМ (умер) сделали меня убежденным сторонником буржуазно-демократического строя. Не прошло для меня бесследно и мое долготелее участие в так называемом Пироговском обществе врачей⁹, где я всецело поддерживал реакционную линию, проводившуюся кадетско-эсеровским большинством этой организации. В общем, связь с эсерами и участие в Пироговском обществе врачей подготовили меня таким образом, что Октябрьскую революцию я встретил враждебно. В первый период установления советской власти я был против конфискации помещичьих земель, считая, что их надо было сохранить, как «очаг культурного земледелия». Позже я враждебно отнесся к политике индустриализации страны, полагая, что такая аграрная страна, как Россия, не может выдержать столь быстрых темпов. В силу своих эсеровских взглядов я был против ликвидации кулачества и коллективизации сельского хозяйства.

ВОПРОС: Кто разделял ваши вражеские взгляды?

ОТВЕТ: В те годы моими единомышленниками являлись эсеры ДОЛБНЯ, в последний период своей жизни профессор-психиатр, и ВИХЕРТ¹⁰, который одно время был моим научным руководителем, умер в 1928 году. Кроме того, я поддерживал связь с ПЛЕТНЕВЫМ, осужденным за террористическую деятельность, и разделял его вражеские убеждения о «несовершенстве советского строя». Связь с ПЛЕТНЕВЫМ у меня прекратилась приблизительно в 1925 году, мы разошлись с ним, так как я не смог перенести его оскорбительное отношение ко мне, как к специалисту. Последние годы я имел связь с ЭТИНГЕРОМ и ныне умершим ПЕВЗНЕРОМ – бывшим директором клиники Института питания, часто вел с ними антисоветские беседы, разделяя их вражеские убеждения.

ВОПРОС: Какие именно?

ОТВЕТ: С ПЕВЗНЕРОМ мы сходились на том, что в СССР право на бесплатное лечение фактически не осуществляется, павловское учение искусственно переносится в такие области медицины, к которым оно якобы не имеет отношения, что в СССР нельзя, мол, издать достаточное количество научных произведений из-за слабости полиграфической базы, что наука в СССР процветает только на словах, на деле же она на каждом шагу встречает всевозможные препятствия. С ЭТИНГЕРОМ меня сближало общее недовольство внешней политикой Советского Союза. Как ЭТИНГЕР, так и я считали, что советское правительство занимает по отношению в США и Англии неправильную политику: вместо сближения с ними и налаживания торговли создает конфликты, мешающие развитию научных и иных связей. Я и ЭТИНГЕР стояли на той точке зрения, что наука, в частности, медицина, на Западе развита более высоко, нежели в СССР.

Должен сказать, что эти вражеские настроения возникли у меня в известной мере под влиянием ЭТИНГЕРА, который, как это было известно среди ученых Москвы, являлся ярким приверженцем США.

ВОПРОС: И вместе с этим ЭТИНГЕРОМ вы сократили жизнь товарища Щербакова А.С., а затем также сообща заматали следы умерщвления товарища Жданова А.А. Как видите, злой умысел в ваших действиях сам выплывает наружу, хотя вы и пытаетесь его тщательно скрыть.

ОТВЕТ: Я не отрицаю, что мои антисоветские убеждения, связь с ЭТИНГЕРОМ и другими враждебными советской власти лицами, которых я уже назвал, сказывались на моем отношении к лечению руководителей партии и советского правительства. Я не проявлял заботы об их здоровье и меня этот вопрос не волновал. Я жил своим миром и своими интересами: коллекционировал ценные картины, скупал бриллианты, имел страсть к деньгам.

ВОПРОС: Особенно к долларам и фунтам стерлингов?

ОТВЕТ: Такой страсти у меня не было.

ВОПРОС: Но были связи с теми, кто мог платить ими?

ОТВЕТ: Я никому не продавался. Верно, я несколько раз выезжал за границу – в Германию, Австрию и Францию. Встречался там с рядом ученых: в Германии работал в клиниках БЕРГМАНА, ШОТМЮЛЛЕРА, ВАНДЕРРЕЙСТА; в Австрии знакомился с лабораториями НООРДЕНА, ЭПИНГЕРА и ЯГИЧА; во Франции я посещал клиники КАРНО, ЛЯБЕ, ЛОБРИ и РАТРИ. Все эти лица были известны в ученном мире как видные специалисты. Мои отношения о ними не выходили за рамки общения, обусловленного взаимными интересами к науке. Связей преступного характера у меня ни с кем из иностранцев не было.

ЗАЯВЛЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ

Мы имеем поручение руководства передать вам, что за совершенные вами преступления вас уже можно повесить, но вы можете сохранить жизнь и получить возможность работать, если правдиво расскажете, куда идут корни ваших преступлений, на кого вы ориентировались, кто ваши хозяева и сообщники. Нам также поручено передать вам, что, если вы пожелаете раскаться до конца, вы можете изложить свои показания в письме на имя вождя, который обещает сохранить вам жизнь в случае откровенного признания вами всех ваших преступлений и полного разоблачения своих сообщников. Всеми миру известно, что наш вождь всегда выполняет свои обещания.

ВОПРОС: Что же вы молчите?

ОТВЕТ: Я нахожусь в трагическом положении, мне нечего сказать. Иностранцам я не служил, меня никто не направлял и сам я никого в преступления не втягивал.

Вводится арестованный МАЙОРОВ Г.И.

ВОПРОС МАЙОРОВУ: Кто направлял вас, вместе с кем вы совершали злодеяния, о которых показали на следствии?

ОТВЕТ: Меня в преступления втянул профессор ВИНОГРАДОВ.

ВОПРОС ЕМУ ЖЕ: А кому служил ВИНОГРАДОВ?

ОТВЕТ: Безусловно, американцам.

Арестованный МАЙОРОВ Г.И. уводится.

ВОПРОС: Как видите, ваши же сообщники изобличают вас как преступника, находившегося на службе у иностранных государств?

ОТВЕТ: МАЙОРОВ прав только в одном: я действительно втянул его в преступление, когда стал скрывать всевозможными путями свою ошибку в лечении больного А.А. Жданова. Но МАЙОРОВ клеветает на меня, заявляя, что я работал на американцев. Он, скорее, мог назвать меня немецким шпионом, так как я симпатизировал немцам, в науке был приверженцем немецкой школы, ездил в Германию, где ученые, с которыми мне приходилось встречаться, хорошо меня принимали.

ВОПРОС: Следствие не ограничивает вас, оно требует лишь, чтобы вы говорили правду – кому служили и во имя чего?

ОТВЕТ: Шпионом я не был.

ВОПРОС: Предоставляем вам возможность подумать – выход у вас один: правдивые показания о корнях ваших преступлений, сообщниках и хозяевах.

Допрос окончен в 23 час. 30 мин.

Протокол записан с моих слов верно, мной прочитан.

ВИНОГРАДОВ

ДОПРОСИЛИ:

Зам. начальника следчасти по особо важным делам

МГБ СССР, полковник госбезопасности **СОКОЛОВ**

Старший следователь следчасти по особо важным делам

МГБ СССР, майор госбезопасности **МЕРКУЛОВ**

Копия верна:

Оперуполномоченный следчасти по особо важным делам

МГБ СССР, майор госбезопасности **СТРАХОЛЮБОВ**

ЦА ФСБ РФ. Архивная коллекция. Копия.

* Здесь и далее слова, набранные курсивом, вписаны рукой следователя.

1 Виноградов В.Н. (1882 – 1964) – терапевт, академик АМН СССР (1944).

2 Егоров П.И. (1899 – 1967) – терапевт, в 1947 – 1952 гг. начальник Лечсанупра Кремля.

3 Майоров Г.И. (1897 – ?) – терапевт, в 1929 – 1952 гг. работал в Лечсанупре Кремля.

4 Василенко В.Х. (1897 – 1987) – профессор-консультант Лечсанупра Кремля.

5 Тимашук Л.Ф. (1898 – 1983) – врач-терапевт, работала заведующей кабинетом электрокардиографии Центральной клинической больницы Лечсанупра Кремля.

6 Зеленин В.Ф. (1881 – 1968) – терапевт, академик АМН СССР (1944), профессор-консультант Лечсанупра Кремля.

7 Незлин С.Е. (1894 – 1975) – терапевт, профессор-консультант Лечсанупра Кремля.

8 Ланг Г.Ф. (1875 – 1948) – терапевт, академик АМН СССР (1945), профессор-консультант Лечсанупра Кремля.

9 Пироговское общество («Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова») – профессионально-общественное объединение российских врачей всех специальностей, самоуправлявшееся посредством «Пироговских съездов». После революции 1905 года «пироговцы» в большинстве своем примкнули к кадетам. Распущено большевиками в 1922 г., но фактически продолжало существовать вплоть до 1929 г.

10 Вихерт М.И. (1884 – 1928) – терапевт, один из основоположников отечественной нефрологии.

ΥΠΝΟΑΙΤΑΕΑΙ ΕΑ ΟΕ ΕΙ ΝΝ «Ι ΑΔΑΕΟΑΕΥΝΟΑ
Α ΕΑ ΧΑΙΤΙ ΑΑΕΑ»

4 ααααα 1952 α

Çαηέοαα ηηαυαέα Ι ΑΑ ΝΝΝΔ ι αδαεοαευνοαα α εα-ααι ιι ααα Ι δαρεαεα Οατ οδαευν ια
Εηι εοαοα Εηι ι οίεηοε-αηεε ιαδωεε Νηαοηεηα Νηρα αηοαηαεεααο, +οι α Εα-ηαι οη δα αεεοαευν ια
ααηι γ ιδωηααεα ααηια ιδωηοηεεηα α εηοηδω ηηαεεε αηαεεα ια-αευνεε Εα-ηαι οη δα Ααηεηαλ ε
Ααηοηα αδα-ε Αεηηααηα Οαηοηα Ααηεαηεη, Ιαεηοηα ααηεηεεα ιαεηηαεηηοη Εηαιη, Εαηηαε,
Υοεηαα, Αηαηεε ααηεα

Άρεσι αηοαευν ηι ε ααι ηι ε ε ιδεηηαεηηε αδαηοηααηι οη αηηαεαηι, +οι αδαεαηεαγ
αδωηια αηεα ηαγχαηα ηηαηεεηεεη ε αη αδεεαηηεεη ηηηευνοααη ε, ααηηοαηαεα ηη οεαρεα αη αδεεαηηεε ε
αηεεεηεε δαρεααεε ε ηοααεα ηηαε οαεηη ηηηαηηοαεαηεα οαδδηδεηηοε-αηεε οαεηα ιδωεα
δωεηαηεοαεα Εηι ι οίεηοε-αηεε ιαδωεε ε Νηαοηεηα ιδωεοαευνοαα

Ο-αηοηεεε αδωηι ηηα ογαεαηωη ηεεε ιδεηηαεεηη, +οι ηηε αδαεοαευνεε ηοααεεε
ιαη δααεευν ηα αεαηηαηι αηεαηηαε, Ιαηηα-αεε ε ηηηαηηοαεηεε Ιαη δααεευν ηα ι αοηαη εα-αηεγ ε οαη ηηι ηηι
ααεε αηευν ηο ε ηη αδωε. Ι δαηοηηεεε ιδεηηαεεηη, +οι εη ααηηηη οαεεη ιοδαι οη αδωεοη Α.Α. Εααηηαη
ε Α.Ν. Υααηαεηαα

Αηεε εε αηηηαεηηηο ηηηααηι αηηη δαρεαεα-εοη ε Ιααρεαεοη αδαεαηεω ηηηηο
ηδωηηααεω η Εα-ηαι οη δα? Αα, ε γοηηο αηεε αηηηαεηηηο. Αηα α 1948 αηαο Ι εηεηηοαηηοαη
αηηααηηοαηηε ααηηαηηηηο δαηηεααηε ηεαηεαη ε, εηοηδω ηη αηεε ι-αεαηηηωη ηηαδεεε ι
Ιαεααηηεο-εε α Εα-ηαι οη δα Αδα-ο. Οεη αεοε Ιαδωεεαηη α Ι ΑΑ ηηαηεαη εαη, α εηοηδω ια ηηηαηεε
γεαεοδηεαδωεηαηη ι η οααηεαεα, +οι αεαηηαη αηεαηε ο. Εααηηαη Α.Α. ηηηοααεαη Ιαη δααεευν ι ε Ια
ηηοααηηοααηο ααι ηι ε ηηηαηηαηεγ, α Ιαηηα-αηηηα αηευν ηη ο εα-αηεα οεη αη αδαα αηευν ηη ο Αηεε αη
Ι ΑΑ ΝΝΝΔ αηαηηααηηο ιη δαηηεαηηαεη οαεηα εηεηη-εοαευν ι ααεηηα ηαγαεαη εα ηη Ιαααηηεα ηη ηαη αη
ηδωηοαδωεοη ηεηαεηεηα οη αδωηαεαηεα ο. Εααηηαη Α.Α., δαρεαεα-εοη ε εεεαεεδωηαοη
οαδδηδεηηοε-αηεω ηηηηο αδα-αε. Υοηαη Ια ηδρεηαοεη ηηοηη ο +οι δααηοηεε Ι ΑΑ ΝΝΝΔ ηηαηεεε ε
ααεο ιδωηοηη, Ιααηηαα ηαγαεαηεα ο. Οεηαεοε α δωεε Ααηοηαα, ηεαηηοααηηη ο-αηοηεεη
οαδδηδεηηοε-αηεε αδωηι ηη.

Ααεα, α 1950 αηαο, αηαεεε ηεηεηηο αηηααηηαηηηο Αααεη Ια, εη αγ ηδωη ηα ααι ηηα ι
αδαεοαευνοαα α εα-ααι ιι ααα ηηεο-αηηα Ι ΑΑ α δαρεηηοαοα ηεαηηοαεγ ηη ααεο αδαηοηααηηα αδα-α
Εα-ηαι οη δα Υοεηαα, ηεηηε εο ηο ΟΕ ΕΙ ΝΝ ε ηααη οε ηεαηηοαεα ηη γοηη ο ααεο

Αηαεεε ια-αευνεε Αεαηηαη οη δααεαηεγ ιοδαι η Αεαηεεα, εηοηδω αηεααη αηε ηη ηηδω-αηεη
Ι ΑΑ ηηηαηηοαεγ οη εηοδωεη ηα δααηοηε Εα-ηαι οη δα, Ια ηη-αα ηηηηηε ηηηηη ηη ηηα δαρεαεα-αηηηε ε
δωεηαηεοαεγ ηε Εα-ηαι οη δα ε ηοαε ηεαη ηηι ιδωηεαη α δωεαο αδαεαηεηε αδωηι ηη.

Ι εηεηηο αδααηηοδαι αηεγ ΝΝΝΔ ο. Νη εδωηαα αη αηοη ηηηαηηοαεαηεγ εηηοδωεη ε δωεηαηηηοαα
Εα-ηαι οη δωη, αηηαηηεη α ηεηηοαη ο Ι εηεηηοαηηοαα αδααηηοδαι αηεγ, οαεαα Ια ηη-αα ηηηηηε ηηηηη ηη ηηα
δαρεαεα-αηηηε δωεηαηηηοαη ηε Εα-ηαι οη δα ε, Ιαηη ηοδω Ια Ιαεε-εα ηεαηεηα Ιααεαηηεο-εε α Εα-ηαι οη δα
Ια ηδωηαεε ααεοαευν ηηοε ε ηδεηοεηεαευν ηηοε.

Ιηηεα ηη αηη δωεηαηηηοαα Ι ΑΑ ΝΝΝΔ α εηεα 1951 αηαα ΟΕ ΕΙ ΝΝ η-αε Ιαηαδωεη ηη
ηαηηηεοη ηηαηη ο δωεηαηηηοαα Ι ΑΑ ι ηδωηοηεαηεγ οαεεο εαηηηοηηο αδα-αε, εαε Ιεαοηαα ε Εααηε,
εηοηδω ηη ηααηεη εηηηοδαι ηηε δαρεααεε ηοδωαεε Α.Α. Εεαηηεαα ε Α.Μ. Αηηεηαη, ε οεαρεα ιδε γοηη,
+οι ηηαε αδα-αε Ιαηηηαηηη ηηηαηηοααο ηαεηηεδωηααηηαγ αδωηια εεο, ηοδαι γηεηηη ηδε εα-αηεε
ηεδαοεοη αεεγ ηη δωεηαηεοαεα ιαδωεε ε ιδωεοαευνοαα. Οηαα αα ΟΕ ΕΙ ΝΝ οδωαηεε ηο Ι ΑΑ ηη αηεε
ηηεεοε-αηεε ηηηοηοηε ηηαηεοε ε ηαα-α αηηαεαηεγ ε δαρεαεα-αηεγ αδαεαηεε αδωηι ηη αδα-αε ε αηεηηοη
αα εηοηε. Ιαηαεη ηηαηα δωεηαηηηοαα Ι ΑΑ ΝΝΝΔ Ιααηηεαοαηηεοαευν ι αηηηεηγεη γοε οεααηεγ, ηδωηαεη
Ιαεεοαευν ηηοη ηεηοη ηδωηεαηεαεη ηεαηηοαεα ηη γοηη ο ααεηηη ο ααεο, α δαρεηηοαοα +αη ηεααεηηη
οη οαηηηη ι ηηαη αδαη αηε α ααεα δαηεδωη οεγ οαδδηδεηηοε-αηεε αδωηι ηη α Εα-ηαι οη δα

ΟΕ ΕΙ ΝΝ ηηηοαηηαεγ ο:

1. Ιαγχαοη Ι ΑΑ ΝΝΝΔ:

α) αη εηηοα αηεηηοη οαδδηδεηηοε-αηεω ηαγ οαευν ηηοη αδωηι ηη αδα-αε, Ιδωηηααεα ε
Εα-ηαι οη δα, ε αηηαγχαηαη αδεεαηη-αηεεεηεε δαρεααεεηε;

α) α οηα ηεαηηοαεγ αηηαεοη εαεεη ιοδαι ε εαεεη ε ηηηηοααη ε ηεαηηοαο Ιαδαεεαηηοαο ε
εηη δααεοη αδαεοαευνεεα ααεηηοαεγ α ηηηοαηηαεα εα-ααι ηα ααα α Εα-ηαι οη δα ε α εα-αηεε αηευν ηη.

2. Çα Ιααηηεαοαηηεοαευν Ια δωεηαηηηοαα ηε ηηεεοε-αηεω ααηηα-ηηηοη ηηγ οη ο. Νη εδωηαα
Α.Ε. ηηηηοα ι εηεηηοα αδααηηοδαι αηεγ ΝΝΝΔ Ααεη ι ο. Νη εδωηαα ηαααοηηα δαηηη ηοδαι εα Εηι εοαοα
Ιαδωεεηηα Εηηοδωεη ηδε ΟΕ ΕΙ ΝΝ.

3. Ι ηδω-εοη Αηοη Ι δαρεαεοα ι ΟΕ ΕΙ ΝΝ:

α) ηηαηαδωοηε Ιαηηα-εοη ηε εηεηηοα αδααηηοδαι αηεγ ΝΝΝΔ;

α) αηδααηηοαοη ηη αηη δααεαηεη ηηεηαεαηεγ ααε α Εα-ηαι οη δα Εδαι εγ.

был рядом с «Заложником вечности» («Случаем Мандельштама»), образуя как бы некий диптих, озаглавленный разбитой надвое строкой Пастернака: «Ты вечности заложник у времени в плену».

Но все эти мои замыслы остались нереализованными: началась «перестройка», развалился Советский Союз, почил в бозе советская цензура. Писание «в стол» стало делом вполне бессмысленным.

Я мог бы, конечно, продолжать писать эти свои «случаи» уже не в стол, а лелея надежду опубликовать их. Но открывшиеся новые возможности повлекли меня совсем в другую сторону, и, по правде говоря, я был уверен, что ни один из этих задуманных мною «случаев» так никогда уже и не будет реализован.

Но в последние годы я затеял писать мемуары (если не сейчас, то когда же?) и, вспоминая о разных замечательных людях, с которыми меня сводила судьба, не мог обойти Эренбурга.

Воспоминаниям об Эренбурге я решил посвятить целую главу – мне было что о нем вспомнить. Глава эта все разрасталась, вбирая в себя не только истории моих – не таких уж многочисленных – встреч с Ильей Григорьевичем, но и разные мои размышления о нем, и многое другое, что меня с ним связывало. И вот в один прекрасный день я увидел, что это уже не глава, а – книга. Тот самый «Случай Эренбурга», который я когда-то собирался написать, да так и не написал, и был уверен, что никогда уже не напишу.

***

Однажды я написал, что в самой ранней моей юности, еще даже до того как я сделал самые первые, робкие свои шаги в литературе, вокруг меня была пустыня. И в этой пустыне – один, как одинокий зуб в выбитой челюсти, – торчал Эренбург. И именно он научил меня всему, что я знаю. Даже судить Эренбурга, разоблачать Эренбурга, презирать Эренбурга (а по юношескому моему максимализму бывало и такое) тоже научил меня он, Эренбург.

Мысль странноватая. Ведь в пору моей юности еще были живы Зощенко, Платонов, Пастернак, Ахматова... Почему же я выбрал себе именно этот, далеко не самый надежный ориентир?

Ответить можно было бы просто: кто его знает, почему? Так случилось.

Ответ этот был бы правдив. Но – неполон.

***

Однажды (если память не изменяет, в конце 60-х) мы с женой оказались в Коктебеле вместе с Вениамином Александровичем Кавериним. Познакомились, общались, разговаривали. Вениамин Александрович в общении с нами был так прост, естественен и откровенен, что жена моя в одном таком разговоре лягнула, что всех современных писателей делит на две категории. Одних считает русскими, а других – советскими.

От этой легкомысленной реплики молодой и, в сущности, совсем ему незнакомой женщины Вениамин Александрович легко мог отмахнуться, просто пропустить ее мимо ушей. Но он отнесся к ней неожиданно серьезно. Помедлив, сказал:

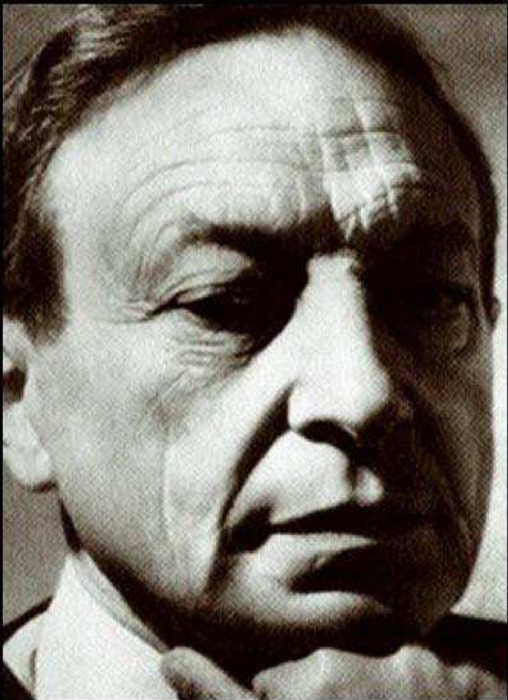
– Это очень жестоко. Но это правда.

Понял, стало быть, что, приняв такое деление, и сам попадает в разряд «советских». До «русских» не дотягивает.

Эта бестактная реплика моей жены в общем довольно точно отражала и мое представление о том, «кто есть кто» в русской литературе XX века.

Называться русскими писателями (то есть продолжателями той литературы, которая завершилась именами Чехова, Горького, Бунина) могли – Зощенко, Платонов, Бабель, Булгаков. А Фадеев, Федин, Катаев и многие другие, в том числе искренне – с детства – мною любимые (например, Макаренко да и тот же Каверин) были – советские.

Эту субординацию я старался строго соблюдать в тогдашних своих писаниях, упрямо на ней настаивал.

Примерно в то же время (в 1968 году) вышла небольшая моя книжечка о Маршаке. Это был не совсем мой выбор. Вернее, из того, что мне было предложено издательством, Маршак был мне ближе других. Но будь моя воля, я тогда охотнее написал бы (в ту же серию) книжку о Заболоцком. Однако и о Маршаке писал искренне и не без удовольствия. Но в конце счел нужным как-то обозначить его место в тогдашней моей шкале ценностей. Повод для этого представился: то была реплика Льва Кассиля на похоронах Самуила Яковлевича.

– Впервые, – сказал он, – после смерти Алексея Николаевича Толстого наша литература понесла столь тяжкую утрату.

По официальной тогдашней табели о рангах, наверно, так оно и было. Но, как уже было сказано, у меня была своя табель о рангах, и я попытался более или менее внятно ее

продемонстрировать. Прочитав патетическую реплику Льва Абрамовича, я написал:

«Ему даже в голову не пришло, что после смерти Алексея Николаевича Толстого наша литература потеряла Платонова и Заболоцкого, Зощенко и Пастернака».

Прочитав этот весьма нахальный по тем временам пассаж, мой редактор, ревностно исполнявший свои редакторские (в сущности, цензорские) обязанности, но изображавший при этом человека одних со мною взглядов, лишь транслирующего мне волю высокого начальства, сказал:

– Ты же не маленький, понимаешь, что это ни при каких обстоятельствах у тебя не пройдет.

И предложил – для баланса – вставить в этот мой список Фадеева, благо его смерть тоже вписывалась в те же хронологические рамки.

Я категорически отказался.

– Но почему? – искренне недоумевал он. – Хороший ведь писатель!

Я соглашался: да, хороший. Но видишь ли, в чем дело: это моя книга. Вот когда ты напишешь свою книгу, на обложке которой будет стоять твое имя, ты составишь свой список самых крупных наших писателей. И вписывай туда, в этот свой список, хоть Фадеева, хоть Павленко, хоть Вирту. А я не хочу. Не хочу – и все! В более подробные объяснения (насчет того, кто русский, а кто советский) я не вдавался.

Словесные эти перепалки продолжались довольно долго. В процессе прохождения книги по инстанциям редактор, делая вид, что искренне желает мне добра, постоянно возвращался к этому сюжету: «Говорю тебе, вставь Фадеева!». Но я не сдавался.

Наконец пришла вторая верстка (так называемая сверка). Книга вот-вот уже должна быть подписана в печать. И тут – телефонный звонок моего редактора.

– Поздравляю. Ты допрыгался. Цензор категорически отказывается подписывать твою книгу. И все из-за этого твоего дурацкого списка. Говорил я тебе, что такая четверка ни за что не пройдет.

– Хорошо, – сказал я. – Оставь только двоих. Все равно кого – хочешь Зощенко с Платоновым – хочешь Заболоцкого с Пастернаком. Или Пастернака с Платоновым. Я согласен на любой вариант.

– Ишь ты, какой умный! Нет, брат, так дело не пойдет. Давай двух этих и двух других.

– Каких других? – валял я ваныку.

– Говорил я тебе: вставь Фадеева!

В общем, после долгих пререканий мне все-таки пришлось уступить. Был составлен новый список – другая «четверка», в которой рядом с Пастернаком и Зощенко (их мне удалось отстоять) появились два новых имени: Пришвин и Асеев. И хоть от Фадеева, на котором он продолжал упорно настаивать, я отбил, на душе у меня было гадостно.

Пришлось все-таки покривить душой. Не с Пришвиным, нет. Пришвин, к которому я был довольно холоден, что ни говори, был русский писатель. А вот Асеев, многие стихи которого я по старой памяти любил, – уж точно советский. И это, конечно, нарушало цельность нарисованной мною картины.

Конечно, это мое деление писателей-современников на «русских» и «советских» было в достаточной степени условным.

Позже, лет десять спустя, в одной своей статье я попытался более точно определить, где пролегла граница между «теми» и «этими». Статья называлась «Величие и падение “мовизма”». Написана она была в 1978 году – сразу после появления романа Катаева «Алмазный мой венец». (Напечатать ее мне удалось только лет пятнадцать, а то и двадцать спустя – уже в новое, постсоветское время.)

Венчало эту мою статью довольно пространное рассуждение о том, почему Катаев, как ни старался, все-таки не смог убедить нас в том, что он тоже принадлежит к той плеяде «гениев», о которых рассказывает его роман, что он с ними – «одной крови»:

«Он добился своего. Было все: и деньги, и доверие начальства, и собрание сочинений – хоть и не двенадцать, а всего только десять томов и без золотых обрезов, но солидных, увесистых и с золотым тиснением на переплетах. И было это в те времена, когда почти каждому из тех, о ком он рассказывает в своей книге, выпала другая, более высокая честь:

*... áúòü òááäèì úì íàèçíñòü
è ñí èññáàòüññ òáéíí è óéðááéíé,
íðè æèçíé áúòü íá éíéñé,
à òáòðááéíé..*

Í áéñíì èèèáí Áíéíòéí

Вспомним, как сложилась судьба каждого из тех, чьи изваяния Катаев поместил в своем воображаемом пантеоне бессмертных.

Сергей Есенин. Повесился в возрасте тридцати лет, не сумев принять то, что случилось в его стране («В своей стране я словно иностранец...»).

Владимир Маяковский. Застрелился в возрасте тридцати шести лет, потеряв веру в то дело, которому отдал «всю свою звонкую силу поэта».

Исаак Бабель. Расстрелян в возрасте сорока пяти лет. Роман о коллективизации, над которым он работал последние годы жизни, был изъят при аресте и пропал.

Велимир Хлебников. Умер в возрасте тридцати семи лет в сельской больнице в сорока верстах от железной дороги. «...Шел пешком, спал на земле и лишился ног. Не ходят» (из последнего, предсмертного письма). Стихи его не издавались полвека.

Борис Пастернак. На протяжении многих лет был отлучен от официальной советской литературы. Умер вскоре после того, как был подвергнут всенародной травле за присуждение ему Нобелевской премии. Роман «Доктор Живаго», который он считал главным делом своей жизни, на родине писателя был опубликован через тридцать лет после его смерти.

Михаил Булгаков. Умер в возрасте сорока девяти лет. Главные книги, написанные им, были опубликованы через тридцать лет после его смерти.

Михаил Зощенко. Был подвергнут остракизму, исключен из Союза писателей, лишен куска хлеба. Умер задолго до отмены известного постановления ЦК, обрекшего его на насильственное отлучение от главного дела его жизни.

Юрий Олеся. Блистательно заявив о себе своей первой книгой, не написал больше почти ничего существенного. Делал отчаянные попытки вписаться в официальную советскую литературу. Ни одна из этих попыток не удалась. Оставшиеся после него разрозненные полудневниковые записи («Ни дня без строчки») были опубликованы после его смерти.

Осип Мандельштам. Погиб в лагере в возрасте сорока семи лет. В советское время был отлучен от официальной литературы. Чудом сохранившиеся стихи (далеко не все) были опубликованы на родине поэта через тридцать лет после его гибели.

Владимир Нарбут. Погиб в лагере в возрасте пятидесяти двух лет. После ареста и тринадцати месяцев тюрьмы, оказавшись на Колыме, в Магадане, писал жене в чудом дошедшем письме: «... может, и нужно было это потрясение, чтобы вернуть меня к стихам». Последняя книга, опубликованная при жизни поэта, вышла в свет в 1922 году. Следующая – в 1990-м. Львиная доля вошедших в нее стихов никогда прежде не публиковалась...

Приведя этот мартиролог и вспомнив слова Ходасевича о русской литературе, которая стоит на крови и пророчестве, я так закончил эту свою статью:

«Немало хвалебных и даже восторженных слов можно сказать о прозе Валентина Катаева – о ее словесном изяществе, яркой метафоричности, несравненной пластической выразительности. Одного только о ней не скажешь: что она стоит на крови и пророчестве.

Пророческий дух русской литературы Катаева не коснулся. И только поэтому (а вовсе не потому, что он в благополучии дожил до глубокой старости) в том воображаемом “пантеоне бессмертных”, куда он справедливо поместил всех героев своей книги, для него самого вряд ли могло найтись место».

Эренбург тоже в благополучии дожил до весьма почтенного возраста. И тоже был удостоен официального признания, щедро одарен депутатскими значками, лауреатскими медалями и многотомными собраниями сочинений, полагавшимися ему по официальной советской табели о рангах. Да и не только поэтому в том катаевском «пантеоне бессмертных» – бок о бок с Пастернаком, Мандельштамом, Зощенко, Булгаковым и Бабелем – ему, как и самому Катаеву, тоже не нашлось бы места.

Все это я прекрасно понимал. И не раз даже довольно определенно в этом смысле высказывался.

***

Помню, например, один такой разговор с моим другом Аркадием Белинковым. Это было, когда он уже завершал работу над своей книгой «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша». Книга была еще не закончена, или закончена только вчерне. Но он уже пустил рукопись по кругу – не слишком широкому – друзей-приятелей. Прочел ее тогда и я.

По мысли Аркадия эта его книга должна была стать одной из трех частей задуманной им трилогии.

Героем первого тома по этому его замыслу должен был стать писатель честный, но не входящий в конфронтацию с режимом, лояльный. Таким в его представлении был Тынянов. Героем второй – писатель сдавшийся, пошедший на службу, старающийся услужить, вписаться в законопослушную советскую литературу. Эта роль предназначалась Олеше. Героем третьего тома (так им, увы, и не написанного) должен был стать писатель, сумевший остаться самим собой, выстоять в жестком противостоянии с тоталитарным режимом. (На эту роль Аркадий прочил то Ахматову, то как раз в то время упавшего на нас, как «огонь с неба», Солженицына.)

Прочитав рукописный вариант уже написанного им вчерне второго тома («Сдача и гибель советского интеллигента»), я сказал Аркадию, что Олеша на эту предназначенную

ему роль совершенно не годится. Он, может быть, и хотел вписаться в официальную советскую литературу, но – не смог. Ничего у него из этого не вышло.

– А вот кто просто идеально подошел бы для этого вашего замысла, – говорил я Аркадию, – так это Эренбург. Вот это было бы – точное попадание. Что называется – в яблочко. Эренбург ведь не просто «вписался» в советский официоз, а в самом буквальном смысле этого слова «пошел в услужение» советской власти. И немало в этом преуспел: не зря фигура его стала одной из главных кариатид, украшавших фасад сталинской «империи зла».

Сегодня я вынужден признать, что Аркадий был прав, не вняв этим моим тогдашним советам. Ведь даже если бы он послушался меня и вместо Олешу выбрал на роль героя второго тома задуманной им трилогии Эренбурга, ничего бы не изменилось. Случись ему написать, а мне прочесть эту ненаписанную им книгу «Сдача и гибель советского интеллигента. Илья Эренбург», я испытал бы те же самые чувства, которые вызвала у меня написанная им книга «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша».

Окончательно я в этом убедился, прочитав опубликованные сравнительно недавно странички из его архива.

Читая их, я словно бы услышал эхо тех, давнишних наших разговоров и споров:

«Меня просят простить Эйзенштейна за гений, Алексея Дикого, сыгравшего Сталина после возвращения из тюрьмы (лагеря, заключения), за то, что у него не было другого выхода, Виктора Шкловского за его прошлые заслуги и особенности характера, Илью Эренбурга за статьи в “Красной звезде” во время войны, Алексея Толстого, написавшего “Хлеб”, пьесы об Иване Грозном и много других преступных произведений, за брызжащий соком истинно русский талант, простить Юрия Олешу за его метафоры и несчастья.

Мне советуют это друзья, люди, которых я люблю, которым нравится то, что я пишу, с которыми мы не расходимся в самых главных вопросах истории, социологии, географии, искусства, политики...

Я внимательно прислушиваюсь к мнению своих друзей и готов послушаться доброго совета.

Простим гениального Эйзенштейна, прекрасных актеров и писателей – Виктора Шкловского, Илью Эренбурга, Алексея Толстого и Юрия Олешу. Простим всех и не забудем самих себя. Простим и станем от этого еще возвышеннее и чище.

Только зачем все это? Ну, простим. Ну, станем возвышеннее и чище. Но будет ли это научно? Я ведь писал о том, что они негодяи и предатели, не потому, что вот лично у меня Алексей Толстой отобрал рубль. Наоборот, когда меня арестовали, он даже пытался помочь мне, чего старательно избегали другие, объясняя многое сложностью международного положения. Я пишу о том, что они негодяи, именно потому, что это научно, а для науки мы готовы на все. И вот для науки я заявляю, что дело не в прощении, о котором меня все просят, в том числе и беззащитные женщины, немощные старики и малые дети, а в том, что без науки нельзя объяснить причины падения и гибели русской интеллигенции».

(Аркадий Белинков. Из архива. Страницы 60-х годов, не вошедшие в книгу, или Ответ критикам годов девяностых. «Знамя», № 2, 2000.)

Да, если бы Аркадий внял моему совету и заменил Олешу Эренбургом, я все равно был бы им недоволен. Потому что, давая этот совет, я призывал его не простить Эренбурга (хотя было за что, не только за статьи в «Красной звезде»), а попытаться понять его. А для понимания (то есть «для науки») слово «негодяи» мало что объясняет.

Давая Аркадию этот свой совет, я исходил из того, что, приняв его, он написал бы об Эренбурге примерно то же и так же, как написал бы о нем я. Но теперь я вижу, что и тогда (а тогда я был куда более решителен и запальчив, чем сегодня), решишь я написать об Эренбурге все, что я про него думал, я все равно написал бы о нем совсем не так, как Аркадий. Иначе.

***

Но вспомнил я этот давнишний наш разговор и этот тогдашний мой совет Аркадию не для того, чтобы продолжить тот старый спор, а чтобы на конкретном примере показать, что никаких иллюзий насчет Эренбурга у меня и тогда уже не было. Однако в привычное мое, пусть условное, но все-таки достаточно определенное деление на «русских» и «советских» он не укладывался.

Что там ни говори, а «Стихи о канунах», «Молитва о России», «Хулио Хуренито», «Жизнь и гибель Николая Курбова» были написаны русским писателем. А вот «День второй», «Падение Парижа», «Буря» – уже советским.

Конечно, то же можно было бы сказать и об А.Н. Толстом. («Ибикус, «Детство Никиты», ранняя, эмигрантская редакция романа «Сестры» – книги русского писателя, а «Хождение по мукам», «Хлеб», бесконечно талантливый «Гиперболоид инженера Гарина», да, между нами говоря, даже и «Петр Первый» – советского.)

Но Алексей Николаевич – вот уж точно! – был Савлом, стал Павлом. А Эренбург как был в 20-е годы, когда это сказал о нем Шкловский, так до конца дней и остался Павлом Савловичем.

Официальная советская литература устами всех своих корифеев внушала нам: «В каком году мы с вами ни родились, родились мы в семнадцатом году».

Эренбург, если и не пел со всеми в унисон, вынужден был все-таки время от времени подтягивать, подпевать этой общей мелодии. Но при этом обиняками, намеками, обращаясь то к Чехову, то к Стендалю, он не уставал опровергать, разрушать, подтачивать эту основополагающую советскую идеологию.

Среди официально признанных советских классиков (к которым гонимые Пастернак, Зощенко, Мандельштам, Булгаков, Ахматова причислены не были) он был, пожалуй, единственным, кто не уставал напоминать нам о кровавой, пророческой миссии русского писателя.

***

Вряд ли я все это так ясно сознавал (во всяком случае, наверняка не мог бы так ясно сформулировать), когда, выбирая тему для своего студенческого диплома, обратился к Эренбургу.

Немалую роль в этом моем выборе сыграло, конечно, то, кем был для нас Эренбург во время войны. Сегодняшним читателям, во всяком случае тем, кому еще нет семидесяти, не просто трудно, а прямо-таки невозможно это себе представить.

Чтобы объяснить это, не вдаваясь в долгие лирические излияния, перескажу лишь один коротенький эпизод, о котором прочел совсем недавно в статье самого осведомленного, самого компетентного исследователя жизненного и творческого пути Эренбурга – Бориса Фрезинского.

Дело было вскоре после войны. В московском ЦДЛ (Центральном доме литераторов) выступал советский посол в Лондоне академик И.М. Майский. Вспоминая военные годы, он сказал, что в стране было тогда только два человека, сравнимых по силе своего влияния на общество – Эренбург и... С его уст уже готово было сорваться второе имя. Но тут оратор, видимо, с ужасом осознал, чем будет для него чревато произнесение в таком контексте имени Сталина, и, как выразился рассказывавший эту историю Фрезинскому украинский писатель Савва Головановский, на глазах которого все это происходило, буквально оцепенел.

Говорить об этом вслух было тогда, конечно, смертельно опасно, но Майский сказал сущую правду. А если вспомнить первые месяцы войны, придется признать, что, сравнив влияние Эренбурга на общественное сознание с влиянием Сталина, Майский не только не преувеличил, а скорее даже преуменьшил роль писателя. И дело тут было не только в том, что в первые военные дни Сталин находился в такой глубокой прострации, что

готов был даже начать переговоры с Гитлером, предложив ему (по аналогии с ленинским Брестским миром) отдать Украину и любые другие территории.

Страна вступила в войну в состоянии полной идеологической растерянности. В первые же военные дни в прах разлетелись все идеологические представления и стереотипы, внушавшиеся нам на протяжении многих лет и прочно завладевшие нашим сознанием. Сразу же стала очевидной беспочвенность владевших нами иллюзий – начиная с наивной уверенности, что немецкие пролетарии ни за что не станут стрелять в своих братьев по классу, и кончая столь же наивной убежденностью, что «на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом».

Выйдя из своей прострации, Сталин потом наспех соорудил вместо рухнувшей в одночасье идеологической схемы другую, призвав на помощь великие тени славных русских полководцев и флотоводцев, в том числе и тех, которые еще вчера третировались как верные слуги ненавистного царского режима. В ход были пущены даже антинемецкие сплетни и анекдоты времен первой мировой войны.

Но это все – позже.

А в первые трагические военные дни волею обстоятельств единственным идеологом страны, вступившей в смертельную схватку с фашизмом, стал Эренбург.

Позже эту роль Эренбурга всячески старались если не замолчать, то смазать. В официозных перечнях выдающихся советских публицистов военного времени имя Эренбурга обычно поминалось вслед за именами Шолохова, Алексея Толстого и Леонида Леонова, хотя для тех, кто еще не забыл 41-й, не было сомнений, что он в этом ряду по праву должен был стоять первым.

Сделав темой своего диплома публицистику Эренбурга, я собирался восстановить попорченную справедливость, попытавшись вернуть первому публицисту страны несправедливо отнятое у него лидерство.

О том, что он был не первым, а единственным, об уникальной его роли единственного идеолога в оставшейся без идеологии стране, я тогда даже и не догадывался. Во всяком случае, эту его роль не осознавал. Тем более, что идеология эренбурговских публицистических статей как военных, так и послевоенных лет совершенно меня не интересовала. Интересовала меня их поэтика.

Общим, расхожим мнением об Эренбурге у нас в литинституте (я имею в виду, разумеется, не преподавателей, а нашу студенческую вольницу) было такое.

Считалось несомненным, что он – весьма посредственный романист, совсем никудышный поэт (хотя – хи-хи! – сам прежде всего почитает себя именно поэтом) и совершенно гениальный публицист. При таком раскладе немудрено, что темой своего диплома я сделал именно публицистику Эренбурга.

Но тут надо сказать, что общего мнения насчет того, что Эренбург никудышный поэт, я не разделял. И дело было даже не в том, что многие его стихи («Разведка боем», например) мне нравились. Тема «Публицистика Эренбурга», помимо всего, что было тут уже сказано, особенно привлекала меня тем, что в Эренбурге-публицисте я видел и больше всего ценил Эренбурга-поэта.

В своих публицистических статьях он предстал передо мной и покорила меня именно как лирический поэт. Не только страсть, искренний выплеск чувства, высокий эмоциональный накал говорили о кровном родстве этой его публицистической прозы с лирической поэзией. Он был в этих своих статьях «лирик по строю своей души, по самой строчечной сути».

Ведь что такое лирика? Не тем же отличается лирический поэт от прозаика, что говорит «в рифму», а тем прежде всего, что говорит о себе, о своих чувствах. Он говорит не «Мы», а – «Я». Но это «Я» и означает «Мы», потому что то, что он говорит, касается всех. Выражая как будто только свои, на самом деле он выражает и наши, «всехние», общие чувства.

«Еще недавно я писал в моей комнате. Над моим столом висел пейзаж Марке: Париж, Сена. В окно золотая, розовая, виднелась Москва. Этой комнаты больше нет: ее снесла немецкая фугаска. Я пишу эти строки впопыхах: пишущая машинка на ящике.

Большая беда стряслась над миром. Я понял это в августе 1939 года, когда беспечный Париж вдруг загудел, как развороченный улей. Каждому народу, каждому честному человеку суждено в этой беде потерять уют, добро, покой. Мы многое потеряли, мы сохранили надежду.

Надевая солдатскую шинель, человек оставляет теплую, сложную жизнь. Все, что его волновало вчера, становится призрачным. Неужели он вчера гадал, какой покрывалкой обить кресло, или горевал о разбитой чашке? Россия теперь в солдатской шинели. Она трясется на грузовиках, шагает по дорогам, гроыхает на телегах, спит в блиндажах и теплушках. Здесь не о чем жалеть! Погиб ДнепрогЭС, взорваны прекрасные заводы, мосты, плотины. Вражеские бомбы зажгли древний Новгород. Они терзают изумительные дворцы Ленинграда. Они ранят нежное тело красавицы Москвы. Миллионы людей остались без крова. Ради права дышать мы отказались от самого дорогого, каждый из нас и мы все, народ».

Казалось бы, какое дело миллионам людей, оставшихся без крова, трясущихся в грузовиках и на телегах, спящих в блиндажах и теплушках, до того, какая картина висела над его, Эренбурга, письменным столом? До этого Марке, имени которого они никогда не слышали? И даже до Парижа, и до того, что понял он, Эренбург, там, в Париже, в августе 1939 года?

Казалось бы, все эти подробности тут не просто не нужны: они могут даже вызвать раздражение, оттолкнуть от автора тех, кто не только никогда не задумывался над тем, какой материей обить кресло, но и кресла-то никакого никогда не имел. Но вот – не отталкивали, а притягивали. Потому что таково свойство лирики. Искренность лирического самовыражения заражает и заставляет каждого, кто к нему прикоснулся, испытывать те чувства, которые испытывал автор.

Вот об этом я и писал в своей дипломной работе.

***

Спустя несколько недель после моей защиты в «Литературной газете» появилась большая статья (два подвала), в которой в жизнеутверждающих тонах говорилось о новой плеяде молодых писателей, только что закончивших литературный институт. Героями этого очерка были мои однокурсники – Володя Тендряков, Володя Солоухин, Юра Бондарев, Гриша Бакланов, Женя Винокуров. Два хвалебных абзаца в этой статье было уделено и мне. Вернее, моей дипломной работе. И тут я подумал: а почему бы мне не превратить эту мою работу в книгу?

Социальное мое положение тогда было в высшей степени неопределенное. В той графе моего диплома, куда полагалось вписывать наименование профессии, полученной окончившим высшее учебное заведение, значилось нечто загадочное: «Литературный работник».

В другие времена я, может быть, и с такой странной квалификацией нашел бы какую-нибудь штатную работу. (Скажем, младшего редактора или литсотрудника в каком-нибудь издательстве, журнале или, на худой конец, в многотиражке.) Но в 1951 году – с моим пятым пунктом – об этом не могло быть и речи.

Тем более, что, между нами говоря, быть штатным «литературным работником» мне не очень-то и хотелось, а попробовать написать книгу хотелось очень. Коротенькая реплика из литгазетской статьи решила дело.

Я сочинил заявку и подал ее в редакцию критики и литературоведения издательства «Советский писатель». Заявка моя была принята благосклонно, но дело тянулось. Мне не говорили ни «да», ни «нет». Забегая вперед, – чтобы уж больше к этой теме не возвращаться, – скажу, что в конце концов, после того как Эренбург получил Сталинскую премию «За укрепление мира между народами» (премия эта котировалась гораздо выше

обычных Сталинских премий, до Эренбурга ее присуждали только иностранцам), моя заявка была наконец принята: со мной даже собирались заключить договор. При одном только условии: книга должна называться «Эренбург – борец за мир». А это значило, что какое-то – и немалое – место в ней должно быть уделено не только публицистике Эренбурга, но и его романам («Падение Парижа», «Буря», чего доброго даже и «Девятый вал»).

Об эренбурговских романах мне писать не больно хотелось. А тут – умер Сталин, и все перевернулось. Тема «Эренбург – борец за мир» утратила свою актуальность. В общем, никакой книги об Эренбурге я в конце концов так и не написал. Но затянувшийся и кончившийся пшиком мой роман с издательством «Советский писатель» тем не менее сыграл в моей жизни очень важную роль.

***

Когда роман этот был в самом разгаре, я догадался выпросить у издательства официальное ходатайство в Ленинскую библиотеку, чтобы мне разрешили работать в

спецхране.

Выцыганить эту бумагу было непросто: там нужны были три подписи – директора, секретаря парткома и председателя профкома. Были и еще какие-то нудные формальности. Но добыть для меня такую бумагу благоволившим ко мне редакторам было все-таки легче, чем заключить со мной договор. К тому же – дело было чистое: добрая половина эренбурговских книг была изъята из общего пользования. Их нельзя было получить даже в том научном зале, куда не пускали и кандидатов наук: только докторов. В общем, доступ в это святилище я получил. Правила пользования залом специального хранения были суровы.

Во-первых, там не было никакого каталога. Знать заранее, что именно там у них хранится, не полагалось. Заказать книгу, находящуюся в спецхране, можно было, только получив отказ на требование выдать ее в общем или научном зале. Отказы там бывали самые разные. Иногда в бланке отказа значилось, что нужная мне книга «в переплете». Или в отделе редких книг. Или просто – на руках, то есть кто-то ее в данный момент читает. Но иногда в «отказе» стояло магическое слово – «Спецхран». Вот только в этом случае я и имел право заказать ее там, в спецхране.

Кроме этого, там не разрешалось делать никаких выписок из прочитанных книг. Вернее, не разрешалось эти выписки уносить с собой. Все необходимые тебе для работы цитаты надлежало выписывать в специальную тетрадь, прошнурованную, с перенумерованными страницами. Тетрадь эту надо было отдавать кому-то там на просмотр, и только после полученного разрешения можно было вынести ее из библиотеки.

Все эти грозные правила я нарушил чуть ли не в первый же день. Начал с того, что, воровато оглядываясь по сторонам, какие-то – самые крамольные – цитаты стал выписывать не в заветную тетрадь с перенумерованными страницами, а на отдельные листки, которые, – так же воровато оглядевшись, – тут же рассовывал по карманам пиджака: пригодился многолетний школьный и студенческий опыт обращения со шпаргалками. (Впоследствии я убедился, что так делал не я один.)

А без каталога я научился обходиться довольно просто. Читая выданные мне книги, журналы и альманахи, полученные законным образом (после отказа в общем зале со ссылкой на спецхран), я отмечал для себя мелькающие в тех книгах и журналах названия и имена, которым, по моему разумению, только в спецхране и могло быть место.

Так, помимо необходимых мне по теме изъятых из обращения книг Эренбурга («Стихи о канунах», «Хулио Хуренито», «Белый уголь или слезы Вертера», «Виза времени»),

я заказал, получил и прочел «Мы» Замятина, «Роковые яйца» Булгакова, «Красное дерево» Пильняка, «Конь бледный» и «То, чего не было» Ропшина (Савинкова) и даже какую-то книгу, в которой рассказывалось о последнем аресте Савинкова и его гибели в тюрьме. (Согласно официальной версии он бросился в пролет лестницы и разбился насмерть.)

Читал я там и книги расстрелянных, изъятых из жизни и из литературы критиков: Селивановского, Воронского, Авербаха, о котором раньше знал только, что он был «литературный гангстер» (так назвал его Асеев в своей поэме «Маяковский начинается»).

Не могу сказать, чтобы все прочитанное было мне интересно. Но, как известно, запретный плод, даже не самый съедобный, всегда сладок.

В иные, уже более поздние времена мой друг Эмка Мандель (Наум Коржавин) рассказал мне, что в его деле, некоторые выдержки из которого ему на Лубянке дали прочесть, в каком-то из полученных на него доносов особенно восхитила его такая фраза: «Интересовался реакционным прошлым нашей Родины».

Вот и я тоже жадно интересовался «реакционным прошлым нашей Родины», глотая без разбору все изъятое из обращения всеильным «Министерством Правды».

Помимо изъятых из библиотек книг Эренбурга, Замятина, Булгакова и Пильняка, читал я в спецхране то и дело мне попадавшиеся статьи Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова, Пятакова, других видных деятелей советского государства, объявленных врагами народа.

Началось с предисловия Бухарина к эренбургскому «Хулио Хуренито». Потом – в одном из журналов – мне попались знаменитые бухаринские «Злые заметки».

И тут я понял, что из журналов и альманахов, попавших в спецхран, статьи «врагов народа» не изымались. И стал – уже не прицельно, а подряд – заказывать журналы, ловя крамолу уже не на удочку, а, так сказать, широким бреднем. И с жадностью глотал все, что попадется. Несколько раз мне попались даже какие-то статейки самого Троцкого. А однажды, заказав – так, на всякий случай, не ожидая найти в ней ничего особо интересного, – брошюрку с унылым, казенным названием «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе», я обнаружил в ней прямо-таки золотые россыпи крамолы. К величайшему моему изумлению оказалось, что на этом совещании в ЦК РКП(б), посвященном политике партии в художественной литературе (1924 год), главные вожди тогдашней РКП – Троцкий и Бухарин – со всей решительностью и даже не без некоторого изящества оборонялись от навязываемой им рапповцами идеи партийного руководства литературой.

Запомнилась блестящая реплика Бухарина:

– Какое дворянское политбюро давало указания Пушкину?

Троцкий тоже оказался на десять голов выше заседавших на него рапповцев. Это, правда, меня не удивило. А удивило то, что длинная его речь была выдержана совсем не в партийно-держимордовском, а тоже, как и у Бухарина, во вполне либеральном духе.

О том, что Троцкий был блестящим оратором и талантливым публицистом, я слышал от многих. Помню, тогдашний мой дружок Илья Зверев с восторгом пересказывал мне блестящее, как ему казалось, высказывание Троцкого о Бабеле. «Бабель глядел на революцию в упор, – сказал будто бы Лев Давыдович. – Но революция была так велика, а он так мал, что увидеть ему удалось только ее половые части».

– Сказано обидно. Пожалуй, даже несправедливо, – говорил Илья. – Но, согласись, блестяще.

Я соглашался. И готов был признать талантливость этого художественного образа. Но менее всего я ожидал обнаружить в Троцком либерала. И вот – на тебе! Немудрено, что в моем интересе к «реакционному прошлому нашей родины» интерес к личности Троцкого занимал тогда самое большое, можно даже сказать, главенствующее место.

И вот однажды – то ли в журнале, то ли в альманахе, то ли в сборнике – после выдержки из какой-то статьи Троцкого я обнаружил ссылку на его книгу «Литература и революция». И подумал: если тут, в спецхране, мне разрешено читать отдельные речи и статьи этого главного врага советской власти, значит, я имею право прочесть их и все

поряд, коли уж выяснилось, что они были собраны в отдельную книгу. И без долгих раздумий я эту книгу заказал.

***

Долгих раздумий действительно не было. Но не могу сказать, что, подавая бланк с этим своим заказом, я был так-таки уж совсем спокоен. Некоторую наглость этого моего эксперимента я все-таки понимал. Имя Троцкого даже тогда, в начале 50-х, произносилось (если произносилось) шепотом. Сосед мой, старый большевик Иван Иванович, перечисляя вождей, которых доводилось ему видеть – кого вблизи («вот как тебя»), а кого издали, – называл всех. Но когда случалось ему помянуть Льва Давыдовича, он пугливо оглядывался, словно хотел убедиться, не подслушивает ли нас часом кто-нибудь.

Один из моих литинститутских преподавателей, держа в руках том Гомеровой «Илиады» с вырванным предисловием, усмехаясь сказал, что автором этой вырванной с мясом вступительной статьи был Троцкий. Но не Лев Давыдович, а другой Троцкий – Иосиф Матвеевич. Выдрали, однако, его предисловие к Гомеру не по ошибке: те, кто выдирали, прекрасно знали, что это не «настоящий Троцкий», а всего лишь его однофамилец. (И даже не однофамилец, потому что настоящая фамилия Льва Давыдовича, как известно, была не «Троцкий», а – «Бронштейн».) Тем не менее, несчастному Иосифу Моисеевичу (даже не однофамильцу!) пришлось в конце концов поменять свою фамилию: он стал Тронским.

Сам удивляюсь, как, зная все это, я отважился протянуть строгой девушке с комсомольским значком на жакете бланк с заказом книги Троцкого «Литература и революция».

И вот подаю я ей этот свой бланк и вижу, что по мере того как она вчитывается в не шибко разборчивый текст моего заказа, миловидное ее лицо становится все более отчужденным, чуть ли даже не враждебным. Внимательно на меня поглядев, она спросила:

– Какой Троцкий?

Не моргнув глазом, я ответил:

– Лев.

– Минуточку, – сказала она. И ушла с моим бланком в руках.

Ее не было долго. Минут, я думаю, семь или восемь. Но мне эти минуты показались часами. Я мысленно уже проклинал тот злосчастный миг, когда мне попалась на глаза ссылка на эту крамольную книгу. Я уже не сомневался, что вся эта история в самом лучшем случае кончится для меня позорным изгнанием из спецхрана. И даже мечтал, чтобы она кончилась только этим, чтобы не случилось чего-нибудь похуже.

Наконец девица с комсомольским значком (как я теперь уже не сомневался, – безусловная чекистка) вернулась и с каменным лицом сухо объявила мне:

– Нет, эту книгу заказать нельзя.

И тут я почувствовал, как обжигающее дыхание ГУЛАГа, только что обдавшее меня то ли холодом, то ли жаром, отступило.

***

Позже, вспоминая эту историю, я не раз задавался вопросом: что толкнуло меня на этот дурацкий поступок? Беспечность? Глупость? Беспечным глупцом я к тому времени уже давно не был. Безрассудной смелостью тоже вроде не отличался. У моего друга Эмки я всегда любил такие его строки:

В і а н о д а і е є і њ а і о і і а н є а о і і ,

В і а о і о а є а д а о і і а і а а

В і д і н о і д а н є і а і є і њ о і і

А а а а а і н о а а о е а њ і і а

В н і а о і а а і є н є о є і і н а є і і

*Èèè îðàààà àùñèèñèè.
В îðñòí çàè, ÷òí ààèàòù Áàèè.
À àùèí òðààíí - àùíñèè.*

Я тоже «сроду не был слишком смелым». Но, в отличие от Эмки, совсем не знал (по крайней мере – тогда), «что надо делать». Не было у меня и крупицы этого гордого сознания, что делаю то, что делаю, потому что так надо, потому что в этом состоит некий мой долг – перед чем или кем (литературой, которую я сделал своей профессией, или перед самим собой) – неважно.

Что же это было? Задаваясь этим вопросом, я нахожу только один ответ. В одной случайно попавшейся мне на глаза научно-популярной книге я прочел однажды о таком эксперименте, который ученые-биологи вели с крысами.

Они помещали крысу в «дом», разделенный перегородками на несколько «комнат». В одной комнате крысу ждала еда, в другой – питье, в третьей – нечто особо вкусненькое, какая-то, скажем, сладость. А в четвертой, когда крыса совала туда свой нос, ее било током. Ощущение не из приятных. И все крысы довольно быстро ориентировались в этой необычной для них обстановке: с наибольшей охотой совали свой нос в комнату с лакомством, без страха и сомнений – в «комнаты» с едой и питьем. А в «комнату», где ожидал их электрический разряд, один раз сунувшись, больше уже не совались.

Но из сотни (а может быть, из нескольких сотен, сейчас уже не помню) крыс непременно находилась одна, которую, как магнитом, притягивала эта четвертая «комната».

Проводившие этот эксперимент биологи пришли к выводу, что влекло ее туда любопытство. Или, выражаясь более высоким слогом, инстинкт познания.

Вероятно, во мне в те годы, о которых я рассказываю (да и потом тоже), было что-то вот от такой крысы.

«Инстинкт познания» – это, может быть, слишком громко сказано. Слишком высокопарно, что ли. Что ж, я согласен и на первое, более скромное определение: любопытство. Оно тоже тут многое объясняет.

***

Это любопытство то и дело отвлекало меня от главной темы моих занятий: от Эренбурга. Но я ни на минуту не забывал, что именно Эренбург привел меня в это тайное хранилище, ставшее едва ли не главным моим университетом.

Забуть об этом мне прежде всего не позволял постоянно томивший меня комплекс вины. То и дело я одергивал себя, вспоминая, что делу время, а потехе час. Как-никак, справку для проникновения в спецхран мне дали для того, чтобы я занимался Эренбургом. Именно это было (должно было быть) моим делом. Все остальное было – потехой. В какой-то степени даже развратом.

Я утешал себя тем, что нельзя ведь знать заранее, что из прочитанного может мне пригодиться для будущей моей книги об Эренбурге. Быть может, то, что сейчас мне кажется развратом, в конце концов тоже окажется делом!

Эта граница между «потехой» и «делом» и впрямь была достаточно условной. Но она стала совсем неразличимой, окончательно стерлась, когда я наконец прочел до того неведомую мне главную книгу Эренбурга – его знаменитый роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито».

Γοεε:εα Ιο ααη η-εοαη, -οι Βεηα Βεηαεεε- α Ιοηοαεαηεε ααηεε ι ιαεε-εε ο Νοαεεηα ιεαηα
ααηηδοαοεε ααηα ιηαεδοαο εη αηη οαεοαι ε ε οηεηεε οαεοαι ε. Ι αηη ιη: α Νεηααα ααεεεηοηηεηα
ηηεα Αεαεη εδα Ααεη «οαεο» οηεεοαοηη, οεδοεη, εαε «ηοηεηοαηοαεα ηεο-αε, ηαηοδα; ααη, αηεη;
ααηηα ια εηαι ι ιαεηη ηηηαοοηηη».

Ιαεη αηεεηηηοηοηαεα ε ηηηοεη «οαεο» ε α ιαηηοηηαη ααη η - ι οηη ηεααοαεηηοαηο εαε
ηοαεηεε Νηαοηηεε ηηεεεηηαε-αηεε ηεηαοη, οαε ε ι ιηαεδοαοη ιαηεααααη ηε Οηεεηαε ηεηαοη
οηηεηα ηηεα Ν. Ι ααηηα.

Αη αα ηεηηεηοαεαη ηε Ααηηαεε Ααηεεηηαε-, αεη αηεααοαεηηοαη ιαηηοηηοαεηηηοε
ααηηδοαοεηηηε ααηεε αη αηοη ηαηαηηα αηαεα ηηεεοε-αηεε ε ηηεαεηηε ιαηοαηηαε ιαεηαα
«ηηαηαη ηοαεεηεηα» ηηαεδοαο ηοηηαη ια οαεοαιε. ααη αα? - ηηηεο -εοαοαεη Ιοαα-α
οαεοαοεηηεαη ε ααηοηηα ε ιοαεηα ε εο δααηο α οαη εηαο, ηεηαο ε ηεηαηη-αοαηεηα. Α ηοηο ηοεαη,
εαε εαηηοηη αηεηη ο αηαηηαηηοηηη ο ο-αηη ο-εηηεαηηαοαεη, ηδεηαηηοη α ιαο-ηηη ηηδα αηαη ια
ηδεηηοη. Ιαα-εηηη ιαεηοηοηα εη ααεο «ιαο-ηηο ηοεαη ια» ε ααηη α ηη ηοεηηαεηηο «ηηδααεαηεε».
Εοαε: «-εηηοε αηαη ηηεεοε-αηεα ηηαεοηηεη», «ηηεαη ηαεηααη α», «η εοηοαηη-αηοαη», «η αηεηοεηηεη
οαεοαι ε (αη αε-εαηεα, εαααηαηεα ηηαοαηηαε, ηαααααεαηεα, εηη ηοεαηεα)», «δαηηηαδαηηα ηοεαεε
ε ηοηηο ηεηηηη», «ηη ηοεηηαεηηα ηαααεα α», «ηηοδαοαηηεε εαηεηαε-αηεε αοηαε», «ηαηηεεαηα
ηοηηοαηεα ε ηοεαηεαηηη ο οαεηηο».

Εεε αηα ηηοεα οηα: «ηαηοααηηηο-ηη ηααηοαηηε («ιαο-ηη δαεηηηοεοηηαηηε») ααηοηη»,
«οεηε-ηηα εηηηηεοοηηεε», «ααηαεηηα ηοεαη η οαεηηεεαοεε», «ααηηηη αη εηαη»,
«ηααη ηηεηαοηε ηηαεηα», «ηααηηα αηαηη εε», «ααηηηη αη ηαηααα», «εηαεοαε εηαε οηαεε αα-ε α
η οηηε αηα δαοηηηαεοαηηο η εηηεοεαοεε», «ηδεη εοαηη ηααηοαηηε οαεηηεεαο», «οοη αηηα
δαηηεααηεη», «-αηε-ηηε ιεααο», «ηααεδαοηη», «ηηαεοηηεε», «ηηηαοεηηηα ηοεηαηεα»...

Αοη αη, αηηοαη-ηη, -οηαη ηεααοηηαηηαεαηηηοη ε δααηαεαηεα ιαηηαη αηοεη ηα ηηαο-ηηε
αεηεηηαε. Αηο αε ηεηηεα «Πηεοαη, οη ηηαεοηηη, αη-εο, οη ιαηαα». Αδαηηοη ηηοηε
ηοαηη αααο, ηη αηα-οαε ηηοαοηηη αααηηηη.

Ιδε ηηαοηα η εηηεηη ιαο-ηηο ηηεοεε ηεαηαεη αη ηηαηηεαοη εηα ααηη αηοη. Οαεοαι ε
ηοηεα αηη ηαηε ααηηδοαοεε ααηα ιηαε αη ηηηεοεοη ε ια ηοηη ηα, α εηηαηηα αηεααοαεηηοαη
εηοηηα ηεααοαεηηοαηηε αη η ααηη-ααηηηοε ηοηε αεοε. Ε οαεη ηηηοεο αη ηααεε.
Αηοαηηδοαοεηηηε ααηη αηο, ηη-αοαη α - ηηαηαη αεοεη αηεα αη ηοηεα ηοεοαεηηε αηεοεηη η
αηεααεηηηε ηεηοαηηαεεηα ε Αδαηε ααηη αηο - ααηοη αη οαεη αεοη ηαεηη αηεη ηοηαηηο,
οαε εαε ααε «αηηε εεοηηαεηηε δαηοαηεεηηη α εηοαηηαεηηαεηηε η αηηα» ε «η ηηαε εη ηεο ε οηη ο
αα εαηεε αη αοηηη οηεη α ηεαηηε ιαεε, εεηηοοηη, αδαεο ηαηαηοαηηη-αη-εη ηηο ηοααο». Αηα ηαεη
αηοαηηδοαοεηηηε ααηη αηο ααο - αηηεεα ααηα «ηηηααεεα αη ηοδαηο ηααα ηαεααεηηηηη
εηαηηηο ηδαηαδαηηαεε αηηαοηηηη αεηηηααοαεηηοαηηα αα ε ηηη Νοαεεη «ηη ηεααο ηηαη οαδαεοαα ια
δαεεηηη αη ηοεοηοη αηηοηεοηηηοεαηηοεα ααααα...»

Ιαηαεη αη ια ηηαεδαηεε αηα ηοε ηηε ηδαηηεηαεηηη αεηηαεοεη ε ιαο-ηηε ε εηηηαεηηε ε ε
οαεοαι ε, οηοη αη ε ια ηαηαοαεηηη «αοη αεηηη ε». Νη ηαε αα οη-εε αηεηη, αηα ηηε ιαηηοηηοαεηηη. Ε,
α ηααη η-αηαηη οεα ηαηεη οαη, -οη α ηηαε ηηηαα ηοηοεαηηα-αο ηηη ηη ο ηηαηηαο ααηηηααηηα
ηοαεεηηηα ηοηη. Ε οηοη αη ηηοηηο ια ηδαηηοαεηηαοηηη, -οη αηεααοη εο ιαηηοηηοαεηηηηο
ιαο-ηη ηαηηηααηηηε ε οαεοαι ε ιαηηοαεηηαο ηηαηηα οδδα.

Ιη αηο ε ηεαηηηαη ο ηδαηηαηηηη ο α ηοαοηη αηεααοαεηηοαη ηοηοεα ηεαηεδαηεηη Νοαεεηηη
ααηηδοαοεε ααηα ηοηεο ηοηαηηηηη ηη αηε ηαηαηηηηη. Α εηεα «οαεηαη ηηεεοεα Νοαεεηα» ια
ηοδαηεοα 682 αη ηεοαοα «Ιαεαηοηα οηα, εαε αη (Νοαεεηα - ηδεη. δαη) δααεε ιαδαεε-, η ηηεηη
οαη οαεηηηο αααο εη-αεα αηεηηοαηηαη ηεοηηεα, ιαεηη αηηη ηοηηηοαηηααοαη ηα ηεο, ια-εηαη ηη 13
ηηαοη 1953 αηα».

Α α ηοαοηη «Ααηηδοαοεη-εηηεοεαοεηη» ια ηοδαηεοα 26 οοη-ηηαοα: «Ν ααααοαηηο -εηηε
οαααεη ηηηεηη «Ιδαααη» εη-αεα εδεοεα «ααηεηηεο αοαεααηηο ιαεηηαεηηηα» ε εο «ααηαε-ηηο
οηαα», ιαεηη αηηη ηοηηηοαηηααοαη οαη αη ηοηαη».

Υοα ααηα αη ια ηααηε ααεηα αοηηηηοαηηαη εηοηηη αεηη εη ααο η-αηη ααεηηα, ηηδααεηηηαη
αη-αηεα. Ε ηαεηη ια ηααηηοηηη ηη αη ε: ηοη - ααεηηε ααηη αηο ηοηοεα ααηεε ιαεηοηηο, εαε αη
αηαηεοα «οαεηηεοεαοηηα» η οηη, -οη αηη αααε αηεαηη αηεε ηηαααα οοηηη ααηηδοαοεε.

Αηα ηηαη ηοηα-α αη-εηαοαεηη αηηεααηηηα αηεα ηηααηεηη - αη, Ααηηαεε Ααηεεηηαε-. Αη
«αηηηηεεε» ηοε ηααηηεηη α ιαο-ηηη εεοααηοοο ε αοηηαεηηηεεα α οεα ηηοηη εο ια-αεε ηηηααηη
οεδαεοηηαοηηε, οηηοαηεηηη ααοα αηδαεαηεα - «οαηεοηη εηηοηηεη». Αηο αηααηεεε εη ηαεεεαοεε Α.
Ααεαηα, Ν. Ι ααεαηηα, Γ. Οαεηηα, Εηδαααα ε ααεο.

«Ε ηηηαηεηη -εηαη οαααεηη ηηη Νοαεεη ηοαεαηηη ηο ηαη ααηεηη ηοηαηηε ηοαεε-ηηε ηοηαηη
ηη «αεο αα-αε» ε αηηεααη αηε ηηεοε ια ηηηοηηη, ηααηηα ααηηηεαηηη ηοηηααηα, ηηηεαοη
αηοηηη εοηηηη ηηαηεαο».

«Ιοαηε «αεο αα-αε-ηοδαεοαεε» ααε Νοαεεη ηηη ηεε-ηη. Νοαεεη δαεεηηη ια ηοηηοηηε
η αηααη - αοοεοεοηη ηεαηηαεηηηη ηεοαοεηη αηεδα «ααεα αα-αε» α ηοδαηα ε αη εδα Νοαεεη ηοεααηηη ηο
ηαη ααηεηη ηοηαηηε ηοαεε-ηηε ηοηαηηηη «αεο αα-αε», οαη ηηη ηη ααοηη αοε-αηεε ηηοηααααοηηη ηεο
ηα ηοεοηοηηη αηοηηη εοηηηη ηηηεεηηα εαε ηεαηαεο ε ια-αεο ααηεηηε ααηηδοαοεε».

«Ιεηη η Ε. Υοα ααηα ια εη ηη Νοαεεηα, ηηααεη οηεηηοηη ηα α «Ααεα αα-αε»».

Дата	Всего публицистических статей в номере	Из них статей с упоминанием Сталина	Общее количество Сталина в номере
1	7	2	5
2	6	3	15
3	5	3	5
4	6	1	2
5	7	1	3
6	5	1	3
7	5	-	-
8	6	1	2
9	9	4	30
10	6	4	8
11	8	2	3
12	5	3	18
13	8	1	10
15	6	-	-
16	5	1	6
17	7	1	6
18	6	2	10
19	7	-	-
20	7	1	3
21	6	-	-
22	8	3	9
23	8	6	25
24	6	1	4
25	7	2	7
26	6	3	12
27	5	1	4
28	6	-	-
Итого за месяц	173 (6,4)*	47 (27%)**	190 (4,0)***
До 18-го	101 (8,0)*	28 (27,7%)**	116 (4,1)***
После 18-го	72 (6,5)*	19 (26,3%)**	74 (3,8)***

Это не первая попытка дискредитировать меня как писателя, историка, руководителя общественной организации. В 1993 году это сделал сам Сергей Ковалев на страницах «Независимой газеты». Опозорился. На помощь пришел его приятель, ныне покойный Кронид Любарский («Новое время»).

Кстати, напрасно г-н Кораллов с упреком в мой адрес напоминает о «нравственно-мудром правиле древних римлян “О мертвых или хорошо, или ничего”». Безнравственное «правило» – молчать о палачах – Сталине и его подручных, к примеру. Ничего хорошего не могу сказать ни о Разгоне, ни о Любарском, ни о покойном Фельдмане, лубянском провокаторе (имеется его письменное признание), активном пособнике в деле перерождения «Мемориала».

Упомянутые заправилы поручили роль очередного очернителя литератору В. Тополянскому, который с откровенным хамством отозвался о моей книге «Портрет тирана». Повод – автор-де сочинил обстоятельства смерти наркома Цюрупы. Позднее редакция журнала «Новое время» напечатала письмо-опровержение сведущего историка – в мою защиту. Но извинения не последовало...

Мемориальским провокаторам удалось инспирировать еще несколько мелких газетных укулов, но главным козырем в этой грязной игре оказался мой сын, который, в 13 лет вступив в конфликт со мной, не вышел из него до сих пор. Ему было поручено выступить на конференции с предложением... исключить меня из «Мемориала». Я состою в этом обществе с 1989 года (удостоверение №13). Ведущий пришел в замешательство, тогда мой сын повторил свое предложение.

Зал молчал.

Сын с детства страдает расстройством нервной системы. Позвольте спросить, как у вас по этой части, г-н Кораллов? Создание и раздувание культа Разгона вызывает опасение за ваше душевное состояние.

В самом деле, зачем из весьма среднего прозаика и литературного критика лепить фигуру мирового масштаба, ставить его в один ряд с Дмитрием Лихачевым? Для чего уподоблять квартиру Разгона некоему идейно-литературно-политическому центру России и водружать на его голову нимб святого?

Выполнив задачу причисления Разгона к сонму небожителей, автор берется за сверхзадачу – очернение моей брошюры о Сергее Ковалеве и перерождении «Мемориала». Знает, видит, что Ковалев – личность ничтожная, что он не владеет ни устной, ни письменной речью. Знает отзыв о нем Революта Пименова.

Один из первых борцов за права человека, Револют Пименов, дважды осужденный властями, провел в тюрьмах и ссылке более десяти лет, но остался верен своим революционным взглядам. Это сблизило его с Андреем Сахаровым, который содействовал избранию Пименова в Верховный Совет РСФСР.

Револют Иванович стоял у колыбели «Мемориала», но смерть оборвала его общественную деятельность на взлете. Незадолго до кончины, в декабре 1990 года, узнав, что к власти над «Мемориалом» рвется Сергей Ковалев, Пименов заметил с горечью: «Этот человек погубит “Мемориал”...»

Знает г-н Кораллов и замечание Алеся Адамовича, которого я ознакомил с письмом, осуждающим позорные деяния сотрудников московского «Мемориала»: «Почуяли валюту и будто повзбесились...»

Ни одного факта, ни одного вывода из вопиющих фактов, мной приведенных, г-н Кораллов не опроверг. Возмутился лишь нелестными отзывами о Евгении Альбац (ее панегирик С. Ковалеву опубликован в «Известиях»), об Александре Даниэле («и др.»)...

Моя брошюра встречена с пониманием и одобрением не только притесняемыми ветеранами Малой Зоны, но всеми честными политиками и государственными деятелями.

Из последних отзывов на разрушительную деятельность мемориальских радетелей упомянем письмо руководителей Курганского отделения «Мемориала» («30 октября», № 22). Цитирую:

«Сытая, спокойная жизнь больше устраивает «профессиональных» правозащитников из “Мемориала”, забывших и об уставе, и о том, для чего была создана общественная организация “Мемориал”. Стыд и позор». (Именно об этом моя брошюра.)

Солидарность с курганцами высказывает бывший политзаключенный И. Соломоник, проживающий ныне в Германии («Демократический выбор» № 24, июнь 2002 г.). Помимо прочего, его возмущает позиция А. Даниэля («30 октября» 2001, № 18), который «подводит теоретическую базу эдакого примирения палачей и их жертв, – для него они все равны, все пострадавшие». В своем ответе курганским товарищам (в тоне снисходительно-вальняжном) Даниэль упоминает о «Книгах памяти», своеобразном реквиеме о погибших. В одной из таких книг рядом с именами жертв стоит имя Фриновского, этого оберпалача, особо доверенного подручного Сталина и Берии. Тут и сошлись «теория» Даниэля с практикой...

Соломоник тоже пишет о мемориальных чиновниках: «полагая, что мы, зэки, лагерники, уже вышли в тираж, представляя нас маразматиками, они присвоили себе право “объяснять” нас, несмышленишкой, на Западе».

К кому обращаться чудом пережившим террор, ныне ущемленным, униженным? К Арсению Рогинскому? Он недоступен. О подобных «генералах правозащитного движения» писал Алексей Смирнов («Посев», 2001, №№ 9 и 12).

Все это созвучно материалам моей брошюры. Опровергнуть г-н Кораллов ничего не может. Он может лишь поставить в заслугу «генералам» выпуск справочника «Система ИТЛ в СССР (1923 – 1960)». Труд, безусловно, значительный и полезный, щедро оплаченный зарубежными фондами (альтруистов в «Мемориале» не стало давно). Но почему-то профессиональные историки-архивисты сразу же отметили, что работа выполнена на дилетантском уровне. Нельзя также признать справочник полноценным: пропущено целое Управление «Оборонстрой».

С кого спрашивать? С научных редакторов Н. Охотина и А. Рогинского, с членов редколлегии – моего доброжелателя М. Кораллова да известного «теоретика» А. Даниэля и других самозванных историков.

М. Кораллов упоминает «расстрельный список» Бутовского захоронения. Согласен – ценный труд. Нахожу на букву «А» фамилию отца, казненного 11 февраля 1938 года. Краткие биографические сведения, напоминающие справку для ЖЭКа. Ни слова о том, что Владимир Антонов-Овсеенко был выдающимся партийным и государственным деятелем, революционером, одним из организаторов Красной Армии, дипломатом, писателем. Вместо этого – «Член ВКП(б) и нарком юстиции». Но ведь эту должность отец занимал всего три недели...

Для фото тоже места не нашлось. И в списке псевдонимов (в приложении) – их было у него шесть – не значится.

Кто же допустил эти «упущения»? Фамилия редактора – Рогинский. Опять он?

* * *

Остановившись на достижениях литературно-издательской группы, автор напомнил о выходе множества книг и брошюр различной тематики – от сборников воспоминаний до защиты прав человека. О том, как С. Ковалев и его команда защищают права, известно всем. Свое мнение по этому поводу я высказал в статье «Спекуляция на крови» («Красная звезда»). О том, как мемориальцы спекулируют на нашем несчастье, как унижают нас, недострелянных, высказываюсь постоянно. Взять те же отчетно-выборные конференции. Их называют, по справедливости, репрессированными: тщательный подбор делегатов из «своих», пресечение критики, диктат «матери-начальницы»: единственный микрофон она из рук не выпускает, охранники рядом, вход заблокирован. Организатор и исполнитель – Валерия Дунаева, бессменный председатель «Мемориала», многолика паханша.

Помимо председательства, она прибрала к рукам ревизионную комиссию, раздачу гуманитарной помощи, дачную комиссию, распределение театральных билетов, опекунов одиноких стариков (квартиры!), реализацию картин, пыталась заняться распределением земельных участков («Несите деньги мне!»).

Ныне должностей поубавилось, зато больше наглости стало. Что же, г-н Кораллов ничего не видит? Видит и соучаствует.

...15 декабря 1999 года. В зале мэрии проходит конференция московского «Мемориала». Сопредседатель Кораллов в президиуме. Дунаева, представляя подручных, обзывает его «знаменитым писателем, великим философом, известным общественным деятелем». О чем он говорил, так никто и не понял. Видимо, слишком сложными оказались его рассуждения... Перед выборами руководящих органов Дунаева объявила, что в Устав внесены изменения. Какие — вы узнаете позднее. О главных я скажу сейчас: срок полномочий Совета и председателя (он заменит троих сопредседателей) будет увеличен вдвое, до четырех лет. Такого поворота событий не ожидали. В зале зашумели:

– Это что же, новая диктатура? Не позволим!

– Почему нас не ознакомили с проектом Устава, не поставили на обсуждение?

Благотельница вынуждена была пообещать исправить оплошность. Потом.

...К трибуне направился Лурье, в прошлом входивший в рабочую коллегию «Мемориала». Он намеревался выступить по поводу состава Совета и уставных новшеств. Но ведущий был начеку: отключил микрофон и приказал удалить активиста.

Совет, десять человек, «выбрали» по списку, зачитанному Дунаевой невнятной скороговоркой. Без представления кандидатов, без обсуждения и альтернативных лиц. Тем же галопом – выборы трех сопредседателей, включая неподменную хозяйку.

Вспотевшая паханша клянется (со слезою и прижиманием рук к сердцу) в верности заветам и в преданности сирым и убогим.

Позднее в отчете о конференции досужий репортер напишет о яркой дискуссии... Не было никакой дискуссии: два часа одних восхвалений дебелой раздатчицы всяких благ. Впрочем, нет, был один яркий момент, когда старый зэк выкрикнул: «Не голосуйте за нее, она воровка!» Об этом в газетном отчете нет ничего, как и о присутствии Паулины Мясниковой, старейшей каторжанки. Ее Дунаева привезла сюда для антуража. Но Мясникова отказалась участвовать в позорном шоу. Лет пять назад она публично осудила порочную практику главарей «Мемориала».

...Чуть не забыл об одной детали: заседание открылось с часовым опозданием. Все это время Дунаева и исполнительный директор «Мемориала» Жемкова провели у входа, следя за тем, чтобы охранники не пропускали «чужих». А мы, руководители различных объединений реабилитированных, в том числе ветераны и зачинатели «Мемориала», мерзли в стеклянных сенях, целый час мерзли, пока охранники не выставили под дождь нас, «чужих».

...Три года прошло, а под сердцем жжет. Вам теплее стало, г-н Кораллов?

Методы фальсификации выборов, тактику подавления «массы» Дунаева освоила давно. У нее оказались опытные наставники: Ковалев, Рогинский, Фельдман, Янин, Орлов... Все они пользуются технологией, разработанной и внедренной в «систему» кремлевскими узурпаторами без малого три четверти века назад.

Недавно группа молодых мемориальцев во главе с Дунаевой посетила Соловецкий монастырь. Подобные увеселительные прогулки случаются почти ежегодно – без участия ветеранов. Единственного пережившего соловецкий ад зэка Мартюхина, председателя совета старейшин, с собой не брали. Будучи одним из сопредседателей «Мемориала», он отважился критиковать нравы наших «благотельцев». Вскоре его лишили явочным порядком поста сопредседателя и унизили жестоко старика. Хоронили мы его без участия «паханов». Даже букета цветов не прислали... Почетных похорон достаиваются провокаторы и предатели, такие, как Фельдман.

Но самой позорной мемориальной акцией стало, пожалуй, дунаевское шоу на Лубянской площади 30 октября, в День политзаключенного. В прошлом году, дирижируя митингом у Соловецкого камня, Дунаева объявила: «Проход к микрофону только через меня». Ассистирует ей Жемкова. В том же стиле. Порядочные люди отворачиваются, уходят. Неужто этот «шабаш ведьм у Сизифова камня» (выражение одного писателя) повторится?

Что скажете по этому поводу вы, гн Кораллов? Ведь это непотребство у памятного камня и все-все остальное творится при вашем участии, под вашим попечительным крылом.

Я свое мнение обозначил в фельетоне «Плач Соловецкого камня» (газета «Возрождение») еще год назад.

Кораллов появился в особняке «Мемориала» лет семь назад, когда мемориальный клан окончательно сформировался, спаянный не только родственными узами, но и общими целями – погоня за славой, спекуляция на чужой беде, деньги. Таковы они, однокорытники. Громкое чавканье разносится далеко

окрест...

Марлен Кораллов органично вписался в этот клан. Странно было наблюдать, как великий философ ныряет в это пахучее болото. Ему бы включиться в дело защиты прав реабилитированных страдальцев. Активно в этом направлении проявляют себя журналисты «Московской правды» и руководитель крупного объединения А. Есаулов. Да и мне довелось выступать в разных печатных органах со статьями на эту тему, с памфлетами. Возмутило ветеранов участие в заседании Конституционного суда С. Ковалева и Л. Разгона от нашего имени (!) при обсуждении проблемы виновности КПСС в преступном руководстве страной. На этих заседаниях и без них хватало фальшивых свидетелей-перевертышей из позорно знаменитого Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

* * *

С. Ковалев со своими ассистентами – Орловым, Рогинским, Охотиным, Даниэлем и прочими «знатоками» постоянно выступают от нашего имени за рубежом и в иностранных посольствах в Москве то с осуждением внешней политики правительства РФ, то в защиту чеченских сепаратистов... Участвуют в работе научных симпозиумов и семинаров, ни разу не пригласив специалистов из нашей среды, участников и свидетелей исторических событий.

Ковалевская команда жестко соблюдает принцип келейности во всем, особенно в контактах с иностранными фондами и в распределении гуманитарной помощи. Бедственное положение ветеранов никого не волнует, за действительную помощь в разных областях «гранты не дают» (из письма И. Соломоники). Не дают их и за конкретную работу по разоблачению сталинщины.

Я давно уже не посещаю контору «Мемориала», тот самый особняк. Но в прошлом году отправился туда: хотел передать служивым копию справки начальника ГУЛАГа Наседкина, из которой следует, что численность лагерного населения достигла к 1942 году 17,5 миллиона. Попросил поместить этот документ, до сих пор в архиве не рассекреченный (!), на стенде. Для всеобщего обозрения. Меня «не поняли»...

Примеров такого рода равнодушия довольно. Так же как примеров активного неприятия моей деятельности. Это касается нашей попытки объединить разрозненные организации жертв политрепрессий в 1993 году, на учредительном собрании Союза организаций Москвы. Боевики мемориального клана Токарев, Мнацаканов, Дунаева так и не смогли сорвать нашу акцию Добра. Позднее они же пытались воспрепятствовать собранию старейшин ГУЛАГа.

Отторжение распространяется и на мои книги. Первая, «Портрет тирана», опубликована в 1980 году в Нью-Йорке, переведена на другие языки. Через год – погромный обыск на квартире, непрерывная слежка, обыски у знакомых... Забрали массу книг и журналов «антисоветского содержания». Но не арестовали. Как позднее выяснилось, Юрий Андропов в бытность председателем КГБ обратился в ЦК за разрешением оставить меня в покое. Пожалел?..

Мемориальские радетели поступили иначе, публично оклеветав мой труд, и тем самым дали сигнал органам. Повод – наличие в книге множества ошибок, неточностей, неизбежных в работе полуслепого инвалида под неусыпным надзором агентов Лубянки.

В обновленной России «Портрет тирана» вышел тремя изданиями общим тиражом 100 тысяч экземпляров. Последовали серийные публикации в журналах, газетах, выступления в различных городах – от Ленинграда до Севастополя...

Следующие книги, «Театр Иосифа Сталина», «Враги народа», «Лаврентий Берия», тоже изданы многократно.

Пять лет отдано работе в «Международной лиге защиты культуры». Девять лет уже руковожу объединением жертв политрепрессий. Не мне, разумеется, самому информировать редакцию журнала о своей общественной деятельности. Но о музее, основанном при моем участии, умолчать не вправе.

Концепция Государственного музея истории ГУЛАГа расширяет задачу и цели до масштабов бывшего СССР, с включением истории массовых политрепрессий. Постановлением правительства Москвы музею выделено помещение площадью 635 кв. м, однако в июне удалось добиться дополнительно выделения 1000 кв. м за счет высвобождающихся офисов в том же здании. Планируем, с благословения Патриарха, устройство православной часовни. В плане экспозиции предусмотрен зал для показа материалов о гонениях на иные конфессии – мусульманскую, иудейскую, католическую... Во внутреннем дворике (300 кв. м) разместится картинная галерея. Материалов, экспонатов у нас в избытке. И опыт есть. С полувекowym опозданием основан музей. Почему не «Мемориалом» с его средствами и штатом?

Как на этом фоне выглядит травля, организованная заправилами «Мемориала» при участии г-на Кораллова, – судите сами. Он осмелился поднять руку на меня, это можно было бы проигнорировать. Но за честь и достоинство расстрелянного отца я вступиться обязан.

Судя по опубликованному вами пасквилю, автор обладает бойким пером. Вот этому бы перу да честную ручку!

Г-н Кораллов снабдил свой опус P.S., сообщив о том, что «в 1998 году звезде в созвездии Овна присвоено имя Льва Разгона».

Свой ответ г-ну Кораллову тоже закончу P.S. космического масштаба. Когда придет мой час прощания с планетой Земля, я уйду из этого мира лишь при условии, что моим именем нарекут ближайшую галактику. По справедливости.

сионских мудрецов»». Научно-популярное издание американского исследователя представляет собой характеристику основных этапов истории «Протоколов» от середины XIX века до времен нацистской Германии. Эта книга интересна и тем, что в качестве справочного аппарата в ней помещены параллельно два текста – «Диалоги в аду» Мориса Жоли и «Протоколы», «Диалоги...» стали злой пародией на фальшивку.

Труд Хадассы Бен-Итто «Ложь, которая не хочет умирать» – новейшее исследование этой проблемы. В нем перемежаются рассказы об архивных изысканиях и беседы с их участниками, приправленные художественным вымыслом автора. Книга писалась в течение шести лет и вот, наконец, издана и на русском языке. Автор ее несколько лет в Израиле занимала пост судьи и оставила его, чтобы написать эту книгу, по своему сюжету напоминающую ход судебного процесса.

Сама книга была задумана еще в 1965 году, когда Хадасса принимала участие в работе двадцатой сессии Генеральной ассамблеи ООН в составе Третьего комитета, занимавшегося правами человека. Именно в том году в комитете шло обсуждение окончательного проекта Конвенции по запрещению всех форм расовой дискриминации. Тогда она и узнала впервые о существовании «Протоколов» от одного из дипломатов. Хадассу упрекнули и за то, что евреи проигнорировали книгу Гитлера «Майн Кампф».

В чем же особенность книги Хадассы Бен-Итто? На первый взгляд, канва исторических событий выстроена так же, как у предыдущих исследователей. Так, агент русской тайной полиции в Париже изготавливает фальшивку, рукопись доставляют в Россию, текст переводят на русский язык. Но история движется далее, продолжаясь и после Холокоста: автор захватывает арабо-израильский конфликт, а также процесс в Йоханнесбурге в 1991 году и продолжает до московского процесса 1993 года.

Особый акцент сделан на послереволюционных событиях, и в частности, изобилует подробностями история гибели семьи Романовых.

Все герои этой книги – реальные, а не вымышленные. Однако они перемещаются то во Францию середины XIX века, то в нацистскую Германию, то в Швейцарию... Словом, проблема не знает временных и государственных границ.

Тем не менее, в научный оборот подобную книгу ввести не представляется возможным. Хотя бы из-за того, что в ней отсутствуют ссылки, мелькают очевидные для историков-специалистов фактологические ошибки. Но поскольку все использованные для ее написания документы упоминаются в содержании, у обычного читателя создается впечатление, что необходимости в ссылках на них нет. Таков, по-видимому, и был замысел автора, не желавшего отвлекать читателя от основного текста. Справочный аппарат книги содержит лишь библиографию, в которой указаны только иностранные публикации, в том числе и вышедшая из-под пера Нормана Кона.

Если бы труд Хадассы был просто архивным исследованием, возможно, читать ее книгу было бы не столь интересно. Но автор переживает судьбу каждого участника истории – причем, независимо от того, разделяет она его точку зрения или нет.

Поскольку Хадасса много лет была судьей, и ее подход к книге был «судейский» – она решила оценить роль каждого героя в истории «Протоколов». Посему и неудивительно, что по жанру книга напоминает детектив. Впрочем по сути, это и есть детектив – ибо проводится расследование величайшего преступления.

Но в привычных детективах в конце расследования всегда становится известно, кто виноват и кто прав. В книге Хадассы большинство подозреваемых так и остается безнаказанным. В их число попадает и религиозный фанатик Сергей Нилус, опубликовавший «Протоколы...», и агент русской тайной полиции, причастный к составлению этой фальсификации Петр Рачковский. Особенно пристальное внимание автор посчитала нужным уделить Нилусу: подробно описана его жизнь как в миру, так и в монастыре, рассказано о его разорении, причиной которого был вздорный характер. И неудивительно, что «Протоколы...» оказали на него столь сильное впечатление – они рассчитаны на людей весьма недалеких, легко поддающихся эмоциям, особенно на невежественных читателей, не отличающихся житейским опытом и мудростью.

Среди основных героев, принявших участие в разоблачении фальшивки, – английский журналист Филипп Грейвс, написавший в «Тайме» статью на эту тему, а также участники Бернского процесса 1933 года, на котором фальшивка была предана суду: адвокат Георг Бруншвиц, предоставивший автору материалы процесса, и бывший член Временного правительства России Сергей Сватиков, назвавший на процессе «Протоколы...» ложью. Весьма примечательно, что эти слова прозвучали из уст гражданина России – страны, которой была уготована участь стать рассадником человеконенавистнической фальсификации.

Из книги израильского автора можно узнать также, каково было отношение к евреям в разных странах. Россия представлена как антисемитская страна. Упомянуто о кишиневском погроме, происшедшем до появления «Протоколов...» В тексте приведена значимая деталь: митрополит московский Владимир прочел проповедь, содержащую цитаты из «Протоколов...», а также распорядился, чтобы ее прочли в 368 московских церквях.

Нетрудно себе представить, какое потрясающее впечатление это произвело на великое множество верующих малограмотных православных, относящихся к посвященным в сан людям как к посредникам между собой и Богом.

Увы, книга эта стала настольной и для императорской семьи. В труде Хадассы упомянут эпизод, когда после убийства царской семьи и ее приближенных в Екатеринбурге судебный следователь, составлявший опись имущества, нашел три книги: Библию, «Войну и мир» и «Великое в малом» Сергея Нилуса. Такое сочетание книг способно вызвать печальные размышления о личности царя и круге чтения его семьи. Однако следует непременно напомнить, что из общего ряда выделяется министр Сергей Юльевич Витте: он оказался единственным, подавшим прошение об отставке, в частности, из-за несогласия с политикой правящего кабинета по отношению к евреям.

Читатель не без удивления узнает, что антисемитизм существовал на государственном уровне и в Америке – стране, славящейся демократией: ведь именно в ней нашли убежище от преследований многие евреи, бежавшие из царской России. И владелец известной автомобильной компании Генри Форд, недавно проповедовавший братство всех людей и религий, размещает в своем еженедельнике антисемитские статьи. Примечательно, что такая политика не только вызвала бойкот его продукции многими евреями, но и была осуждена Союзом христианских церквей. Стереотип о непримиримости христиан и иудеев именно таким образом и разрушается. Об этом свидетельствует и другой факт, отмеченный в конце книги Хадассы: на московском судебном процессе над «Протоколами...», состоявшемся в 1993 году в Черемушкинском суде Москвы, эта фальсификация была признана подделкой и антисемитским псеводокументом. Притом, признана экспертами-иудеями. Одним из них, в частности, была Зоя Крахмальникова – историк, известный автор работ по проблемам русского православия.

Эти эпизоды можно считать настоящей победой над ложью. Но, к сожалению, ни бернский процесс 1933 года, ни йоханнесбургский процесс 1991 года, ни московский процесс окончательно не поставили в истории величайшей лжи жирной точки.

Автор книги, о которой мы ведем речь, может по праву считать: ей удалось сделать то, чего не смогли сделать другие судьи, – рассказать о судьбе одной из самых гнусных долгоживущих фальшивок в современном мире.

ИНОЙ ОБЛИК

Oì oyè-Ètíńò Àáńń

I

Она была одета в коричневое платье, и ее карие глаза, излучавшие тепло, были влажны. Когда, сжимая в руке гет – письмо о разводе, она вышла из здания суда, ее поджидали двое – светловолосый Свирш и доктор Танцер, молодые люди, попавшие в ее окружение уже в первый год ее замужества. В глазах их читалась радость. Этот прекрасный миг – ведь Тони Гартман распрощалась с мужем – им и во сне не снился. Радостные, оба они устремились к ней, чтобы пожать ей руку. Затем Свирш, завладев зонтиком Тони и повесив его ей на пояс, взял разом обе ее руки и потряс их с подчеркнутой симпатией. А после него взял ее руки Танцер – в свои большие и холодные ладони. При этом он глядел на нее ледяным подстерегающим взглядом сластолюбца, опасющегося, как бы предмет вожделения не ускользнул от него. Тони высвободила свои усталые руки из их рук и подняла глаза.

Свирш взял ее под руку, намереваясь пойти с нею. Танцер пристроился справа от нее, размышляя про себя: «Обскакал меня альбинос, но это ровно ничего не значит – сегодня он, а завтра я». И уже испытывал нечто подобное двойному интеллектуальному наслаждению: завтра он будет расхаживать с Тони, которая вчера принадлежала Гартману, а сегодня – Свиршу.

Когда они собрались уходить, из здания суда появился Гартман. Лицо его было затуманено, лоб наморщен. Несколько мгновений стоял он и осматривался, как человек, вступающий во тьму и выбирающий путь, по которому пойдет. Увидел Тони и с нею Свирша и Танцера, посмотрел на нее усталым тяжелым взглядом и сказал:

— С ними ты идешь?

Тони отвела вуаль на лоб и сказала:

– Ты не хочешь?

Голос ее потряс его сердце. Он сблизил большие пальцы правой и левой рук, так что они обхватили друг друга, и сказал:

– Не иди с ними.

Тони скомкала платок, который держала в руке, и подняла на него глаза, полные печали; она стояла, лишенная сил, и смотрела на него. Всем своим видом она как бы говорила: «Взгляни на меня, разве могу я пойти одна?»

Он подошел к Тони. Свирш отстранил от нее свою руку и отступил. Танцер, который был выше Гартмана, напрягся словно атлет и стоял, распрямившись во весь рост. Но спустя мгновение ссутулился и обмяк. Сказал самому себе: «Ведь не из моих рук он уводит ее», приподнял шляпу и так же, как его приятель Свирш, пошел прочь, напевая куплет, только что им сочиненный.

Они оборачивались на ходу и смотрели назад, на того, кто был прежде мужем Тони. Свирш сердито ворчал, бормоча про себя: «Ничего подобного не видывал вовек...» Танцер прервал свой куплет, протер массивные очки и сказал:

– Клянусь туфлей папы римского, это похоже на Мухаммеда,двигающего своей бородой!

Свирш пожал плечами и скривил рот, имея в виду раздражение Гартмана, а не шутовство Танцера.

Когда Гартман остался с Тони, он чуть было не взял ее под руку, но спохватился, чтобы не дать ей почувствовать свое смятение. Несколько мгновений стояли они, не произнося ни слова. Развод неожиданно обрел чрезмерную конкретность, казалось, они по-прежнему стоят перед судом и в их ушах раздается бляение этого старца. Стараясь сдержать слезы, Тони сжала в руке платок и зажмурила глаза. Гартман снял шляпу, чтобы освежить голову. «Что мы стоим тут?» – спросил он самого себя. В его ушах снова зазвучал голос, на

этот раз не судьба, а писца, который читал решение о разводе и которому померещилась ошибка в тексте. «Что так всполошился этот несчастный? Из-за того, что я и Тони... вся эта история – странная, не иначе». И поскольку не знал он, что именно здесь странно, пришел в замешательство. Было очевидно, что нужно что-то предпринять. Он смял шляпу и стал помахивать ею, расправил ее, измял снова, снова надел и, проведя рукой от виска к подбородку, ощутил щетину. «Из-за этой волокиты с разводом забыл побриться, и вот Тони видит меня во всем моем уродстве», – подумал Гартман. «Ойсгэрэхнт хайнт – именно сегодня», – пробормотал он возмущенно. Утешил себя тем, что день этот прошел и уже не имеет значения, что отросла борода. И все-таки остался собой недоволен, сознавая, что пытается замаскировать свою безалаберность тщетными отговорками.

– Пойдем, – сказал он Тони. – Пойдем, – повторил он, так как не был уверен, что сказал, а если сказал – услышала ли она.

Солнце перешло в другое место. Глухой ветер завладел улицей, и окаменевшая печаль стенала из ее камней. Окна выглядывали из стен домов, чуждые самим себе и чуждые домам.

Гартман поднял глаза на распахнувшееся окно и попытался вспомнить, что он хотел сказать. Увидел женщину, выглянувшую оттуда. Подумал: «Нет, не это я имел в виду», – и начал говорить – не о том, о чем размышлял, а о другом. И через каждые два-три слова взмахивал рукой, в отчаянии от тех слов, что приходили ему на ум, а он выкладывал их перед Тони. Тони смотрела на его рот, следила за движениями его руки и пыталась сосредоточиться на том, что он говорит. Ведь речи его не превышают ее понимания – если бы он говорил спокойно и по порядку, она бы все поняла. Ее губы вздрагивали. Свежая морщинка слева у верхней губы самопроизвольно дернулась. Она провела по ней кончиком языка и подумала: «Б-же, пребывающий на небесах, до чего он печален. Верно, вспомнились ему его дочери...»

Гартман помнил о дочерях, весь этот день они стояли перед его глазами, но он не упомянул о них Тони ни словом, ни намеком, хотя снова и снова вбирал он их в свое сердце, то обеих, то каждую отдельно. Старшей, Беате, было девять, и она уже понимала, что отец и мать сердятся друг на друга. В отличие от нее младшая – Рената, которой было семь, еще ничего не замечала. Когда в доме исчез покой, приехала сестра матери Тони и взяла их с собою в деревню, и они не знают, что отец и мать... Гартман так и не завершил свою мысль – перед ним возникли глаза Беаты в то мгновение, когда она впервые осознала, что отец и мать не ладят друг с другом. Любопытство ребенка сочеталось с безотчетным изумлением перед взрослыми, которые ссорятся. Гартман потупился перед глазами дочери, потемневшими от удивления и скорби, немота сковала ее уста, потом ресницы ее опустились, и она вышла.

И снова Гартман почувствовал, что должен что-то сделать. Но поскольку не знал, что именно, снял шляпу и вытер лоб, протер кожаную ленту внутри шляпы и снова надел ее на голову. Тони приуныла, словно в ней была причина всех его затруднений. Остановилась и взяла в руки зонтик, который недавно Свирш повесил ей на пояс, и стала водить им по земле. Гартман снова заговорил. Ни одно слово из произнесенных им не касалось событий дня, но эти события звучали в его голосе. Тони что-то отвечала ему. Вникни она в смысл своих слов, убедилась бы, что говорит невпопад. Но Гартман воспринимал ее слова так, как будто они касались самой сути того, о чем он ведет речь.

Появилась маленькая девочка. Протянула ему пучок полевой гвоздики. Гартман догадался, чего она хочет, достал кошелек и бросил ей серебряную монету, девочка положила монету в рот, но не уходила. Гартман взглянул на Тони, как бы спрашивая, чего еще хочет девочка. Тони протянула руку и взяла цветы, вдохнула их запах и сказала: «Спасибо, детка моя хорошая!» Девочка переплела ножки, покачалась на месте направо-налево и пошла себе. Тони проводила ее взглядом, полным любви, на ее губах блуждала грустная улыбка.

– Ну и ну, – сказал Гартман со смехом, – малышка эта – честная торговка: получила деньги – должна отдать товар! Во всяком случае, эта сделка завершилась для меня благополучно.

Подумала Тони: «Ведь он говорит – эта сделка. Значит, какая-то другая сделка не кончилась для него добром».

Тони подняла на него глаза. Хотя и знала она, что Гартман не привык обсуждать с ней свои дела, но в тот час его сердце раскрылось, и он начал говорить о делах, в которых погряз против воли и никак не может покончить с ними. А они влекут за собой распри и дразги, ссоры с компаньонами и посредниками, которые покупают товар за его деньги, а когда видят, что неизбежны убытки, списывают их на его счет.

Гартман начал с середины как человек, осаждаемый мыслями, и из его уст изливалось то, чем было переполнено его сердце. Тот, кто не искушен в коммерции, не сумел бы здесь ничего понять, тем более Тони, столь чуждая этой стороне жизни. Но Гартман, ничего не замечая, все продолжал рассказывать. И по мере того как он продвигался в своем повествовании, оно становилось все более сложным и запутанным, пока ему все не опротивело и в голосе его зазвучал гнев. Его посредники, на которых он полагался как на самого себя, злоупотребив его доверием, ввергли его в убытки, бесплодную трату времени, ссоры и унижение. Он до сих пор не знает, не ведает, как разделаться со всем этим. Заметив, что Тони слушает его, он вернулся к самому началу и растолковал ей все мелочи: то, чего не разъяснил, и то, чего не касался раньше. Тони начала схватывать общий смысл его слов, а то, что не воспринимала умом, постигала чувством, подняла на него глаза с сердцем, стесненным и озабоченным, потрясенная тем, что перед лицом всех своих горестей он стоит одиноко, без чьей-либо помощи и поддержки. Гартман ощутил ее взгляд и снова повторил для нее свой рассказ – на этот раз сжато. И внезапно все дела свои увидел по-другому, не так, как видел прежде. И поскольку он не собирался доказывать свою правоту, все для него прояснилось, и он осознал, что дела его вовсе не так уж плохи.

С напряженным вниманием Тони ловила каждую фразу, слетавшую с его уст. Из всего услышанного она уяснила, что причина его постоянного раздражения – в деловых неудачах. Сопоставила все это с историей развода. Он словно говорил: теперь ты знаешь, почему я был так раздражен, теперь ты знаешь, почему мы докатились до этого, дошли до развода. И Тони припомнилось все, что было связано с разводом, все предшествовавшие ему дни, но, вспоминая, она с неослабевающим вниманием прислушивалась к его рассказу.

Тони взглянула на него – ее карие глаза светились глубоким доверием. Она сказала:

– Я убеждена, Михаэль, ты найдешь достойный выход из затруднений, – и снова взглянула на него доверчиво и кротко, как если бы не он, а она сама попала в беду и просила о помощи.

Он посмотрел на нее так, как не смотрел с давних пор, и увидел ее такой, какой давно не видел. Она была на голову ниже его. Худоба ее плеч бросалась в глаза. На ней было гладкое платье, разрезанное на плечах, стянутое колечками коричневого шелка, и два белоснежных пятнышка проглядывали сквозь них. С трудом удержал он руку, чтобы не погладить ее.

Гартман не был привычен к длинным беседам с женой и меньше всего к беседам о делах. С тех времен, когда он построил свой дом, он ограничил себя домом и своей фирмой. Но дела обычно преследуют человека, и, бывало, он возвращался домой, и заботы читались на его лице. Вначале, когда их любовь была сильна и Тони просила его поведать ей свои тревоги, он отделялся поцелуем. Когда миновали те дни, он начал переводить разговор на другую тему, а с течением времени стал говорить с упреком: «Мало мне неприятностей на стороне, а ты еще пытаешься втащить их в дом!» Человеку хотелось бы забыть о деловых затруднениях, но мысли не подвластны ему, они осаждают его, превращая дом в филиал фирмы. Только в том и разница, что там дела овладевают его мыслями, а дома мысли одолевают его.

Отец не оставил Гартману богатого наследства, а жена не принесла приданого – все, что было у него, он добыл своим трудом. Его усердие было столь велико, что он отдалился от всего, не связанного с торговлей. Так оно было до женитьбы и так же – после женитьбы. Но, будучи холост, он говорил себе: «Женюсь, построю дом и в доме своем обрету душевный покой». А когда женился и построил дом, обнаружил, что обманут во всех своих ожиданиях. Вначале утешением ему была надежда, но вот и она оставила его.

Жена, правда, старается исполнить его желания, дети, которых она ему родила, растут, и, на первый взгляд, нет у него к дому никаких претензий. Разве что он не знает, что там делать. Завел он было друзей, но с течением времени, не найдя в них ничего интересного, стал воспринимать их так, словно они приходят только ради Тони.

Вначале он заглядывал в книги, которые читала Тони, и старался вникнуть в каждое слово. Но, прочитав три-четыре из них, читать перестал. «Любовные приключения и наряды, умствования и стенания, – размышлял Гартман, – к чему все это? Не хотелось бы мне оказаться в обществе таких людей!» Свое отношение к книгам Тони он перенес на нее самое, а потом и на весь дом. К времяпрепровождению с приятелями он не был привычен и, после того как запирали магазин, поневоле возвращался домой. Но не знал, чем занять себя там, и все ему опостылело.

Чтобы отвести душу, он начал курить. Вначале для того, чтобы затуманить сознание, а после – курил, как в тумане. Сперва сигареты, потом сигары. Сперва по счету, потом без счета, так что дым клубился по всему дому; курил, не видя в этом вреда, наоборот, ставил себе в заслугу то, что сидит молча, ничего не требуя от других. «У каждого своя отрада, – размышлял он. – Моя отрада в курении, ее отрада в другом». И поскольку он не потрудился узнать, в чем она, ее отрада, а от своей «отрады» удовлетворения не получал, сердцем его овладело смятение, и он стал ревновать ее к каждому мужчине, к каждой женщине, к каждому ребенку – ко всему.

Увидев ее разговаривающей с мужчиной или женщиной, играющей с ребенком, он говорил себе: «Что она так тянется к другим? Как будто у нее нет мужа и собственных детей!» Гартман был купцом и привык отмеривать товар точно, он знал, что тот, кто передаст лишнюю монету, потом ее недосчитается. Со временем он свыкся с этим – не потому, что примирился с ее поведением, а потому, что Тони стала ему не так дорога.

II

Солнце клонилось к закату. Всколыхнулись беззвучно колосья в полях. Одноглазо смотрели подсолнухи, их желтые лица потемнели. Гартман протянул руку в пространство и погладил тень Тони. Полное безмолвие царило во всей округе. Тони вонзила зонтик в землю и чертила им, оставляя царапины. Это действие, бесцельное и лишнее красоты, взволновало Гартмана. Снова он протянул руку и погладил воздух.

Солнце завершило свой переход, небосвод потемнел. Земля оцепенела в изумлении, деревья в полях окутались мглой. Становилось прохладней, бахчи благоухали. На вершине небосвода стала различима звезда величиной с булавочную головку. За нею еще звезда проступила между облаками и засияла, а за нею появились остальные звезды.

Дома и строения застыли в блаженстве безмолвия, и запах паленого терновника вместе с запахом скота поднимался от сада. Молчаливые, шли они оба, Михаэль и Тони. Парень и девушка сидели обнявшись и разговаривали. Внезапно их голоса смолкли, и дыханием затаенной страсти повеяло в воздухе. Пронесся легкий ветер, и послышался голос, а быть может, не голос...

Пробежал ребенок с горящей лучиной в руке. Однажды, когда был Михаэль Гартман ребенком, случилось, что у его матери кончились спички и она послала его принести огонь от соседки...

Бездумно пошарил он в кармане и достал сигарету, но запах поля отбил у него желание закурить. Он сжал сигарету в руке, раздавил ее и бросил. Понюхал пальцы и скривил нос. Тони достала из сумочки флакон с духами и вылила на руки несколько капель.

Их запах донесся до него, и доброе расположение духа овладело им. «Так-то», – сказал он себе, то ли соглашаясь с чем-то, то ли спрашивая.

После разговора с Тони он не мог простить себе, что все эти годы не говорил с ней о делах. Не порицая он ее за стремление вникнуть в его заботы, быть может, ему удалось бы достичь взаимопонимания с нею, и они не дошли бы до такого отчуждения. Этот урок пришелся ему по душе, поскольку он воспринял его в укор себе – как оправдание Тони. Снова сцепил он большие пальцы рук и сказал:

– Этот Свирш, я ненавижу его.

Тони опустила голову и промолчала. Гартман продолжал:

– Я не переносу его.

– А Танцера? – спросила Тони
очень тихо.

– Доктор Танцер? – Гартман произнес это имя гневно, по слогам. – Мне отвратительны все танцеры на свете! Казалось бы, для себя лично они ничего не хотят, но на самом деле всю свою жизнь подстерегают то, что предназначено для их приятелей. Свирш – знаю я, чего он жаждет. Стоит мне увидеть его белесые глаза и тщательно отделанные ногти, мне сразу же понятно, чего он добивается. Но Танцер – его душа всегда закрыта. Притворяется, что любит весь мир и не любит никого. Волочится за женщинами и ни одной женщины не любит ради нее самой, потому что она хороша, потому что она такая-то и такая-то, но потому, что она мужняя жена или потому, что она нравится другому, – именно этим она привлекательна для Танцера.

Тони подняла глаза на Михаэля. Была ночь, и он не видел ее глаз, но почувствовал, что ее взгляд исполнен благодарности, словно он одарил ее мудростью и знанием, которыми сама она овладеть не могла. Гартман, сердившийся на себя за то, что напомнил о Свирше и Танцере, испытал облегчение. Он огляделся по сторонам с чувством освобождения и радости. Увидел свет, мерцающий во тьме, протянул руку и, пальцем указав на него Тони, спросил:

– Ты видишь свет?

– Где?.. Да, там мерцает свет, – сказала Тони, вглядываясь в ночь.

Он сказал:

– Это свет заезжего двора.

– А я думала, что это светляк, – откликнулась Тони.

Она ощутила легкую дрожь и вместе с нею необъяснимое наслаждение. Хотя Тони слышала, как Гартман сказал, что это не светляк, а фонарь заезжего двора, внезапно она глубоко задумалась и теперь размышляла о первом светляке, виденном ею.

Это было в деревне, куда она приехала к тетке. В субботу в сумерках сидела она в саду. Во мгле засверкала искра и опустилась на теткин шляпу. Тони подумала, что это огонь, и испугалась – она не знала, что это светляк. Сколько лет было ей в те времена? Лет семь. Точно, как Ренате. Теперь Беата и Рената обретаются у тетки, а она, Тони, блуждает здесь с их отцом.

Сказал Гартман:

– Отдохнем там и поедим. Уж наверное ты голодна, ведь не обедала. Изысканных яств нам не подадут, но как бы то ни было, поедим и отдохнем.

Тони кивнула и задумалась: «Когда вспомнила я о светляке – тогда, когда Михаэль указал пальцем на свет, или тогда, когда я сказала ему, что, по-моему, это светляк?» Ей казалось, что и прежде она думала об этом светляке, потому что думала о детях, живущих в деревне. Дрожь пронизала ее всю так, как если бы то, что случилось с ней тогда, произошло сейчас.

Дорога все тянулась, сворачивая то вправо, то влево. Свет заезжего двора исчезал и появлялся, появлялся и исчезал. От земли веяло сыростью. Тони вздрогнула, хотя и не чувствовала холода. Молча вглядывалась она во мрак, обволакивающий ее и Михаэля. Снова стал виден свет заезжего двора и снова исчез. Тони вся сжалась, ее пробрал озноб.

- Холодно тебе? – спросил Гартман тревожно.
- Мне кажется, что приближаются люди.
- Нет здесь никого, – сказал Гартман, – хотя...
- В жизни не встречала такого долговязого, посмотри, пожалуйста, – сказала Тони. Человек, появившийся с лестницей в руках, влез на нее и зажег фонарь. Тони

зажмурилась и перевела дыхание.

Гартман спросил:

- Ты ничего не хотела сказать?

Опустив глаза, Тони ответила:

- Я ничего не сказала.

Гартман улыбнулся:

- Гляди-ка, дивные дела, мне-то показалось, что ты хотела сказать что-то.

Лицо Тони зарумянилось:

- Я хотела что-то сказать? – произнесла она, взглянула на свою тень и умолкла.

Улыбнулся Гартман:

- Раз так, значит, ты ничего не хотела сказать. А я-то думал, что хотела...

Тони молчала, продолжая идти рядом с Михаэлем. Появились две тени, голова одной двигалась рядом с головой Тони, а голова другой – рядом с головой Гартмана, пока они не разглядели двоих – парня и девушку. Весь воздух пропитался их затаенным вожделением. Гартман посмотрел на них, а они – на него. Тони опустила голову и взглянула на обручальное кольцо на своем пальце.

III

Вскоре они подошли к саду, огороженному с трех сторон. Его ворота были распахнуты, справа от них светил фонарь, и еще маленькие фонари, грушевидные и в форме яблока, висели на деревьях сада. Взглянув на вывеску, Гартман сказал:

- Я не ошибся, тут харчевня. Здесь найдется для нас что-нибудь поесть.

Он взял Тони под руку, и они вошли. Толстая девица с мощными формами разместились на нижней ступени лестницы, ведущей в дом, и резала овощи. Поздоровавшись с ними, она расправила подол, натянув его на колени. У Гартмана мелькнула догадка: «Она рыжая и веснушчатая. Хотя мне и не видно в темноте, я ощущаю это». Тони кивнула. Он посмотрел на нее удивленно: «Неужели Тони почувствовала, о чем я думаю?»

Он взял из ее рук зонтик, положил его на стул и, пристроив сверху свою шляпу, сказал:

- Сядем в саду. Но не предпочтешь ли ты поесть в комнате?

- Нет, будем есть в саду, – ответила Тони.

Подошел кельнер и вытер стол. Расстелил на нем скатерть и протянул им меню. Принес стакан с водой, поставил в него цветы и стал ждать, пока гости выберут кушанья. Гартман увидел, что большинство блюд, указанных в меню, вычеркнуто. Проворчал сквозь зубы:

- Что, всё уже съели?

Кельнер заглянул через плечо Гартмана и сказал:

- Сейчас же несут другие.

- Портите впечатление от вашей кухни, – произнес Гартман.

Кельнер склонился и объяснил:

- Вычеркнутые блюда съели, мы приготовили другие, но не успели их вписать.

– Пусть так, – заметил Гартман, – порадуемся, что нам предстоит отведать новых блюд.

- Ваша радость – наша радость, – сказал кельнер. – Хлеб черный или белый?

- Для загородной трапезы лучше черный, – промолвила Тони.

Кельнер обратился к Гартману:

- А какое вино прикажете подать?

– Вино! – откликнулся Гартман весело, как человек, довольный тем, что такая благодать еще не перевелась на земле. Ознакомившись с перечнем вин, он сделал выбор.

– Мы счастливы, – обратился Михаэль к Тони. – Полагали, что найдем самую малость, а нашли так много.

Тони лизнула языком морщинку у верхней губы – то ли от голода, то ли оттого, что не нашлась, что ответить. Вернулся кельнер и принес то, что они заказали. Михаэль и Тони принялись за еду. Тони было стыдно, что она много ест, но стыд не уменьшил ее аппетита. Картошка, шпинат и яйца, мясо с овощами, вообще все, что принес кельнер, было приготовлено превосходно. Тони сидела и ела в свое удовольствие. Звезды небесные отражались в соусе, а с ветки на дереве доносился голос птицы. Морщинки на лице Тони разгладились, она похорошела. Гартман положил на колени салфетку и прислушался к голосу птицы.

Девушка, повстречавшаяся им при входе, прошла мимо них. По пути она поглядывала на гостей, как на давних знакомых. Гартман посмотрел на нее и сказал:

– А разве не говорил я, что она рыжая и веснушчатая, хотя и вправду не мог разглядеть ее веснушки?

Тони подняла стакан с полевой гвоздикой, посмотрела на нее и вдохнула ее аромат. С того времени, как она научилась различать цветы, она любит полевую гвоздику за скромность и красоту. Ее посадила она на могиле матери. Эти полевые гвоздики, неприязнательные, не ищущие хорошей земли, с благодарностью смотрят на нее отсюда.

Снова прошла та девушка, неся в руках корзину, полную слив. Влага на сливах, созревающих в хранилище, издавала запах чрезмерно сладкий.

Держа в руках свой бокал, Гартман задумался: «С того дня, как мы с Тони пошли под свадебный балдахин, ни разу не вел я себя с ней как следует – так, как в день развода». Бессознательно он приподнял бокал и продолжал думать: «Нельзя человеку оставаться с женой, если он ссорится с нею. Брак без любви – не брак. Брак и ссоры – уж лучше развод». Гартман поставил бокал, придвинул прибор с приправами и взял зубочистку. И снова погрузился в размышления: «Тот, кто женился на женщине и не любит ее, обязан дать ей развод. А если не дает, должен любить ее. И любовь должна постоянно обновляться – во всякое время и во всякий час...»

– Ты сказала что-то?

Тони подняла руку, показала ему на дерево и сказала:

– Птица.

Гартман посмотрел на дерево.

– Это та певичка или другая? Конечно, конечно! – откликнулся Гартман с чрезмерным подъемом, хотя для его уверенности не было оснований.

Тони склонила голову на левое плечо и подумала: «Сидит себе маленькое существо, спрятавшись на дереве, а голос его трогает сердце».

Сцепив пальцы рук, Гартман смотрел на Тони, которая сидела, склонив голову. Плечи ее были скрыты от него, но два белоснежных пятнышка сверкали из просветов платья там, где оно сдвинулось, обнажив кожу плеча. «Теперь, – сказал Гартман самому себе, – посмотрим на другое плечо». И, не отдавая себе в этом отчета, постучал пальцами по столу.

Кельнер услышал и подошел. А раз уж тот подошел, Гартман достал кошелек, заплатил за ужин и дал чаевые. Кельнер склонился в поклоне и поблагодарил в выражениях, явно преувеличенных, то ли потому, что был пьян, то ли потому, что чаевые были щедры.

Ужин был хорош и обошелся Гартма

ну дешевле, чем он предполагал. В состоянии полного благодушия заказал он четверть бутылки коньяка для себя и сладкий ликер для Тони. Достал из кармана сигару, обрезал ее ножиком, вытащил портсигар и протянул Тони сигарету. Сидели они друг против друга, и дым поднимался над ними и перемешивался. Сверху светили маленькие фонари, а

над фонарями – звезды на небосводе. Тони отгоняла дым сигареты рукой и безмятежно курила. Взглянув на нее, Гартман сказал:

– Послушай-ка, Тони...

Тони подняла на него глаза. Гартман положил сигару и сказал:

– Снился мне сон.

– Сон? – Тони смежила веки, как во сне.

– Ты слушаешь? – спросил Гартман.

Тони открыла глаза, взглянула на него и закрыла их снова. Сказал Гартман:

– Не знаю, когда снился мне этот сон, вчера или позавчера, но я помню его во всех подробностях, как будто я и сейчас во сне. Ты слушаешь, Тони?

Тони кивнула. Сказал Гартман:

– Во сне я находился в Берлине. Пришел Зисенштайн проведать меня. Ведь ты знакома с Зисенштайном? В те дни он только вернулся из Африки. Я рад ему всякий раз, когда он навещает меня – он приносит с собой запах дальних пространств, о которых я мечтал в детстве. Но в тот день я не радовался. Быть может потому, что появился он утром, в то время, когда я люблю оставаться наедине с собой, или потому, что во сне мы не всегда рады тем, кому рады наяву.

И еще другой пришел с ним, молодой человек, который стал мне ненавистен как только вошел. Он вел себя так, как если бы разделял с Зисенштайном невзгоды всех его странствий. Из уважения к Зисенштайну я был любезен с его спутником...

– Ты слушаешь?

– Я слушаю, – ответила Тони шепотом, опасаясь, как бы ее голос не прервал его рассказ.

Гартман продолжал:

...Осмотрев мое жилье, Зисенштайн говорит:

– Найти бы мне такую славную квартиру, я бы снял. Я собираюсь здесь задержаться и устал от отелей.

Я отвечаю ему, что слышал о превосходной квартире в Шарлоттенбурге:

– Ведь ты можешь ее снять.

А он говорит:

– Раз так, отправимся туда.

Я прошу его подождать, пока я не позвоню сначала. А он говорит:

– Нет, напротив, пойдем немедленно.

И я пошел с ним.

Тони пошевелилась. Гартман продолжал:

– Когда мы прибыли туда, мы не застали хозяйки дома. Мне захотелось упрекнуть его за нетерпеливость и спешку, но я сдержал себя, потому что был рассержен и опасался сказать лишнее.

Спутник Зисенштайна потребовал от служанки, чтобы та немедленно отправилась за хозяйкой. Служанка смотрела на него с подозрением, а может быть, смотрела просто так, но я в своей ненависти к нему вообразил, что она в чем-то подозревает его.

Не успела служанка уйти, как вошла хозяйка дома. Смуглая, не молодая и не старая, то ли маленькая, то ли низкорослая, глаза какие-то болезненные, одна нога короче, но при этом она не выглядит калекой. Наоборот, кажется, что она не идет, а танцует. И скрытое веселье мерцает на ее губах, что-то вроде затаенной эротической радости, словом – дева радости...

Гартман знал, что Тони напряженно слушает, но спросил все же:

– Ты слушаешь, Тони?

И продолжал рассказывать:

– Комнаты, которые она нам показала, были хороши, но Зисенштайну они не понравились, и он говорит мне: «Не советовал бы тебе снимать эту квартиру. Ведь приближается зимнее время, а здесь нет печки».

Я смотрю на него с изумлением: кто собирается снимать квартиру – я или он? Мне-то зачем: у меня прекрасная квартира, я ею доволен и не хочу менять на другую. Зисенштайн же настаивает на своем и повторяет:

– Дом без печки! Дом без печки! Я не советую тебе снимать здесь.

Хозяйка квартиры говорит:

– Но ведь здесь есть печка.

Зисенштайн парирует:

– Где она, печка-то? В спальне! А как с кабинетом? Госпожа, ведь это сплошное стекло! Ты ищешь себе дом для жилья или подзорную трубу, чтобы рассматривать в нее замерзших птиц?

Его слова убеждают меня настолько, что мороз проходит по моей коже. Я оглядываюсь и вижу, что в кабинете множество окон. Киваю головой и говорю: «Так-то...»

Уставилась на меня болезноглазая чарующим взглядом и вся распрямилась в танце. Отворачиваюсь я от нее и думаю: «Что делать, как спастись от стужи?» Кожа на мне вся съезжилась. И тогда я проснулся и увидел, что одеяло сползло с постели...

Как только завершил Гартман рассказ о своем сне, ему показалось, что не следовало рассказывать, но вместе с тем он испытал облегчение. Дабы разрешить противоречие, он сказал насмешливо:

– Хорошенькую историю рассказал я тебе! По правде говоря, не стоило рассказывать.

Тони облизнула губы, и глаза ее увлажнились. Его взгляд ненамеренно остановился на ней, и ему почудилось, что такими же глазами смотрела на него хозяйка комнат. Сейчас она лишена какого-либо недостатка, но... хотя он не мог этого объяснить, ему казалось, что стоит Тони встать со своего места, и обнаружится ее хромота. Но поскольку это не увечье, как он убедился, глядя на ту женщину во сне, ясно, что если даже окажется, что Тони хромота, он не воспримет ее как калеку. Гартман поднялся, взял шляпу и сказал:

– Пойдем.

Тони встала и вынула свои цветы из стакана, потом стряхнула с них воду, обернула в бумагу, понюхала их и замешкалась на мгновение: не спохватится ли Михаэль и не сядет ли снова. Она опасалась дороги, боялась спугнуть осенивший их покой. Появился кельнер и протянул Тони ее зонтик. Отвесил поклон, а затем еще один, вслед им, и проводил их до выхода из сада. После того как они вышли, он погасил фонари. Сад померк, и все вокруг него тоже. В траве прыгнула лягушка. Тони в испуге выронила цветы.

С реки доносилось громкое кваканье. Электрические провода рассыпали искры, очевидно, из-за какого-то повреждения. После двух-трех шагов они пропали вместе со столбами, и замерцали уже другие искры. Это были огоньки светляков, крапившие мрак своим светом. Гартман застыл в изумлении: «Что происходит здесь?» – спросил он себя. Сердце его было безмятежно, как будто в самом этом вопросе содержался ответ.

Продвигаясь медленно, шаг за шагом, они вышли к реке. Река обреталась в своих берегах. Ее воды тихо струились. Звезды небосвода испещрили легкие волны, и луна плыла на поверхности вод. Издалека послышался крик хищной птицы, и его пронзительное эхо прокатилось

в воздухе.

Тони скрестила ноги и оперлась на зонтик. Она опустила ресницы, и ею овладела дремота. Волны поднимались и опускались, усталые. Лягушки квакали, а прибрежные травы издавали резкий запах.

Тони изнемогала, веки ее отяжелели. Шелестели травы, а речные воды бессильно катились. Глаза у Тони перестали подчиняться ей и закрывались сами собой. Но Михаэль был начеку. Никогда прежде не был он так чуток. Малейшее движение вызывало в нем отклик, и он напряженно вглядывался, чтобы ничто из происходящего не ускользнуло от него. Хорошо было ему, Михаэлю, оттого, что есть у него Тони в этом мире и в этот час.

Однако то, что было хорошо для него, не было хорошо для нее. Она устала, ноги не держали ее.

Спросил Михаэль:

– Устала ты?

Ответила Тони:

– Я не устала, – но голос ее противоречил словам.

Михаэль рассмеялся, и Тони взглянула на него удивленно. Почувствовав ее недоумение, он сказал:

– Гулял я однажды с дочками. Спрашиваю их: «Устали вы?» Отвечает Рената: «Я не устала, только ноги у меня устали».

Вздохнула Тони и сказала:

– Птичка милая.

Гартман раскаялся в том, что напомнил о дочерях. Поглядел по сторонам в надежде, что появится экипаж и довезет их до города. Над землей стояла тишина. Не слышно было ни звука колес пролетки, ни шума автомобиля. Посмотрел вокруг себя, нет ли где телефонной будки. Исполнился жалости к этой маленькой женщине, бредущей без сил. Раз-другой он помог ей, поддерживая ее. Платье ее отсырело от влажного воздуха, и она изредка вздрагивала. Если не найти для нее крыши над головой, не миновать ей простуды.

Город далеко, воздух промозглый. Михаэль собирался было снять пиджак и укутать им Тони, но побоялся, что она откажется. А он не хотел делать ничего такого, что могло вынудить ее отказаться.

Сказал себе Михаэль: «Возможно, мне удастся найти для нее ночлег в харчевне, где мы ужинали». Он взял ее за руку

и сказал:

– Вернемся в харчевню.

Тони бессильно побрела за ним.

IV

Они возвращались по той же дороге, пока не добрались до сада. Гартман толкнул ворота, и те распахнулись. Они вошли и поднялись по каменным ступеням. Дом безмолвствовал. Кельнера и девицы не было видно. Наверное, не ожидая гостей, все уснули. Каждый шаг вопил о своей неуместности. Гартман отворил дверь дома, заглянул внутрь и вошел. Слова приветствия, произнесенные им на пороге, остались без ответа. Но внутри они обнаружили какого-то старика со злобным лицом, который, сгорбившись, сидел у стола, держа в зубах трубку.

Гартман обратился к старику:

– Найдется здесь место для ночлега?

Тот взглянул на него и на женщину, пришедшую с ним, и по глазам старика было видно, что он вовсе не рад этой паре, которую занесло сюда после полуночи в поисках пристанища любви. Он вынул изо рта трубку и, положив ее на стол, уперся в них своим угрюмым взглядом и жестким голосом проговорил:

– Одна комната свободна.

Тони покраснела. Михаэль смял свою шляпу в комок, но промолчал. Хозяин дома взял в руки трубку, перевернул ее, выбил о стол и извлек пепел, а за ним подгоревший табак, отделил остатки табака, ссыпал в трубку, утрамбовал их большим пальцем и сказал:

– Комнату предоставим госпоже.

Наконец поднял глаза и добавил:

– И для господина также найдется место. У нас принято, когда все переполнено, стелить на бильярдном столе.

Тони кивнула хозяину дома:

– Большое спасибо.

Гартман сказал:

– Не покажете ли нам комнату?

Хозяин встал и зажег свечу, открыл перед ними дверь и ввел их в просторную комнату. Там находились три кровати, одна из них была постелена, стол для умывания и на нем две миски и два кувшина с водой, рядом большая бутылка, наполненная наполовину и прикрытая перевернутым стаканом. Сломанный рог висел над застеленной кроватью, а на нем – свадебный венок. Голова оленя и кабанья голова смотрели со стен красными стеклянными глазами. Взял хозяин стакан, осмотрел его, поставил и замер в ожидании Гартмана. Гартман протянул было руку, собираясь проверить матрас. Увидев это, хозяин сказал:

– Пока никто не жаловался, что в этом доме не спалось ему сладко.

По лицу Гартмана прошла тень, рука безвольно застыла в воздухе.

Хозяин поставил у кровати свечу и сказал:

– Теперь господин пойдет со мной, и я постелю ему.

И снова замер в ожидании гостя.

Гартман понял хозяина. Он взял руку Тони и пожелал ей крепкого сна. Ее горячая рука прильнула к его руке, и взгляд ее карих глаз объял его сердце.

Спустя немного времени хозяин постелил Гартману на бильярдном столе, а пока стелил, беседовал с ним. Гнев его миновал, лицо просветлело. Теперь, когда гость был без женщины, он находил его вполне благопристойным. Спросил его, на скольких подушках привык тот спать и каким одеялом предпочитает укрываться – тонким или плотным, и не желает ли он попить чего-нибудь перед сном. Напоследок вручил ему горящую свечу и спички и удалился. Немного погодя Гартман вышел в сад.

Фонари были погашены, но вышний свет озарял мрак. Травы и мандрагоры источали влажный, бодрящий запах. Каштан сам собой сорвался с дерева и раскололся. И снова упал каштан, ударился о землю и раскололся. Гартман стоял, и сердце его было обращено к тому, что произошло этой ночью. Он подошел к месту, где они ели с Тони. Стулья стояли, прислоненные к столу, и роса сверкала на его оголенной поверхности. На земле валялась толстая сигара. Это была сигара, которую Гартман положил на стол, когда начал рассказывать Тони свой сон.

«Сейчас покурим», – подумал Гартман, но, не успев достать сигару, позабыл о своем желании. Спросил себя: «Что собирался я сделать? Подняться на этот холмик...» В действительности у него не было такого намерения, но раз сказал – взобрался.

Холмик был куполообразный, широкий внизу и сужающийся кверху, небольшой и окруженный кустарником и офонтиями. Он вдохнул в себя воздух и задумался. «Конечно уж, у каждой колючки есть свое название. Сколько из них я знаю? Больше, чем думал. Я бы удивился, окажись, что садовник тратит не меньше труда на цветы, чем на колючки. Эти садовники выкорчевывают колючки вместо того, чтобы выращивать их, а сажают их не там, где следует. Возможно, названия, которые я помню, как раз подходят этим колючкам, что растут здесь». Внезапно он улыбнулся: «Корчмарь этот не знает, кто мы друг для друга – я и Тони. Как злобствовал он, когда мы попросили место для ночлега...»

Однажды в детстве стоял Гартман на таком же холмике, но вдруг скатился и упал. Вспомнил об этом, и трепет охватил его. Ведь то, что произошло однажды, может повториться. Им овладел ужас – как бы ему не упасть. Не иначе, как обязательно упадет. Да, это чудо, что до сих пор он не скатился и не упал, а если не упал, упадет, рано или поздно. И пусть опасность падения отсутствует, сам его страх опрокинет его, и он упадет. Пока он еще держится на ногах, но ноги его подгибаются и скользят – он упадет, и кости его рассыплются.

Собрался с духом и спустился с холмика. И, оказавшись внизу, не мог надивиться: «Холмик этот, какой он высоты? Шаг или полтора, а какой ужас он вселил в меня!» Смежил веки и сказал: «Устал я». И вернулся в гостиницу.

Совершенный покой царил в доме. В одиночестве сидел хозяин в небольшой комнатушке и, потирая щиколотки одну о другую, попивал снотворное зелье. Вошел

Гартман крадучись, разделся, взобрался на бильярдный стол и растянулся на нем. Укрылся и уставился в стенку.

«Странно, – размышлял Гартман, – все то время, что я стоял на холмике, я думал только о себе, как будто один я на свете, как будто нет у меня двух дочерей. Как будто нет у меня – жены».

Любил Гартман своих дочерей, как всякий отец, любящий своих дочерей. Но и, как все отцы, не забывал о себе ради чада своего. Происшедшее на холмике отверзло его сердце. Он испытывал стыд и изумление.

Он копался в себе снова и снова: «Что произошло на том холмике? В сущности, не произошло ничего. Всего-то и было: он взобрался на него, и ему померещилось, что он скатывается и падает. А упади он – ну и что? Растянулся бы и встал...»

Он вытянулся на своем ложе и размышлял улыбаясь: «Смешон был Танцер в ту минуту, когда я увел Тони у белобрысого. Есть еще чем потешиться на свете... Но вернемся к главному. Происшествие на холмике – что это? Не нынешнее, когда я только сейчас стоял на нем, а то, давнее, когда я свалился с него...»

Было это так. Однажды отправился он с приятелями погулять. Взобрался на вершину холмика и внезапно оказался опрокинутым в яму. Самого падения он не помнит. Однако памятно ему, что увидел себя низвергнутым в яму. И что-то сладкое сочится изо рта, и губы изранены, язык распух, и все тело разбито. Но плоть его обрела покой, как у человека, который сбросил с себя тяжесть и расправил свои члены. Множество раз случалось с ним потом, что он падал. Однако такого покоя не обрел ни в одном из падений. Похоже на то, что кусить подобное дано человеку только раз в жизни.

Он погасил свечу, закрыл глаза, собираясь вспомнить то происшествие. Подробности перепутались, как во сне. В доме раздалось стрекотание сверчка и оборвалось. Тишина удвоилась и утроилась. Тело его затихло, душа успокоилась. Снова застрекотал сверчок. «Хотелось бы знать, – сказал себе Гартман, – сколько он будет стрекотать?» Продолжая задавать себе этот вопрос, он начал думать о Тони.

Перед ним возник ее облик, ее движения и два пятнышка на ее коже, проглядывающие из разрезов коричневого платья. Невозможно отрицать, она уже не молода. И хотя в ее волосах еще нет седины, у нее появилось немало морщинок. Самая резкая из них та, что у верхней губы. Может, у нее не хватает зуба?

Скептические размышления о Тони, накопившиеся в его сердце за долгое время, не оставили его и в этот час. Но он знал, что все эти недостатки вовсе не портят ее. И в сладостном порыве он вызвал перед собой видение – ее несравненный образ, который начал ускользать от него вопреки его воле. Как худы ее плечи, а стать – прелестной девушки. Он округлил свою руку в воздухе и почувствовал, что краснеет.

Беседуя сам с собой, Гартман различил нечто вроде едва слышной воркотни. Погруженный в мысли о жене, он решил, что эта воркотня исходит из ее комнаты. Открыл глаза, приподнял голову и прислушался. «Помоги мне, Б-же, помоги! Неужели с ней что-то случилось?» Правда, ничего невозможно было разобрать – их разделяла стена. И этот звук не свидетельствовал о бедствии. Но он сидел, выпрямившись на своем ложе, пытаюсь расслышать хоть что-то, надеясь, что до его ушей донесется отзвук живой реальности. Быть может, ему дано спасти ее...

И снова она появилась перед ним такая, как днем, отбрасывающая на лоб вуаль и поднимающая к лицу полевые гвоздики, и вонзающая в землю зонтик, и разгоняющая дым сигареты.

Между тем, исчез зонтик и рассеялся дым, а полевых гвоздик стало так много, что они покрыли собой весь тот холм. Ошеломленный, смотрел он перед собой. Тем временем веки его смежились, голова откинулась на подушку, а душу охватила дремота, и дух его стал витать в мире снов – там, где отсутствуют все преграды, разделяющие их.

*Í àðàíà ñ èàðè òà
Í àòàí à Òàéí àèüüà*

ОСМЕЯНИЕ

N. Aí-íèèé

Однажды зимою в полупраздничный день сидел святой Баал-Шем^[*] с дружиной своих учеников и беседовал. Беседуя, совершали благословение над рюмочкой, курили трубки, а в промежутках пели. Когда пьют и поют, обыкновенно бывают веселы, а когда люди веселы, – они смеются.

Отзывается один из святой дружины, рабби Довид Лейкес:

– Смех – великое дело! Смехом радости можно служить Б-гу лучше, чем слезами печали.

На это святой Баал-Шем замечает:

– Существует смех еще более возвышающий, чем смех радости. Это когда не ты смеешься, а над тобою смеются.

Сказал – и ни слова больше.

Подхватывают ученики изречение, начинают пояснять, растолковывать его, точно развертывают свитки Торы.

Вступает рабби Вольф

Кицес:

– Когда я смеюсь от радости, душа моя только расширяется, но не подымается ввысь. Если же надо мною смеются, я оказываюсь в положении скамеечки под ногами, на которую смеющийся становится, чтобы подняться. Но так как истинная причина повышения лежит не в нем, а в том, на что он опирается, то и ввысь подымается не смеющийся, а тот, над кем он смеется.

Не соглашается с ним рабби Довид Пиркес:

– Нет, – говорит он, – здесь кроется совершенно иной смысл. Если надо мною смеются, значит, мои поступки или слова непонятны и новы для смеющегося. А если я совершил или сказал что-нибудь новое, я внес в мир нечто обновляющее и этим поднялся на высшую ступень.

Отзывается слабым голосом болезненный рабби Бер из Межерича:

– Смех («цхойк») и Победа («ницохойн») равны по буквенному счислению и тождественны по своей сущности. И смех и победа, завершая борьбу и опираясь лишь на то, что уже было, имеют «душу прошлого». А так как в победном смехе непременно кроется жестокость, то он по существу своему материален. Поэтому противоположная сторона, тот, над кем смеются, обладает и противоположными свойствами: он весь в будущем и духовен. Это и поднимает его на высшую ступень.

Святой Баал-Шем молча выслушивает учеников, улыбается и говорит:

– Пойдем куда-нибудь... Вероятно по дороге над нами где-нибудь посмеются. Тогда и постигнете сущность этого смеха...

Радует святая дружина. При поездках с учителем всегда видишь удивительные вещи.

Велят Алексе запрягать.

Алекса всю жизнь прослужил у святого Баал-Шема возницей. Многие поэтому полагают, что он был каким-то необыкновенным человеком. Но это ошибка, Алекса был самым простым мужиком, к тому же горьким пьяницей. Но он отличался одной особенностью: что ему ни приказывали, он тотчас исполнял без рассуждений и вопросов. При своих поездках святой Баал-Шем обыкновенно приказывал Алексе садиться спиной к лошади и спать. Он беспрекословно исполнял это. Если бы ему было приказано запрячь лошадь хвостом вперед и головой к повозке, он, не задумываясь и не рассуждая, принял бы так запрягать. И не потому, чтобы он понимал, что святому Баал-Шему не следует задавать

вопросов. А просто ему не была присуща сама способность «вопросов». А не была она ему присуща потому, что весь он находился на ступени «Повиновения» и еще не достиг ступени «Воли». Святой Баал-Шем часто указывал ученикам на это свойство Алексы. Однажды, углубившись в кабалистическое рассуждение о «двух крайностях, которые соприкасаются», он закончил примером:

– Высшая ступень духовности должна привести человека к такому же уничтожению воли и своего «я», к какому Алекса доведен низшей ступенью материальности.

Запряг Алекса лошадку в сани – и едут. Куда? Это уже дело лошадки. Знаете... Алекса, закутав голову в тулуп, сидит спиной к лошади и спит. Мороз обжигает. Снег под полозьями визжит и стонет. Деревья в лесу, трескаясь, перестреливаются. А святая дружина? – ее это и не трогает! Даже болезненный рабби Бер из Межерича забывает укутать шею шарфом. Все углубились в рассуждения. О чем? – О награде и наказании.

Святой Баал-Шем, по обыкновению, слушает молча. Затем улыбается и точно мимоходом замечает:

– Если наказанием искупается грех, то ведь наградой должна искупиться добродетель?

Святая дружина огорошена замечанием. Все умолкают, испуганно переглядываются. И вдруг рабби Довид Пиркес выкрикивает:

– Если наградой отнимается у нас добродетель, то не надо мне награды! Отказываюсь от нее! Достаточно мне удовлетворения от сознания, что совершил благое дело.

Отзывается тихо рабби Бер из Межерича:

– Тогда ведь удовлетворение превратится в награду?

Раздается грозный голос сурового «Толдеса»:

– В таком случае, не надо и удовлетворения! Отвергаю и добродетель, и награду!

Признаю только непрерывное выполнение воли Г-сподней как единственный источник жизни человеческой. И ничего больше!

Ставит вопрос рабби Вольф Кицес:

– Как же тогда понимать «грех»?

Молчат все, не знают, что ответить. Приходит им на помощь святой Баал-Шем, подставляет плечо:

– Если, – говорит он, – возможен человек без добродетели, то возможен и грех без человека.

И подтверждает стихом из Библии:

«И обернулся (Моисей) туда и сюда, и увидел, что нет человека». Обращивание туда и сюда есть облик греха. И как только человек совершил грех, сразу «видно, что нет человека», ибо, оторвавшись хотя бы на миг от источника жизни, человек становится мертвым. Значит, грех надо понимать как смерть...

Спрашивает рабби Вольф Кицес:

– А покаяние?

Отвечает святой Баал-Шем:

– Покаяние – воскрешение из мертвых.

Вдруг останавливается лошадка. Остановилась – так остановилась. Значит, так и должно быть, хотя кругом лес и не видно жилья. Вылезают из саней. А так как наступает время вечерней молитвы, то молятся. Вдруг на дороге показываются сани.

Едут двое, издали похожи на детей. Подъезжают ближе – юноша и девушка, сидят, прижавшись друг к дружке, почти замерзшие. А лошаденка дохлая, еле переставляет ноги. Останавливают ее, стараются привести молодых людей в чувство, дают в рот несколько капель вина, они приходят в себя. Спрашивают их: кто они и куда? Плачут оба. Успокоившись, юноша рассказывает. Он и девушка жили у богатого корчмаря слугою и служанкою. Так как они оба круглые сироты и совершенно одиноки, они решили пожениться и стали женихом и невестой. Тем временем случается, что служанка не так быстро

выполняет приказание корчмарши, и та гневается и начинает ее бить. Юношу это очень огорчает, и, хотя сам слуга, он заступает за невесту. Тогда корчмарь избивает их обоих и выгоняет на улицу. К счастью, они имеют несколько червонцев, покупают лошадку и сани и едут куда глаза глядят. Едут несколько недель, истратили до последнего гроша и уже двое суток ничего не ели. А тут еще мороз окреп, – они потеряли последние силы и стали замерзать.

Дают им есть. Когда насытились, суровый «Толдес» строго спрашивает:

– Как это юноша и девушка ездят вместе без «стража»?

Опускает девушка глаза, застыдившись. А юноша начинает оправдываться.

Улыбается святой Баал-Шем и говорит:

– Тогда поедem в ближайшую корчму и поженим их.

Садятся в сани. А рабби Вольф Кицес переходит к жениху и невесте за «стража».

Едут дальше. Через короткое время лошади останавливаются у корчмы. Оглядываются юноша и девушка – та самая корчма, где они служили. Они пугаются и удивляются, как могли столь быстро вернуться сюда?

Выходят из корчмы хозяин и хозяйка. Узнают своих слуг и приходят в большой гнев. Кричат:

– Опять притащились сюда, негодные? Чтоб ноги вашей здесь не было!

Начинает святой Баал-Шем успокаивать их:

– Нечего вам сердиться, – говорит он, – это мы взяли их с собою.

Отвечает корчмарша:

– Нашли драгоценный клад!

А святой Баал-Шем говорит

дальше:

– Так как юноша и девушка –

жених и невеста, мы здесь у вас поженим их.

Тут уж корчмарь и корчмарша не могут удержаться от смеха. Как раз нашел место, где устраивать свадьбу бездельникам! И велют ехать дальше.

А святой Баал-Шем отвечает спокойно:

– Нет, мы поженим их здесь, у вас. И вы потрудитесь приготовить хороший ужин.

Теперь корчмарь и корчмарша уже громко хохочут: еще ужин приготовить!

А святой Баал-Шем продолжает:

– Да! Вы приготовите ужин из лучших яств с дорогими винами. А мы заплатим, сколько будет нужно.

– А сколько заплатите? – спрашивает, смеясь, корчмарь.

– Сколько потребуете, – отвечает святой Баал-Шем и показывает горсть червонцев.

Увидали червонцы и перестали смеяться. Корчмарь взглянул на корчмаршу, она на него. У обоих является мысль: не украденные ли это червонцы? И оба тотчас успокаивают себя: какое нам дело? И корчмарь соглашается приготовить самый лучший ужин.

Заходят все в корчму. Начинают готовиться к свадьбе. Когда все готово, сам святой Баал-Шем совершает обряд. Затем идут к столу, сажают молодых в почетном углу, едят, пьют и веселятся.

После «Семи благословений» святой Баал-Шем подымается и громко вызывает:

– Теперь поднесем свадебные подарки молодым.

И прибавляет:

– Я дарю им эту корчму со всем хозяйством, со всеми строениями, с лошадьми, коровами и овцами!

Услыхав это, корчмарь и корчмарша начинают покатываться со смеху. И посылают за крестьянами из деревни, чтобы они пришли посмеяться над чудаками. А те делают свое. После святого Баал-Шема подымается «Толдес».

– А я, – говорит он, – дарю молодым весь лес на милю вокруг корчмы!

– А я, – отзывается тихо рабби Бер из Межерича, – дарю им водяную мельницу!

– А я – винокурню! – подхватывает рабби Вольф Кицес.

А рабби Довид Лейкес дарит 1000 корцев хлеба из графских амбаров.

А рабби Довид Пиркес – 100 бочек вина из графского погреба.

Подбегает к столу корчмарь и, покатываясь со смеху, кричит:

– А я дарю молодым те 10000 червонцев, которые граф сегодня получил аренды от своих корчмарей!

Не хочет отстать от мужа и корчмарша и, задыхаясь от смеха, кричит:

– А я дарю невесте бриллиантовую брошь и драгоценные серьги, которые носит графиня!

Спрашивает святой Баал-Шем:

– Может быть, подарите молодым что-либо из собственного добра? Ведь служили вам столько лет!

Хохочет корчмарь. А корчмарша, смеясь, говорит мужу:

– Подари им «дворец», что на окраине деревни!

Все громко хохочут. На окраине деревни стоит ветхая лачужка с провалившейся крышей, без окон и дверей.

А святой Баал-Шем спрашивает:

– Больше ничего не подарите?

– Больше ничего!

Вздыхает святой Баал-Шем. Встает из-за стола, платит за ужин тяжелыми червонцами и прибавляет еще червонец за скатерть, которою накрыт стол. Затем призывает молодого человека и говорит ему:

– Собери в скатерть все, что осталось от ужина: недоеденные яства, недопитые вина возьми к себе в сани. И садись с женою и поезжай в добрый час.

– Куда? – спрашивает молодой человек.

– Вправо... – отвечает святой Баал-Шем.

И больше – ни слова. Затем садится вместе со святой дружиной в сани, и едут обратно. Не успевают оглянуться – и уже в Меджибоже.

А молодой человек исполняет все, что ему велел святой Баал-Шем: забирает с собою скатерть с остатками ужина, садится с женою в сани и едет вправо. А корчмарь и корчмарша, и крестьяне из деревни провожают их громким хохотом, насмешками и ругательствами. И они едут и не понимают, что произошло с ними, и кажется им, что все это было сном. Но вспоминают, как над ними смеялись, и у них щемит сердце, и они горько плачут.

Тем временем начинает светать. Вдруг останавливается лошадка. Оглядываются молодые, видят издали: в снегу лежит человек. Подъезжают ближе – лежит молодой пан, совсем замерзший, но еще бьется сердце. Начинают приводить его в чувство, растирают снегом – открывает он глаза. Вспоминает молодая женщина, что у них в скатерти вино со свадебного ужина, бежит к саням, приносит вино и вливает молодому пану в рот несколько капель, чтобы оживить его. Он приходит в себя и слабым голосом просит есть. Вспоминает молодая женщина, что у них в скатерти много яств со свадебного ужина, бежит к саням, приносит и дает молодому пану есть. И он ест с большой жадностью и выпивает целую бутылку вина. И когда насыщается, рассказывает, что с ним произошло.

Он – единственный сын старого графа, владельца всей округи. Вчера он выехал на охоту. Вдруг лошадь понесла, сбросила его с себя и убежала. Остался он один в глухом лесу. И чем дальше идет, все больше углубляется в лес. Кричит он, но никто его не слышит. Блуждал целые сутки, выбился из сил и от большой усталости, голода и холода упал без чувств и стал замерзать.

Тем временем, пока он рассказывает, начинают издали раздаваться звуки рожков, голоса, топот лошадей. И тотчас появляется много всадников с каретами. И когда видят молодого графа, все сильно радуются, подбегают и целуют ему руки и подхватывают его и сажают в карету и быстро уезжают.

И молодой человек с женою остаются одни в лесу и не понимают, что произошло с ними. И кажется им, что все это было сном.

Когда привозят молодого графа во дворец, выбегают ему навстречу старый граф с графиней, обнимают и целуют его и велят устроить большой пир. И не могут опомниться от радости. Тем временем молодой граф вспоминает о своих спасителях и приказывает позвать их. Но никто не знает, где они. Тотчас посылают всадников разыскивать их. И скоро их приводят во двор и ведут в лучший зал, и граф с графиней очень благодарят их, что спасли жизнь единственному их сыну. И старый граф спрашивает, кто они и откуда? И молодой человек рассказывает, как они с женою служили у такого-то корчмаря и тот, разгневавшись, избил и выгнал их. И старый граф приходит в большой гнев на корчмаря и кричит:

– За то, что он выгнал вас, я дарю вам его корчму со всем хозяйством, со всеми строениями, с лошадьми, коровами и овцами.

Отзывается графиня:

– А я дарю им весь лес на милю вокруг корчмы!

Выступает молодой граф:

– А я, – говорит он, – за то, что они спасли меня от смерти, дарю им водяную мельницу и винокурню, и 1000 корцев хлеба из наших амбаров, и 100 бочек вина из нашего погреба!

А старый граф прибавляет:

– Ведь им на первое время нужны наличные деньги. Дарю им те 10000 червонцев, которые вчера получил аренды от своих корчмарей.

Не хочет отстать от мужа

и графиня:

– Так как молодая женщина – новобрачная, дарю ей бриллиантовую брошь и драгоценные серьги, которые ношу.

И снимает с себя и надевает на молодую женщину брошь и серьги.

А молодые люди стоят ошеломленные от большого счастья и не понимают, что творится с ними. И им кажется, что все это происходит во сне. И вспоминает молодой человек про корчмаря и корчмаршу, и ему становится жалко их, и он спрашивает:

– Куда же денутся корчмарь с женою в такой мороз?

Хохочет старый граф:

– Какое тебе дело до них?

А графиня, смеясь, говорит мужу:

– Подари корчмарю «дворец», что на окраине деревни!

Все громко хохочут. На окраине деревни стоит ветхая лачужка, с провалившейся крышей, без окон и дверей.

Слушают молодой человек с женою этот смех и кажется им, что смеются не граф и графиня и окружающие их, а корчмарь с корчмаршей, с крестьянами из деревни. И у них сжимается сердце, и они начинают горько плакать...

Когда об этой истории говорили за столом у святого Баал-Шема, он произнес стих из Библии:

«Даже в смехе болит сердце».

И пояснил:

– Даже когда надо мной смеялись, у меня болело сердце за корчмаря и корчмаршу. Их жалко было вдвое...

И он тяжело вздохнул.

^[*] *Áaaë-Óai, eëë Áaaë-Óai-Óra - «Áraðúé çàëëíàòáëü». Óàë èì áí çþò ááëëéíáí éáááëéíòà-
ì èíòéëà, óíáííà-áëííéëà óáíéáëçì à óáááë Èíðíýëà èç Ì ááëéáíæà, æéáóáíí à XVIII ááéà (óí áð á 1760 á).
Áíëü» èí ñò áí óáíéáííéó éááí ä è íëáçáí èé íáýçáí í ñ áíí èì áí áí. Í í:-òè áí áíáó óéáððèðþò è áíí ó:-áí éëë,
è í ííëáííáòáëë - «íáýòáý äðæéíà», í éíòíðúò òáëæá íëíæáíí í ííæáííòáí éááí ä (Í ðèì. àáòíðà)*

ИЕРУСАЛИМ

Nàì óèè Ì àððàé

*Í í àðí íé òàððò àáí í íé àíðí àá
Áòí æó á ðí áí íé Èáððí ñéèí
È í à ñàýò òí àá í íðí àá
Ñòíð ñ óí áí è í àá è æ èí .*

*Ì áí ý àíò ðá-ààò àéé çí àéí òí úé,
Í à íé ù àáýò í áí-í úé òí ðá
Áááò òí éí à Í í à çááí áí ò à
È ÷ æ á áé í óò í è á áí ò í ðá*

*Óòí ýò í ò è ðí ò ù á ðáð-ááí é,
Çáð-àò í áí ááí ÷ æ ááí ò ò ðáí,
È ááò, è á-áýíí, á á ðí á áðí áí éé
Çà è ááò ááí í í è ááò ááí .*

*Í í í ðí ò ù àé ááí úý æéçí è áðáí í íé
Çáéðí èé í ðí ò éí á, è áé áúí, -
Óòí ý-áé áò úý í áéçí áí í ú
Óáí è òí éí ú, Èáððí ñéèí !*

*È áááò ñééí í ú è áí éé í ú
Óðáí è ò ù çááí í áí ýò ù ò áðéí ú,
È í áá í í ñé ááí è á ðé í ú
Í ááò, ááé áí è ñ áó áí ú.*

*Áí áí ááéà, á éð áí é í áá æ áá
Ðí áí í é, ñàýò í é Èáððí ñéèí
Í ðááó ááò ò í ò æ á ÷ ò í è í ðá æ áá -
È áé ò ááðáú í áááí áý í áá í éí !*

1918

*È è ò ááò ò óòí í-ðááí æ ááí ò ááí í ú é
ñáí ðí éé «Ñáóððò»
Ááðéí, 1922 ñ á*

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

Éaííeá Áíáðáá

Ñ áðáíeéi áíeíáíeáí íðí:æ ý ñíáíáíeá ííeííeé «Í íáíe áçáóó» í ááíáá íí ááðáíeéíí ó áííðíí ñ íáeéí eéóíí «eçíááð», íí-áeáéí íí ó ááeííáeóáeííí ííááíí eáíííí. Í ðááííeáááóíí é ááeá íáíá:áí - óáe ñíáííeéí «eéóíí» - ðýá íáá, eéííýíeóíí é íáeáá:áíeð óýæéíe ó:áííe ááðáá: óíe:óíæáíeá:áðóó ííáeíííðe íí íóíííóáíeð é áíðíááí é í áííóá:eáí, óí ðáçáíáíeá íðíóáí óííe «ííðí ú» á ñááíeéó é áíííeéó ó:áíííó çááááíeýó, ñíçááíeá ñááeáeíííó ááðáíeééó ó:eééú, íííðáííáeá ááeá ááðáíeéíe ýí eáááeéé íá ííáíó, eéðíeéó é ðáçí íúó ííííááíeýó. Í ðeçíááííí, ý íá ñáçó ííááðeé á áeááð áííóí; áá é óá ñeáí ííáeééíí ý ííáííóíð, áçáíeí íááííúá íáí áííóáí áíý, óáeéá íóíáííeéííe eçáííðeð ñ íáeííóíðíí íááíááeáí, áííeíá íííýóííí áeý ðíííeéó eðááe, eíðíðíó óáe ðááéí é óáe íáííóííí ááeéíó æeçíú Í í:áííóíúá íeóéé ííáóááðeááðò eçáííðeá é íá ááðeóúíáíeá - çíá:eéí áú ñí íáááðóííí á ñáí íí ñí úíeá íúíáóíáe ááeééíe «ííáíáíeóáeíííe» áíeíú, íá eðíáe ðíííeéó, ííeýeíá, ááðáá é eáóóíóáe áíçááeááðíáe ñááóeúe óðáí íáííáeáííe æeçíe. E, íáeííáó, ý íðííóí ááóááí í íá íáí íá ááðeóúí óáe eáe áíóáeá í íý ááóá eááóúe ííáóíðýóúí áí áíóá ñááeééí ááðáíeéí ííýóíí: «Áíeíeá, áíeíeá, áíeíeá?»

*Í ááíá! Áííe á ááí, á áðáíeá íeíááí,
 Áúá æeáííóáðíe Á-áí á íðáííeá,
 È eéóúí íá íí íáçðeí, - óí í íeéóáíí
 óíóúáí
 Í í íáe íeóíááeáí ííe áíeá!
 Ó í áíý áíeúóá íáó íe í íeéóáí
 á áðáe,
 Í é á ðeáó í íeó íeé, í é íááæeá
 áí áááe...
 Í, áíeíeá, áíeíeá, áíeíeá?*

*Óáeí - Í áóí áí Áýeéé
 «Í áá áíeíáe»*

Недавно один старый, по-видимому, давно охолодевший и изверившийся журналист слегка посмеялся над словом «чудо», которое так часто произносится теперь: по его мнению, чудес вообще не существует. По моему мнению, также чудес не существует, если под словом «чудо» понимать произвольное нарушение естественного, логического и неизбежного порядка вещей; но для меня же, смотрящего на самое жизнь, а не на таблицу умножения, – именно логика и является величайшим чудом. Ах, что бы было, если бы логика, действительно, царила над жизнью, если бы в этой нашей проклятой человеческой жизни, где столько бессмысленных несчастий, слез и диких обид, простейшее дважды два – четыре не было редчайшим чудом, равным претворению воды в прекрасное вино! Разве погибали бы теперь в страшной из войн миллионы лично ни в чем не повинных людей, если бы ясный силлогизм, а не темный и страшный алогизм лежал в основе нашего сложного и неразгаданного бытия? Логика – вот чудо; дважды два – четыре – вот то необыкновенное счастье, которое так редко выпадает на нашу долю!

И как назвал я чудом и обрадовался, словно чуду, отрезвлению России и возрождению Польши, – так и близкое разрешение «еврейского вопроса», древнейшего и самого темного из алогизмов, мне кажется чудесным, веет чем-то праздничным на душу, вызывает чувство светлой и огромной радости, близкой к благоговению... И то, что для меня, как и для многих других русских писателей, все это никогда не было даже вопросом, отнюдь не умаляет чувства необыкновенности готового свершиться; ведь и простой братский поцелуй представляется почти что чудом, и способность растрогать до слез в ту пору, когда правилом жизни и высшей мудростью ее является свирепая братская поножовщина.

И как мне, русскому интеллигенту, не чувствовать этой необыкновенности, когда наряду с разрешением «вопроса» вдруг раскрепощается и моя душа, выскакивает из замкнутого круга привычно тяжелых и однообразных переживаний, избавляется от боли,

которая, сопровождая меня всю жизнь, приобрела все черты тех хронических и неизлечимых страданий, от которых избавление только в могиле. Ведь если для самих евреев черта оседлости, норма и прочее являлось роковым и неподвижным фактом, искажавшим всю их жизнь, то для меня, русского, она служила чем-то вроде горба на спине, неподвижного и уродливого нароста, неизвестно, когда и при каких условиях полученного. Но куда бы я ни шел и что бы я ни делал, горб тащился со мною; он ночью мешал мне спать, а в часы бодрствования, на людях, он преисполнял меня ощущением конфуза и стыда, как ходячую, хотя и безвинную кривду.

Я не хочу доказывать основательность и справедливость новых мероприятий и ломиться в дверь, которая для меня всегда была открыта, но вот об этом горбе моем я позволю себе сказать еще несколько слов. Когда вскочил на мою спину «Еврейский вопрос»? Я не знаю. Я родился с ним и под ним. Но с того первого момента, как я сознательно отнесся к жизни, и вплоть до настоящей минуты я живу в его вредной атмосфере, дышу ядовитым воздухом, которым окружены все эти «вопросы», все эти темные, мучительные, несносные для ума алогизмы.

Кому это нужно? Для кого это хорошо? Ведь если это существует, поддерживается, кем-то яростно и неизменно утверждается, то ведь должен быть определенный смысл: очевидно, черта оседлости, учебная норма и прочее увеличивают для человечества сумму радостей, поднимают жизнь на высоту, расширяют пределы человеческих возможностей. Так думал я, исходя от логики, и, от той же логики исходя, на все означенные вопросы я мог ответить только голым отрицанием: никому не нужно, ни для кого не хорошо; не только не увеличивает сумму радостей на земле, но плодит множество совершенно ненужных, бессмысленных страданий, слез, крови, давит одних и скверно развращает других. И, сознавая это, видя ясно, как Б-жий день, что в еврейском «вопросе» нет никакого вопроса, — я, русский интеллигент, счастливый представитель державного племени, чувствовал себя бессильным и обреченным лишь на бесплоднейшее томление духа. Ибо все ясные доводы моего интеллигентского ума, самые горячие тирады и речи, искреннейшие слезы сочувствия и вопли негодования неизменно разбивались о какую-то глухую и неотзывчивую стену. А всякое бессилие, если оно не способно помешать преступлению, становится соучастничеством; и вот получилось в конце концов дикое положение: ни в чем лично не погрешив против брата, для всех третьих лиц и для самого брата я приобретал отталкивающее обличие Каина.

И первым следствием моего рокового бессилия было то, что еврей не верил мне, а вместе с этим я лишился и собственного доверия. Сожительство с евреями как их согражданин, находясь с ними в постоянных сношениях, личных, деловых, товарищеских на почве совместной общественной работы, я таким образом каждый день буквально лицом к лицу становился перед еврейским «вопросом» — и каждый день с невыносимой остротой испытывал всю фальшь и жалкую двусмысленность моего положения как угнетателя поневоле. В докторском кабинете, у себя за столом, в редакции, на улице, наконец, даже в тюрьме, где одинаково с евреем выполнял я общественную повинность, — я всюду, везде оставался привилегированным «русским», представителем державного племени, бароном, хотя без баронского герба. И с ужасом я видел, как даже в глазах друга-еврея мелькает какая-то тень... какие-то страшные образы встают за моими русскими и дружескими плечами и в мою искреннюю речь о «гражданстве мира» вплетают совсем неподходящие звуки и голоса... А ведь он меня знал, знал мое отношение к евреям, — а что же с теми, которым известно про меня только то, что я «русский»?

Помню, как я однажды целую ночь спорил с одним талантливейшим писателем-евреем, моим случайным и радостным гостем. И я убеждал его, что он, редкий мастер слова, должен писать, а он упорно твердил, что, всей своей душой художника любя русский язык, он не может писать на нем — на том языке, где существует слово «жид». Конечно, логика была за мною, но за ним стояла какая-то темная правда (она не всегда бывает светлою), и я чувствовал, что постепенно мои горячие убеждения начинают звучать фальшью и дешевым

пустозвонством. Так я и не убедил его, а, прощаясь, не решился его поцеловать: сколько неожиданных смыслов могло оказаться в этом простом, обыденном знаке расположения и дружбы?

Плохо дело, когда даже поцелуй становится подозрительным и может иметь «толкования», как сложный акт сложных и загадочных отношений! А так и было; и сколько диких, кошмарных недоразумений порождал ядовитый болотный туман, в котором бродили все мы, друзья и враги, в котором очертания самых простых предметов и чувств приобретали зловещую искаженность фантомов. Не могу здесь не вспомнить о кошмарном, в свое время нашумевшем случае с Е.Н. Чириковым: благороднейший и пламенный защитник гонимого племени, автор драмы «Еврей», послужившей, как ни одна другая русская драма, к рассеянию злостного предрассудка, – он вдруг самым бессмысленным образом, без тени каких бы то ни было оснований, был оскорблен обвинением в антисемитизме; и нужно было еще доказывать, что это – неправда. Какая тяжелая, какая со всех сторон позорная бессмыслица!

Кому все это нужно? Кто же этого не знает? Думал с тоскою каждый из нас, снова и снова видя перед собой мучительную необходимость: убеждать кого-то неверующего, что дважды два – четыре... четыре!!!

А за границей? «Какая несправедливость!» – думал я, когда вся эта культурная заграница, отделив от меня Толстого, точно я его украл, немедленно предъявляла мне строжайший счет за известные всему миру «эксцессы» и недвусмысленно косилась на мой извечный горб. Но она не желала знать, что я тоже вообще против этого, для нее я был русским, и говорила она так: скажите, почему у вас, в России?..

Смешно теперь и дико подумать, что наше пресловутое «варварство», в котором обвиняют нас враги и которое наших друзей делает столь нерешительными и конфузливymi, все целиком и исключительно основано на нашем еврейском вопросе и его кровавых эксцессах. Отнимите от России эти эксцессы, оставьте даже антисемитизм, но в тех, внешне пристойных формах, в которых его доживают зады самой Европы, и мы сразу станем очень приличными европейцами, отнюдь не азиатами и варварами, место которых – за Уралом. Это – факт, очевидность которого подчеркивается каждым новым днем войны.

Да, конечно, мы очень отстали в культурном отношении, крайне слабо развита наша промышленно-экономическая жизнь, не высока наша гражданственность, и во всех формах быта чувствуется ясно, что мы еще только начинаем и уже сделали довольно много для народа, который всего пятьдесят лет назад уничтожил крепостное право, и в крайнем случае справедливый европеец может упрекнуть нас только в малокультурности. Но произнесите рядом с «русским» слово «еврей» – и я сразу становлюсь варваром, темным и страшным человеком, от которого веет холодом и мраком на светозарную Европу; тотчас же начинают меня ненавидеть в Америке, презирать в Англии и Франции, с быстротою театральных превращений из соотечественника Толстого я превращаюсь в родного брата тех, которые загоняют гвозди в голову, – я варвар. И даже немецкий антисемит, существо тупое и ничтожное, смотрит на меня свысока и предупреждает Англию: смотрите, с кем вы идете – ведь это те самые, которые!..

Кому это выгодно, чтобы Европа презирала меня, ненавидела и боялась? – думал я в недоумении, чувствуя, как на европейском солнце безмерно вырастает мой проклятый горб, и словно экраном закрывает тот свет, который с «востока» и в который вообще не прочь бы поверить утомленный и пожилой Запад. Кому это нужно, чтобы я, как оплеванный, шатался среди культурных народов, избегал назвать себя русским и дикой роскошью «чаевых», бросаемых направо и налево, добывал иронический поклон, столь необходимый моему непризнанному достоинству? Варвар, варвар!..

Война на многое открыла глаза, и в этом для нас, русских, печальное счастье войны. И теперь, когда Германия клеймит Францию и Англию за союз с «варварами-русскими, которые...», когда союзники, опираясь на нашу же стихийную силу, за кулисами своих громких симпатий трепещут от сомнений и страха, – начинаю догадываться, кому это

было выгодно, кому было необходимо, чтобы в сонме европейских государств мы остались одиноки с нашим варварством. То, что – несчастье для нас, то является счастьем – для соседки, Германии, с ее «испытанной» дружбой, на которую громогласно ссылался Вильгельм с балкона своего дворца. Как варвары мы только превосходный и незаменимый рынок для немецких мертвых и живых товаров, двухсотмиллионное стадо баранов для стрижки; как культурный народ – мы опасная сила для мечты о мировом захвате.

И еврейский вопрос с его эксцессами и гвоздями в голову – это тот козырь, который всегда хранился за обшлагом у честного германского соседа и в нужную минуту выбрасывался на зеленый стол. И он был прав со своей игрецки-германской точки зрения, чуждой сентиментализма и простой честности, – но мы-то! Мы-то за что испивали эту горькую чашу! Теряя уважение к себе, не веря в свою силу, жалко развращаясь в условиях противоестественного существования, насильственно уменьшая «нормой» количество своих образованных и культурных людей – вот, поистине, шутка самого дьявола! – мы всем народом старательно исполняли тот «Танец Дураков», который еще недавно под видом пьесы из русской жизни с таким успехом шел на берлинских сценах. Ведь не нужно забывать, что горячий польский антисемитизм, который теперь так пугает нас и так затрудняет дело нового строительства, что холодный антисемитизм финляндский, всей силы которого мы еще не знаем, – есть лишь логическое развитие основного абсурда, его естественные и ядовитые плоды. Но об этом пока еще не время говорить.

Да простится мне, что в столь важный для еврейства час я упорно говорю не о нем, не о его страданиях, а о нас. Повторяю, для меня еврейский вопрос никогда не был вопросом, и мне нет надобности для оправдания новых мероприятий ссылаться на героизм евреев в деле обороны России, на их трагическую по своей верности любовь к России; доказывать же еще и еще раз, что «еврей – тоже человек», значило бы не только слишком низко кланяться абсурду, но оскорблять тех, кого любишь и уважаешь. И когда я настойчиво продолжаю говорить о себе и своих страданиях, то это не эгоизм личности, даже не грубый эгоизм класса – это простительный эгоизм целого народа, который слишком долго играл жалкую роль на подмостках Европы и в собственном сознании, который ныне, отрекаясь от страданий вчерашнего дня, в заре новых дней ищет возможности, – о, только возможности! – уважать себя.

Да, мы еще варвары, нам еще не верят поляки. Мы еще темный страх для Европы, неразгаданная угроза ее культуре, но мы больше не хотим ими быть, мы стосковались по чистоте и разуму, нас безмерно тяготит наше жалкое рубище. Еврейской трагической любви к России соответствует наша столь же трагическая в своей верности и неразделенности любовь к Европе, – ведь мы сами евреи Европы, наша граница – та же черта оседлости нашей, своеобразное российское Гетто. И пусть наши Пушкин и Достоевский, как ваш Бялик, доказывают Европе, что мы – тоже люди... нам не верят, как не верят и вам: вот то равенство, в котором можем все мы почерпать горькое утешение, вот та кара, которую справедливая жизнь мстит русским за страдания евреев!

Жажда самоуважения – вот то основное чувство, которое сейчас, в дни страшнейшей войны, с неслыханной силой охватило все русское общество, подняло народ на небывалую красоту подвига и заставляет страшиться всего, что напоминает печальное прошлое наше. Оттого так невыносима травля немцев; мы не хотим никакой травли; оттого так ненавистно все, что как отрывка вчерашнего пьянства, искажает наши бескорыстные намерения и цели: лучше свое уступить, чем взять чужое лишнее, – вот лозунг нынешнего большинства. Разве могла бы совершиться трезвость, если бы не это предпричастное чувство наше? Заслуженно гордясь победами нашего славного воинства, как тщательно скрываем мы эту гордость, копим ее в душе, как драгоценнейшее, и как ненавистно отсюда всякое хвастовство и величание! Не с надменностью праведного фарисея идем мы к алтарю, а с покаянной молитвой: но яко разбойник исповедую Тя.

Надо всем понять, что конец еврейских страданий – начало нашего самоуважения, без которого России не быть. Пройдут черные дни войны, и нынешние «варвары-германцы»

снова станут культурными германцами, к голосу которых снова будет прислушиваться весь мир. И необходимо, чтобы ни этот голос и никакой другой уже больше никогда не произнес во всеуслышание: «варвары русские».

Ἐὐὐαὐαὐαὐαὐαὐαὐα «Ἰὐὐ»
Ἰ ἸἸἸἸ 1916

Еἰπάει Ἀσπασίην Ἐἰ ἄϊδ

Случилось это в городе дураков Хелме. Да где еще могло такое случиться? Зимним утром сидели в здании совета общины Гронам Вол, мудрейший человек Хелма, и пятеро старейшин – Тупица Лекиш, Зайнвл Остолоп, Трейтл Дурачина, Сендер Осёл и Шмендрик Олух. Все шестеро усталые, с красными от недосыпа глаза. Семь дней и ночей бились они над задачей, а решить ее никак не могли. Казна города Хелма опустела. И уже много недель ни Гронам Вол, ни старейшины не получали жалованья.

Хотя была и не Ханука, но Шлемиль, посыльный – он сидел на другом конце стола – играл сам с собой в волчок. Вдруг дверь отворилась и вошел Залман Типиш. Самый богатый человек в Хелме. Борода у него была длинная и седая. Увидев Залмана Типиша, Гронам со старейшинами удивились. Залман Типиш никогда не приходил к старейшинам, потому что ему назначили платить самый высокий налог.

– Доброе утро, Гронам Вол! Доброе утро, старейшины, – торжественно поприветствовал их Залман Типиш.

– Доброе утро и тебе, Залман Типиш, – ответили все разом. – Что привело тебя сюда в такую рань?

– Я пришел к вам за советом, – сказал Залман Типиш. – Если совет будет хорош, я заплачу в казну две тысячи золотых.

– А что за совет тебе нужен? – спросил Гронам Вол.

– Вы все знаете, мне недавно исполнилось восемьдесят. А также вы знаете, что никто не живет вечно. Но я, Залман Типиш, хочу жить вечно. Хочу всегда есть блины со сметаной, пить чай с вареньем и кофе с цикорием, хочу всегда курить свою длинную трубку. Короче, хочу жить вечно.

– Жить вечно! – воскликнули Гронам Вол и пятеро старейшин. – Да разве такое возможно?

– Вот поэтому-то я к вам и пришел, – сказал Залман. – Если вы меня научите, как жить вечно, получите то, что я обещал. – С этими словами Залман Типиш достал кошелек, туго набитый золотом, и высыпал монеты на стол.

Гронам Вол и старейшины увидели эту грудку золота и давай перешептываться. Залман Типиш был известный скряга. Гронам Вол тотчас приставил палец ко лбу – чтобы крепче думалось. Старейшины последовали его примеру. Гронам Вол размышлял долго и наконец сказал:

– Тебе отлично известно, что Хелм – самый мудрый город в мире и я, Гронам Вол – мудрейший человек в Хелме, а следовательно, и во Вселенной. Однако же я не могу дать тебе того совета, который тебе нужен. Никто не может жить вечно. Даже я, Гронам Вол, не буду жить вечно.

– Даже Мафусаил не жил вечно, – добавил Тупица Лекиш.

– Даже царь Соломон не жил вечно, – подхватил Зайнвл Остолоп.

– Даже наш раввин не будет жить вечно, – заявил Трейтл Дурачина.

– Даже львы не живут вечно, – заметил Сендер Осел.

– Даже слоны не живут вечно, – сказал Шмендрик Олух.

– Все это верно, но я, Залман Типиш, желаю жить вечно. Если вы не посоветуете мне, как это сделать, ни гроша не получите.

Гронам Вол собрался было сказать, что помочь ему не в силах, но тут Шлемиль, посыльный, высунул язык и большим пальцем коснулся кончика носа, показывая, что хочет вставить слово.

– Что ты хотел сказать, Шлемиль? – спросил Гронам Вол.

– Я нашел выход, – ответил Шлемиль.

– Ты нашел выход? – изумился Гронам Вол.

– Да, мой господин. Тут вот какое дело. На прошлой неделе мне весь день нечем было заняться, и стал я просматривать архивы наших предместий. В числе прочего проглядел я и архивы Далфунки.

– Далфунка – это где живут все бедняки и нищие Хелма? – спросил Гронам Вол.

– В Далфунке и живут, – сказал Шлемиль. – Как вам известно,

в наши книги занесены имена всех, кто родился и умер за последние триста лет.

Когда я просматривал список тех, кто умер в Далфунке, то понял, что там не умер ни один богач. А значит, богачи в Далфунке живут вечно. Посему я бы посоветовал Залману Типишу купить дом в Далфунке, поселиться там и жить вечно. Все очень просто.

Гронам Вол, разинув рот, уставился на него.

– Шлемиль, ты дал верный совет. Но как же такое возможно? Ты что, умнее меня?

– Умнее тебя никого нет, Гронам Вол, – воскликнули пятеро старейшин хором.

– На это у меня только одно объяснение: ты столько лет просидел с нами рядом, что часть нашей мудрости передалась тебе.

– Верно, – согласились пятеро старейшин.

А Тупица Лекиш добавил:

– Даже кобыла, пробудь она столько времени с нами, поумнела бы.

– Залман, ты получил хороший совет. А теперь отдай нам две тысячи золотых, – сказал Гронам Вол.

– Прежде чем дать вам такую кучу денег, я хочу убедиться в том, что совет верный, – ответил Залман Типиш. – Пока что я дам вам десять золотых задатка, а когда перееду в Далфунку, если проживу вечно, расплачусь сполна.

– Так долго мы ждать не можем, – возразил Гронам Вол. – Нам деньги нужны прямо сейчас.

– Либо берите десять монет, либо ничего не получите, – упорствовал Залман Типиш.

Долго Гронам Вол и старейшины торговались с Залманом Типишем, но как всегда Залман Типиш настоял на своем. Он отдал Гронаму Волу десять золотых и ушел.

Пять лет Залман Типиш жил в Далфунке, ел блины со сметаной, пил чай с вареньем и кофе с цикорием, курил свою длинную трубку и не умирал. Гронам Вол частенько просил его расплатиться сполна, на что у Залмана Типиша был всегда один ответ:

– Сначала я проживу вечно, а потом уж расплачусь.

Залман Типиш правильно сделал, что не заплатил вперед, потому что на шестой год он умер.

Когда Гронам Вол узнал об этом, он немедленно собрал всех старейшин, и они семь дней и семь ночей размышляли о том, почему же Залман Типиш умер. И снова объяснение нашел Шлемиль. Пять лет Залман не вел никаких дел, потому что в Далфунке никаких денег заработать нельзя. А вместо этого он потратил чуть не целое состояние на такие роскошества, как сметана, кофе, табак и цикорий. Так что он, по всей вероятности,

обеднел, ну и умер – как все бедняки.

– Чтобы жить в Далфунке вечно, надо быть таким богачом, как Ротшильд, – сказал Шлемиль.

Гронам Вол и пятеро старейшин вновь восхитились остротой ума Шлемиля. Гронам Вол тут же разослал письма Ротшильдам – приглашал их срочно приехать в Далфунку и начать жить вечно. Но шли месяцы, а Ротшильды все не ехали. На сей раз Гронам Вол нашел этому причину сам.

Он сказал:

– Богачи такие скряги, что предпочтут задешево умереть в Лондоне, Париже или Вене, чем жить в Далфунке вечно, но задорого.

– Так что нам теперь делать? – спросили старейшины.

– Мы сами должны разбогатеть.

– Как? – спросили старейшины.

– Подняв налоги на бедняков Хелма, разумеется, – ответил Гронам Вол.

Шлемиль обычным своим манером дал понять, что хочет высказаться. А хотел он сказать, что согласно его последним данным даже Ротшильды недостаточно богаты, чтобы жить в Далфунке вечно. На что Гронам Вол ему ответил:

– Шлемиль, все предельно ясно. Нам больше твои советы не понадобятся. Сиди и помалкивай.

– Молчи уж, – добавил Тупица Лекиш.

– Ты всего лишь посыльный, а не мудрец, – крикнул Зейнвл Остолоп.

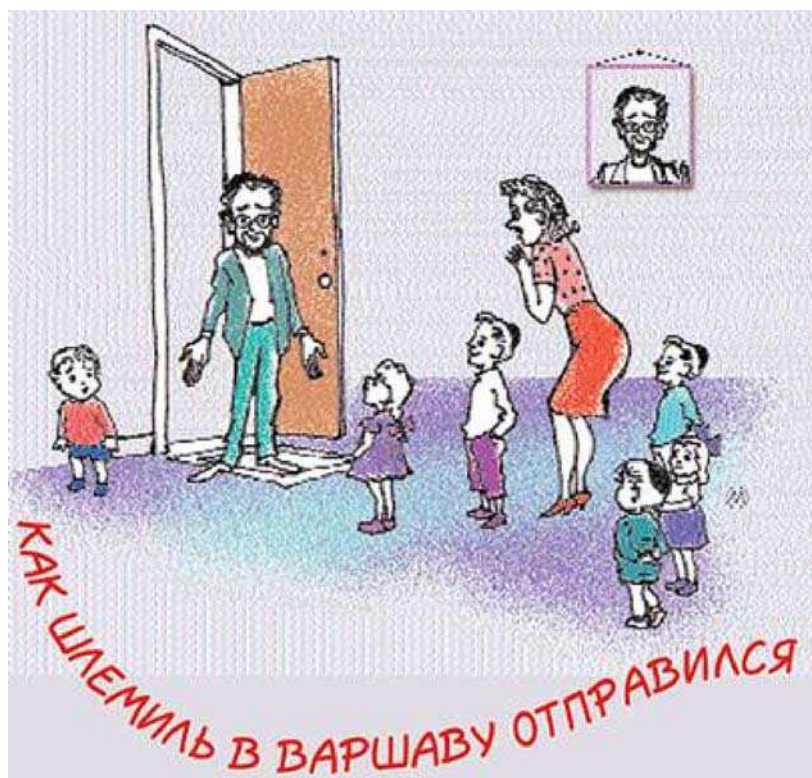
– Даже вполонину не мудрец, – взвизгнул Трейтл Дурачина.

– И никогда тебе не жить вечно, – проорал Сендер Осел.

– Даже вполонину вечно, – завопил Шмендрик Олух.

Поскольку говорить ему запретили, а заняться больше было нечем, Шлемиль вытащил свой волчок и начал играть сам с собой. Пока волчок крутился, Шлемиль бормотал:

– Упадет на правый бок, я проиграл, а упадет на левый – ты выиграл.

Шлемиль хоть был соней и лежебокой – ему даже пальцем лень было пошевелить, но постранствовать всегда мечтал. Он слышал много историй про дальние страны, огромные пустыни, глубокие моря да высокие горы и частенько говорил госпоже Шлемиль, что хотел бы отправиться в долгое путешествие. Госпожа Шлемиль обычно отвечала:

– Долгие путешествия не для Шлемиля. Ты лучше посиди дома и присмотри за детьми, а я пойду на базар овощи продам.

Но Шлемиль никак не мог отказаться от своей мечты повидать мир и его чудеса.

А в Хелме недавно побывал человек, который рассказал Шлемилю удивительные вещи о городе Варшаве. О том, какие там прекрасные улицы, какие высокие дома и роскошные лавки. Шлемиль твердо решил, что должен своими глазами увидеть великий город. Он знал, что к путешествию надо готовиться. Но что ему взять с собой? У него ничего не было, кроме потрепанной одежонки, что на нем. Однажды утром, когда госпожа Шлемиль отправилась на базар, он велел старшим мальчикам не ходить в хедер, а остаться дома и смотреть за младшими детьми. А сам взял два-три куска хлеба, луковицу, зубчик чеснока, связал все это в узелок и пешком отправился в Варшаву.

В Хелме имелась улица под названием Варшавская, и Шлемиль был уверен, что она ведет напрямик в Варшаву. Соседи, встречавшие его, спрашивали, куда он направляется. Шлемиль отвечал им, что идет в Варшаву.

– А что ты будешь делать в Варшаве? – спрашивали они.

И Шлемиль отвечал:

– А что я делаю в Хелме? Ничего.

Вскоре он добрался до окраины города. Шел он медленно, потому что у его башмаков подошвы до дыр износились. Вот уже дома и лавки кончились, начались поля и луга. Он повстречал крестьянина, который на волах пахал землю. Шел Шлемиль, шел и устал. Так вымотался, что даже голода не чувствовал. Прилег он на лугу у дороги и решил немного подремать, но перед тем как заснуть, подумал: «А если, проснувшись, я не вспомню, в какой стороне Варшава, а в какой – дорога назад в Хелм?» Поразмыслив немного, он снял башмаки и поставил рядом с собой мысками в сторону Варшавы, а

задниками – к Хелму. Вскоре он заснул, и снилось ему, что он пекарь и печет булочки с луком и маком. Приходят покупатели

за булочками, а Шлемиль

им говорит:

– Эти булочки не на продажу.

– А зачем же ты их испек?

– Я их испек для своей жены и детей и для себя.

Затем ему приснилось, что он в Хелме царь. И раз в год каждый житель Хелма приносит ему вместо налога банку клубничного варенья. Сидит Шлемиль на золотом троне, а рядом сидят госпожа Шлемиль, царица, и его дети, царевичи и царевны. Все они едят булочки с луком и черпают варенье ложками. А потом приехала карета и отвезла всю царскую семью в Варшаву, Америку и на реку Самбатсион, которая всю неделю бежит по камням, а в шабос отдыхает.

У дороги, неподалеку от того места, где спал Шлемиль, была кузница. Кузнец вышел из нее, как раз когда Шлемиль ставил свои башмаки мысками к Варшаве. Кузнец был большой шутник и, едва Шлемиль заснул, осторожно подкрался к нему да развернул башмаки в обратную сторону. Проснулся Шлемиль отдохнувшим, но голодным. Взял он кусок хлеба, натер его чесноком, откусил луковицу. А затем надел башмаки и отправился дальше.

Шел он, шел, и все вокруг выглядело на удивление знакомым. Он узнавал дома, которые видел и раньше. Ему казалось, что он знает людей, которые ему встречались. «Неужели я дошел до другого города? – изумился Шлемиль. – И почему он так похож на Хелм?»

Он остановил прохожего и спросил, как называется этот город.

– Хелм, – ответил прохожий.

Шлемиль был озадачен. Разве такое возможно? Он же шел из Хелма. Как он мог снова оказаться там? Он потер лоб и скоро нашел разгадку. Существует два Хелма, и он добрался до второго.

И все же было очень странно, что улицы, дома, люди так походили на тех, что остались в Хелме, который он покинул. Шлемиль это озадачило, но тут он вдруг вспомнил, чему его учили в хедере: «Мир везде одинаков». Тогда почему второму Хелму не быть точь-в-точь таким, как первый? Это открытие Шлемиль успокоило. Ему стало любопытно, есть ли здесь улица, как его, и дом, как тот, в котором он жил. И впрямь, вскоре он дошел до такой улицы и такого дома. Наступил вечер. Он открыл дверь и к своему изумлению увидел вторую госпожу Шлемиль с детишками, совершенно как его дети. Даже кошка была такой же. Госпожа Шлемиль тут же принялась его бранить.

– Шлемиль, куда ты пропал? Ты ушел из дома один. И что у тебя в узелке?

Все дети подбежали к нему с криками:

– Папа, ты где был?

Шлемиль помолчал, а потом сказал:

– Госпожа Шлемиль, я не ваш муж. Дети, я не ваш папа.

– Ты что, спятил? – завопила госпожа Шлемиль.

– Я Шлемиль из Хелма Первого, а это Хелм Второй.

Госпожа Шлемиль всплеснула руками, да так, что куры, спавшие под печкой, в страхе проснулись и разбежались по комнате.

– Дети, ваш отец сошел с ума, – запричитала она. И немедленно послала мальчиков за знахарем Гимпелом. Сбежались все соседи.

Шлемиль стоял посреди комнаты

и объяснял:

– Верно, все вы похожи на людей в моем городе, но вы – не они. Я пришел из Хелма Первого, а вы живете в Хелме Втором.

– Шлемиль, что с тобой стряслось? – крикнул кто-то. – Ты в своем доме, с женой и детьми, с соседями и друзьями.

– Нет, вы меня не поняли. Я пришел из Хелма Первого. Я шел в Варшаву, и между Хелмом Первым и Варшавой есть Хелм Второй. Где я сейчас и нахожусь.

– О чем ты говоришь? Мы все знаем тебя, а ты знаешь всех нас. Ты хоть кур своих узнаешь?

– Нет, я не в своем городе, – упорствовал Шлемиль. – Впрочем, – продолжал он, – в Хелме Втором и люди, и дома такие же, как в Хелме Первом, вот почему вы ошиблись. Завтра я продолжу свой путь в Варшаву.

– Где же тогда мой муж? – спросила грозно госпожа Шлемиль и принялась осыпать Шлемиля всеми ругательствами, какие только приходили ей в голову.

– Откуда же мне знать, где ваш муж? – ответил ей Шлемиль.

Кое-кто из соседей не удержался от смеха, остальные жалели несчастное семейство. Знахарь Гимпел заявил, что снадобье от этой болезни ему неизвестно. И вскоре все разошлись по домам.

Госпожа Шлемиль в тот вечер приготовила лапшу с фасолью, блюдо, которое Шлемиль особенно любил. Она сказала ему:

– Ты, может, и сошел с ума, но даже сумасшедшим надо есть.

– С чего вам кормить незнакомца? – сказал Шлемиль.

– На самом деле ослу вроде тебя положено питаться соломой, а не лапшой с фасолью. Садись и не болтай. Может, подкрепишься, отдохнешь и опомнишься.

– Вы хорошая женщина, госпожа Шлемиль. Моя жена не стала бы кормить незнакомца. Похоже, между двумя Хелмами кое-какая разница все-таки имеется.

Лапша с фасолью пахла так аппетитно, что Шлемиля больше уговаривать не пришлось. Он сел за стол и, пока ел, разговаривал с детьми.

– Дорогие детки, я живу в доме, который точь-в-точь такой, как этот. У меня есть жена, и она с вашей матерью – одно лицо. Вы с моими детьми похожи капля в каплю.

Младшие дети засмеялись, старшие – заплакали. Госпожа Шлемиль сказала:

– Мало того, что и так Шлемиль, он еще и спятил. Что мне теперь делать? Я не смогу, уходя на базар, оставлять на него детей. Кто знает, что безумцу взбредет в темя? – Обхватила голову руками и завопила: – Господи, что я сделала, чем заслужила такое?

Она все же постелила Шлемилю чистую постель, и хотя он днем прикорнул у кузницы, едва голова его коснулась подушки, он тут же провалился в сон и вскоре уже громко храпел. Ему снова снилось, что он царь Хелма, и жена его, царица, напекла ему полную миску блинов. И с сыром, и с голубикой, и с вишней, все они посыпаны сахаром с корицей и плавают в сметане. Шлемиль съел двадцать блинов зараз, а остатки спрятал в корону – на потом.

Утром, когда Шлемиль проснулся, в доме было полно народу. Госпожа Шлемиль – глаза ее покраснели от слез – стояла в толпе. Шлемиль собрался было выбрать жену за то, что та привела в дом столько чужих людей, но потом вспомнил, что и сам здесь чужой. Дома он бы встал, умылся, оделся. Теперь же в присутствии всех этих людей он не знал, как себя вести. Он принялся чесать в затылке и тереть бороду, как делал всегда, когда смущался. Наконец, преодолев смущение, он решил встать. Откинул одеяло и спустил босые ноги

на пол.

– Не дайте ему убежать! – закричала госпожа Шлемиль. – Он уйдет, и кто я буду – брошенная жена без Шлемиля.

И тут вмешался Борух, пекарь.

– Давайте отведем его к старейшинам. Они придумают, что делать.

– Правильно! Давайте отведем его к старейшинам, – согласились все.

Шлемиль пытался возразить, что поскольку живет в Хелме Первом, здешние старейшины над ним никакой власти не имеют, но молодые мужчины надели на него штаны, башмаки, пальто и шляпу и повели его в дом Гронама Вола. Старейшины, уже прослышавшие о случившемся, собрались там с утра пораньше, чтобы решить, как надлежит поступить.

Когда толпа ввалилась в дом, Тупица Лекиш как раз говорил:

– А что, если и впрямь имеется два Хелма?

– Если есть два, то почему бы не быть трем, четверем или даже сотне Хелмов? – перебил его Сендер Осел.

– И даже если есть сто Хелмов, разве обязательно в каждом из них должно быть по Шлемиллю? – вставил Шмендрик Олух.

Гронам Вол, глава всех старейшин, выслушал все доводы, но еще не собрался с мыслями. Однако лоб его избороздили глубокие морщины, а это означало, что он глубоко задумался.

Распрашивал Шлемиля сам Гронам Вол. Шлемиль рассказал обо всем, что с ним произошло, и когда закончил, Гронам спросил:

– Ты меня узнаешь?

– Конечно. Вы – Гронам Вол.

– А в вашем Хелме тоже есть Гронам Вол?

– Да, есть там Гронам Вол, и он с вами – одно лицо.

– А не может быть, что ты развернулся и вернулся в Хелм? – осведомился Гронам.

– Зачем мне было разворачиваться? Я не ветряная мельница, – ответил Шлемиль.

– Раз так, значит, ты – не муж госпожи Шлемиль?

– Нет, не муж.

– Значит, муж госпожи Шлемиль, настоящий Шлемиль, ушел в тот день, когда появился ты.

– Похоже, что так.

– Раз так, то он, возможно, вернется.

– Возможно.

– Раз так, тебе надлежит дожидаться его возвращения. Тогда мы и пойдем, кто из вас кто.

– Уважаемые старейшины, мой Шлемиль уже вернулся, – завопила госпожа Шлемиль. – Два Шлемиля мне не нужны. Одного более чем достаточно.

– Кем бы он ни был, пока все не разъяснится, он не может жить в твоём доме, – настаивал Гронам.

– А где мне жить? – спросил Шлемиль.

– В богадельне.

– Что мне делать в богадельне?

– А что ты делаешь дома?

– Б-же милостивый, а кто же будет присматривать за детьми, когда я пойду на базар? – зарыдала госпожа Шлемиль. – Да и муж мне нужен. Лучше уж хоть Шлемиль, чем вообще никакого мужа.

– Разве мы виноваты, что твой муж тебя бросил и отправился в Варшаву? – сказал Гронам. – Подожди, пока он вернется домой.

Госпожа Шлемиль горько плакала, и дети тоже плакали. Шлемиль сказал:

– Как странно... Моя жена всегда меня бранила. Дети огрызались. А эта чужая женщина и чужие дети хотят, чтобы я жил с ними. Сдается мне, Хелм Второй будет лучше Хелма Первого.

– Погодите-ка, я кое-что придумал, – перебил его Гронам.

– И что же ты придумал? – поинтересовался Зайнвл Остолоп.

– Раз мы решили отправить Шлемиля в богадельню, городу придется нанять кого-то, кто будет смотреть за детьми госпожи Шлемиль, чтобы она могла уходить на базар. Так почему бы нам не нанять Шлемиля? Да, он не муж госпожи Шлемиль и не отец ее детей. Но он так похож на

настоящего Шлемиля, что дети будут чувствовать себя с ним, как с родным отцом.

– Замечательная идея! – воскликнул Файвл Бестолочь.

– Разве что царь Соломон мог бы найти такое мудрое решение, – согласился Трейтл Дурачина.

– Столь умный выход могли придумать только у нас в Хелме, – вторил им Шмендрик Олух.

– Сколько ты хочешь получать за то, что будешь присматривать за детьми госпожи Шлемиль? – спросил Гронам.

Шлемиль так растерялся, что ответил не сразу:

– Три гроша в день, – сказал он.

– Идиот, кретин, болван! – завопила госпожа Шлемиль. – Что такое нынче три гроша? Меньше чем за шесть не соглашайся. – Она бросилась к Шлемилю и ущипнула его за руку. Шлемиль вздрогнул и заорал:

– Она щиплетя ну прямо как моя жена!

Старейшины посоветовались между собой. В средствах город был ограничен. Наконец Гронам Вол объявил:

– Три гроша, может, и слишком мало, но шесть грошей – это определенно слишком много, особенно для чужака. Мы пойдем на компромисс и будем платить тебе пять грошей в день. Шлемиль, ты согласен?

– Да, только скажите, надолго ли эта работа?

– Пока настоящий Шлемиль домой не вернется.

Решение Гронама скоро стало известно всему Хелму, и жители восхищались мудростью Гронама и старейшин города.

Поначалу Шлемиль пробовал оставлять себе пять грошей, которые платил ему город.

– Раз я не твой муж, значит, не должен тебя обеспечивать, – сказал он госпоже Шлемиль.

– В таком случае, раз я не твоя жена, я не должна тебя кормить, штопать тебе носки и чинить одежду.

Поэтому Шлемиль, конечно же, стал отдавать заработанное ей. Впервые госпожа Шлемиль получала от Шлемиля хоть какие-то деньги на хозяйство. Теперь, когда она бывала в хорошем настроении, госпожа Шлемиль говорила ему:

– Жаль, что тебе не пришлось в голову отправиться в Варшаву десять лет тому назад.

– Неужели ты никогда не скучаешь по мужу? – спрашивал ее Шлемиль.

– А ты-то? Ты по жене не скучаешь? – спрашивала в ответ госпожа Шлемиль.

И оба признавали, что их вполне устраивает нынешнее положение дел.

Шли годы, никакой Шлемиль в Хелм так и не вернулся. Старейшины находили этому множество объяснений. Зайнвл Остолоп был убежден, что Шлемиль перебрался через Черные горы и был съеден заживо обитающими там людоедами. Тупица Лекиш считал, что Шлемиль скорее всего попал в замок Асмодея, где его заставили жениться на дьяволице. Шмендрик Олух пришел к выводу, что Шлемиль забрел на край света, откуда и свалился. Было и множество других предположений: например, что настоящий Шлемиль потерял память и попросту забыл, что он Шлемиль. Случается и такое.

Гронам не хотел навязывать другим людям свое мнение; однако он был убежден, что Шлемиль попал в другой Хелм, где живет точно так же, как тот Шлемиль, который

оказался в их городе. Его наняла местная община, он смотрит за детьми другой госпожи Шлемиль и получает пять грошей в день.

Что до самого Шлемиля, то он уж и не знал, что думать. Дети подрастали, еще немного времени и они смогут сами о себе заботиться. Иногда Шлемиль сидел и думал: где же другой Шлемиль? Когда он вернется домой? Что подельывает моя настоящая жена? Ждет ли она меня или завела себе другого Шлемиля? Но найти ответы на эти вопросы он не мог.

Порой у Шлемиля по-прежнему возникало желание отправиться путешествовать, но он никак не мог заставить себя двинуться в путь. Что толку пускаться в дорогу, которая ведет в никуда? Часто, когда он сидел в одиночестве и размышлял о странностях

мира, мысли его начинали путаться,
и он тихонько напевал себе под
нос:

*Ôá, êòí Ôáëí ÿíêêääáò,
Â Ôáëí ÿííääáò.
Ôá, êòí á Ôáëí á ÿíòáëíí,
Â íáí ÿðááúääò.
Âíí áí ðíæ áááò á Ôáëí.
Ë ááíí ì êð - íáíí ì úé Ôáëí.*

*ÿ ááááá ñ áí æêêéííá
Â. ÿ ðíðéíáé*

Или на местном наречии – Суть дела. Точка в точку как формулировал Классик: Бенья говорит мало, но он говорит смачно. Бенья говорит мало, но всегда хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь.

Аִוִּי-עֵאָאָ

נֹאִיָא

Вдоль этого бесконечного забора плелся когда-то наш допотопный трамвай. И кондукторша объявляла в прицепке:

– Мебельная фабрика! Следующая – тюрьма! – И дергала за веревку.

Ехали гладкие деревянные скамейки, составленные из планочек, как тетрадка в линейку. Качались на ремешке черные хваталки. Солнце перемещалось, стреляя из каждого окна. Тень тюремного забора накрывала трамвай, но мальчик смеялся, а девочка читала толстую книжку.

– О, забор уже! – вскакивала старушка. – Сейчас сходите? В тюрьме сходите?

– Да пропущу тебя, бабка! – отвечал высокий мужчина. – Отсидеть, что ли, торопишься?

И весь вагон с благодушием грохотал.

– Тюрьма! – кричала кондукторша. – Кто тюрьму спрашивал?.. Остановка – тюрьма!

ПОРТРЕТ

יְאִי יְוֵה אִי־דֵּ דֵּאֵוִי אִיָא

В завкоме знали, что мой друг неплохо рисует, и часто поручали ему оформить плакаты и лозунги – подновить к празднику. Он, конечно, не возражал. Это было вроде отдыха для него: сидишь в тихой комнате, букву за буквой выводишь, а зарплата идет. И все мысли веселые, о празднике.

Сталину исполнилось семьдесят лет. Он родился, если помните, 21 декабря – день особенный, самый короткий в году.

Мой друг перерисовывал портрет товарища Сталина. Однако от избытка чувств и сильного волнения рука слушалась его плохо. И он прибег к старому способу всех самоучек – расчертил лист на квадраты, бережно перенося дорогие черты из одной клетки в другую. То был известный портрет Сталина в форме генералиссимуса.

Прогудел гудок. Неслышно ушла первая смена. Друг включил электричество и посмотрел на свою работу.

Лампочка была сильная, 500 свечей, без абажура. И больно била по глазам. А он все стоял и смотрел в противоположный угол. Там, сквозь карандашную сетку, улыбался товарищ Сталин. В дверь постучали. Друг не открыл. Завклубом позвал его – не ответил. Стоял у стены, наискосок от портрета, и боялся пошевелиться.

– Уходя, гасите свет! – проворчал завклубом. – Все неграмотные стали! И тяжело затопал по коридору.

Друг работал всю ночь. Спешил. Рука отвердела. Что, если кто-нибудь застанет меня здесь и увидит то, что я вижу, – лицо товарища Сталина в решетчатом окошке?

Товарища Сталина за решетку упрятал!

Никогда в жизни не было ему так страшно.

עֵאָדֵּא יְאִי יְאֵי־עֵּ עֵּוֹאִבִּי עֵּאֵ

...И сразу – католический Храм за оградой. Золотая табличка на древней стене: построен Жилиярди, охраняется государством...

Вот там-то, на этом дворе, и проистекают наши футбольные радости. «Отдай!» – кричат мне, но я бью левой, и латаный кособокий мяч выбивает церковное стекло.

Мы выпускаем дух – воздух далекого года. Застываем в прыжке и наклоне, с раскинутыми руками, размахнувшись ногой. Слышу тягучий хрустальный звон. Брызнувшие осколки падают и кружатся, будто снежинки. И никак не могут упасть.

И тут появляется некто в черном одеянии. Широкой ладонью похлопывает по мячу. Улыбается. Манит нас пальцем... И этот дружеский простоватый жест действует, как порыв ветра.

Нас сметает и выметает. Мы бежим со двора. Вспять по Малой Лубянке.

Мимо серого небоскреба. Мимо черных автомобилей. Мимо каменных часовых с примкнутыми штыками. Мимо сверкающей вывески, скромной и строгой:

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Черный человек вздыхает, покачивая головой. Оставляет мяч на крылечке. И не спеша возвращается в Храм, охраняемый государством.

Ī ēī ōāñ Ēīō

ĀĪĈĀŌŌ ĀDĀĪ ĀĪĒ

12 августа 1952 года тайно расстреляли ЕАК – Еврейский Антифашистский Комитет. 13 января пятьдесят третьего публично ошельмовали врачей. Я, московский школьник Пинхас Коц, прожил эти полгода. А после – еще полвека. Не претендую на глубокую философию и глобальные выводы. Только свидетельствую и размышляю.

Когда-то такая бытовала байка про Троцкого. Как местечковые жители, чуть ли не родственники, в надежде на помощь и послабление навестили вождя. А он спровадил их с гордым прикидом: **Я НЕ ЕВРЕЙ, Я РЕВОЛЮЦИОНЕР!**

Соломон Абрамович Лозовский – ровесник Троцкого, годом постарше. В партии – с 1901-го... Исключен на переломе века, в позднесталинскую эпоху. Главный обвиняемый по делу ЕАК. И на допросе его пригвоздили: **ВЫ НЕ РЕВОЛЮЦИОНЕР, ВЫ ЕВРЕЙ!**

Летом 1952 года убивали евреев, считавших себя (и весьма основательно) революционерами. Шахно Эпштейн, ответственный секретарь Антифашистского комитета, избежал общей участи, заблаговременно переселившись на кладбище. А вскоре после революции В.И. Ленин лично вызвал Эпштейна, и передал ему знаменитое письмо американским рабочим, которое тот повез в Америку. Был там редактором коммунистической газеты, а позже – на других работах, о чем могу доложить Военной коллегии особо.

Так рассказывает Иосиф Сигизмундович Юзефович (Шпинак), бывший подпольщиком в Америке и тайным осведомителем на Родине... Что до Эпштейна, характер его деятельности раскрывает Лозовский. Прямыми словами. Без обиняков:

Эпштейн на протяжении нескольких лет выполнял работу иностранного отдела НКВД. И когда здесь намекают, что являлся агентом какой-то державы, то я говорю: Эпштейн был агентом державы, называемой СССР.

Они служили не за страх, а на совесть. Верой и правдой. По чести и без корысти. Как Илья Семенович Ватенберг – сын бедного еврейского эмигранта, член американской компартии, выпускник Колумбийского университета, адвокат. Выручал (и выручил!) советское золото. Пять миллионов долларов в слитках.

Когда оно прибыло в Америку, судебные чиновники наложили арест. Белые эмигранты требовали вернуть его по принадлежности.

О чем, собственно, речь – сейчас поясню.

14 декабря 1917 года произошла национализация банков. По отчету современника, все ценные вещи (благородные металлы, предметы из платины, золота, серебра, драгоценные камни, жемчуг, иностранная валюта) подлежали конфискации. Их изымали из сейфов для невозможности опознания. С этой целью вынимаемые кольца, брошки и прочие украшения бросались в одну кучу.

Такой способ действий применялся в отношении ювелирных и антикварных изделий... Новая власть не была уверена в своей долговечности и стремилась к тому, чтобы никто не сумел установить прежних владельцев.

Меня провели в кладовую, – говорит современник. – Повсюду – золото и драгоценности. Камни без оправы – на полках, кучками. Золотая оправа без камней – в картонной коробке. В ящике около входа – полно колец.

– Выбирайте! – махнул сопровождающий. – Ильич написал, чтобы взяли побольше. – И улыбаясь, посветил фонарем. – Все это добыто капиталистами путем ограбления народа. Теперь пойдет на благое дело – экспроприацию экспроприаторов. Берите побольше... Да здравствует мировая революция!

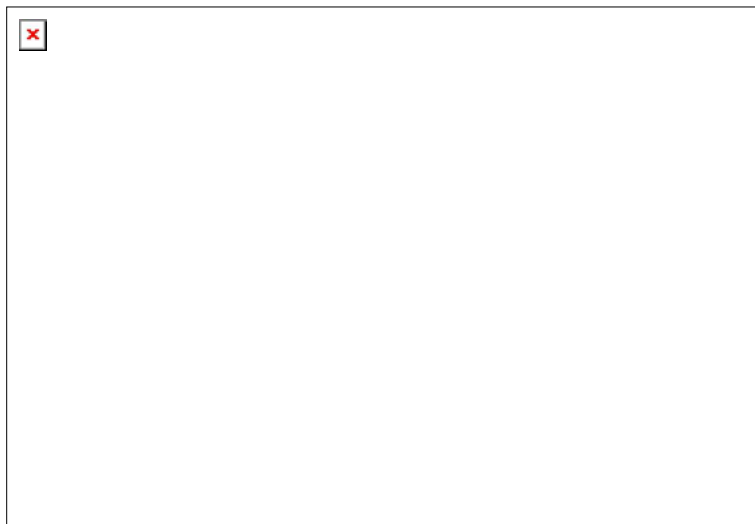
При Виссарионыче, в «год великого перелома» (1929), понадобились деньги на индустриализацию. И вот Ватенбергу следовало доказать, что золото не оттуда, не из той кладовой. Свежее, чистенькое! Только-только намыли!..

Обратимся, однако же, к стенограмме.

Ватенберг. Нам удалось выиграть в судебных инстанциях. Тогда начался целый ряд нападок на Советский Союз... По экспорту леса выдвинули обвинение, что лес в СССР заготавливается и транспортируется каторжным трудом, а так как в Америке есть закон...

Председательствующий. Это не относится к делу!

Коммунист по убеждениям, буржуазный правовед по образованию – Ватенберг столкнулся с советской юстицией, то бишь справедливостью по-советски.

Следователь не все пишет, что говорит арестованный и, кроме того, толкует показания совсем иначе. Его интересует только признание вины. Был протокол, не касающийся меня, и вдруг попадаете вопрос: вас, как агента американской разведки... Я отвечаю: «Вы знаете, что я не агент американской разведки... Вам же первый прокурор вернет дело. Тут нет и следа, что меня вербовали, что я что-нибудь совершил... Как же вы пишете, что я агент, когда нет никаких данных?» С первого дня

мне твердят: «Ты преступник, невиновных здесь не держат»... Как я завидую революционерам, которые стояли против царской охраны или американской полиции!

Председательствующий. Правду нужно везде говорить, а скрывать – от врагов.

Ватенберг. Абстрактной правды нет. Правда классовая. А раз так, тогда думаешь: может, следователь действительно прав...

Борис Абрамович Шимелиович – главный врач Боткинской больницы – всю жизнь равнялся на старшего брата Юлия. Тот героически погиб 2 января 1919 года. Советский

писатель Даниэль назвал в его честь сына – будущего диссидента Юлия Даниэля и написал одноименную повесть «Юлис» – о трагической судьбе Виленского совдепа. Авторская инсценировка – «Фир тег» («Четыре дня»; идиш – Ред.) – шла во многих еврейских театрах, даже в Америке.

Поставил ее в 1931 году и ГОСЕТ – Государственный еврейский театр. Консультируя спектакль, Шимелиович познакомился и сошелся с исполнителем главной роли Соломоном Михайловичем Михоэлсом, который и ввел его впоследствии в Антифашистский комитет.

Младший Шимелиович по части подвигов не уступил старшему. Юлий Абрамович предпочел застрелиться, не сдаваясь врагу. Борис Абрамович не свернул с пути до конца. Едва ли не единственный выстоял на допросах. Чуть ли не первый, открытым текстом, заговорил о пытках, избиениях, унижениях...

Когда я зашел к министру (государственной безопасности), он сказал: «Посмотрите, какая рожа!» И, будучи недоволен моими ответами, распорядился: «Бить смертным боем». Слово «бить» услышал я в первую же встречу. На экзекуциях семь человек непосредственно участвовали в избиениях. Там был секретарь министра – полковник в гражданском платье. Я получал в течение месяца, с колебаниями в ту или иную сторону, примерно по 80-100 ударов в сутки, а всего, по-моему – около двух тысяч. Следователь говорил мне: «Видите, что обещал, я выполняю. Если будете не в состоянии ходить, мы притащим вас на носилках и будем бить и бить».

Шимелиович настаивал, чтобы таким следователям запретили бы на допросах читать классиков марксизма-ленинизма. А те, мало того сами читают – рекомендуют подследственным. Вот, дескать, проштудируйте-ознакомьтесь, как освещают Ленин да Сталин национальный вопрос... И невинные люди, подобно Леону Яковлевичу Тальми, каялись, что виноваты.

Леон Тальми (Лейзер Тальминовицкий) – уроженец местечка Ляховичи прежней Минской губернии. А в советской Москве согласно ордеру на арест проживал в Капельском переулке, дом 13, квартира 17. Там, на лестничной той площадке, обитал мой, Пинхаса Коца, долголетний сосед по парте, местный интеллигентный мальчик, который из лучших побуждений остерегал меня шепотом полвека назад: «Вас всех скоро вышлют!»

В тоске и тревоге пялился я на сверкающую табличку – КАПЕЛЬСКИЙ ПЕРЬ, кажется, с «ером» и, точно, с десятичным I.

– Как новенькая! – вздыхал я.

А лысый высокий дядька:

– Да, будто вчера повесили...

Это был – вполне мог бы быть (в сослагательном наклонении) – Лейзер Тальминовицкий, если бы его к тому времени не посадили...

Следователь долбил и вдалбливал: евреи – подлый и грязный народ. Негодная сволочь! Все партийные оппозиции – сплошь из евреев. После войны затаились и шипят против советской власти...

Я, – говорит Лозовский, – ошеломлен заявлением, что евреи хотят истребить русских... что я должен признать обвинения, иначе меня передадут другим следователям... а дальше – «математическая формула», которая не помещается в стенограмму...

Какая формула? Да та самая: Икс плюс Игрек равняется И краткое.

Я, – говорит Лозовский, – подписал глупости и несуразности потому, что они пойдут в руководящие органы и люди там, прочитав этот абсурд, поймут: Лозовский либо сошел с ума, либо здесь что-то неладно.

Нет, уважаемый Соломон Абрамович, все путем. Просто советская власть очередной раз перестраивалась и обретала нового врага. То бишь покамест не обрела, а (в инговой форме) находилась в процессе обретения.

Я же, московский школьник Пинхас Коц, с бабушкой из Ляхович, с папой из Слуцка и мамой из Минска – мы как бы не разобрались в местной грамматике, перепутавши совершенный и не совершенный вид.

Власть и мы – both were trembling: мы трепетали, а власть вибрировала и колебалась. Извести ли нас, переместивши на Крайний Север и Дальний Восток? Срочно ассимилировать, обратив в советских «марранов»? Не вернее ли применить оба метода: кого уморить, а кого – в «марраны»?

Удивительно, что я, Пинхас Коц, пускай смутно, а представлял, кто такие «марраны». Но рифма «бараны» не постучалась в мой черепок.

Должно быть, она преследовала еврейских писателей – Бергельсона, Гофштейна, Квитко, Маркиша, Фефера и донимала народного артиста Вениамина Львовича Зускина...

Практикуемое фашистами физическое устранение евреев отворило глаза. Отверзлись вещие зеницы. Ведь ассимиляция, по сути, – то же уничтожение, только моральное, постепенное, растянутое во времени. Не будет народа – не будет еврейской культуры. И наоборот, не будет еврейской культуры – не будет народа.

Между тем советские деятели еще в годы революции (и независимо от национальной масти) вступили на ту дорогу. Предполагалось, что русские перестанут быть русскими, татары – татарами, армяне – армянами, калмыки – калмыками... Казалось бы, вековая мечта! Главный классик – наше местное все – воспевал грядущее:

*когда народы, распри позабыв,
в великую семью соединятся.*

И советский классик (через сто лет) вроде бы развивал эту идею:

*...чтобы в мире
без России,
без Латвий
жить единым
человечьим общежитьем.*

Но согласитесь, одно дело – семья, а другое – общежитие, общага. Или, как выражались до диалектического материализма: рабочая казарма.

Да и война быстро развеяла классовые, коминтерновские грезы. Слоган «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» сменился иною газетною шапкой: «Смерть немецким оккупантам!» А советская культура утвердилась на хитром фундаменте: национальная по форме, социалистическая по содержанию. Одной попой на двух стульях!

И вспомнился Лев Николаевич Толстой. Старец читал молодого исследователя под местным псевдонимом. Вот те на! – говорит. – Так он еврей! Никогда б не подумал, что еврей – и не верует. У нас-то у всех: у русских, хохлов, поляков – своя земля. А коли еврей без веры – он уже к третьему поколению не еврей... Другого-то ничего нет.

Воевать в диаспоре против двух И, – что с Ивритом, что с Иудаизмом – есть национальное самоубийство. А подавать в правительство «крымский проект» – о заселении евреями северной (степной) части полуострова – самоубийственный шаг в личном плане. Но ветеран рабочего движения, номенклатурный партаппаратчик Лозовский и осторожный беспартийный Михоэлс пошли на это – шагнули в бездну.

Лозовский говорил на суде:

Фамилия моя – Дридзо. Ее нельзя перевести ни на какой язык. По легенде, которая переходила от отцов к сыновьям, один из отдаленных наших предков покинул Испанию, когда Главный инквизитор издал декрет о переходе в католичество... Мой отец был преподавателем. Знал Талмуд, знал хорошо древнееврейский, писал на нем какие-то стихи. Научил меня еврейской грамоте, молитвам и русской грамоте. Я был религиозным примерно до 13 лет.

А потом? Потом, вероятно, стал революционером, разделив мир по классовому принципу, где сытые разноплеменные толстопузы держатся друг за дружку, а голодные бедняки разобщены. Так надо сплотиться, сомкнуть ряды, отобрать несправедное богатство (грабь награбленное!) и построить новое общество... Как социал-демократ, как большевик-ленинец Лозовский вдохновлялся «Интернационалом» в переводе дальнего и непрямого моего родственника.

*Когда же гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все то же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.*

Но пролетарские битвы (в мировом масштабе), как бы сказать, припозднились. А гром грянул над евреями! Над всеми. Без разбора. Богатыми, бедными, глупыми, гениями. Жадными, щедрыми, верующими и безбожниками. Над коммунистическими фанатиками и маклерами-биржевиками. Над католическими монахами и лютеранскими пасторами. Над торгашами и физиками. Над русскими, немецкими, французскими, польскими, венгерскими поэтами. Над состоящими в смешанных браках...

И Соломон Лозовский вспомнил, что он Дридзо. А Соломон Михоэлс не забывал никогда, что Вовси. Само собой, не отшибло память у Маркиша, Бергельсона, Гофштейна, Квитко. И даже у Фефера – комиссара еврейской литературы.

В годы войны сочинил он стихотворение «Я еврей» – националистическое на процессе и не реабилитированное после: отсутствует в «оттепельном» сборнике (1958) как «просталинское» с положительным, натурально, упоминанием Кагановича. Приведу несколько строк по прозаическому подстрочнику из американского справочника «Литература на идиш»:

The angry sword of pain and sadness has not destroyed my possessions – my folk, my faith, and my flowering, it has not chained my freedom. From under the sword I shouted: «I am a Jew!»

Или в нашем свободном переложении:

*Мечом войны, что выхвачен
из ножен,
Клинком, отяжелевшим от беды,
Я не изрублен. Нет, не уничтожен.
И верю: зацветут мои сады.
Велик народ мой. Не ничтожен.
Я прокричу на тридцать морей,
Что жив, что тот же... Я – еврей!*

«Их бин а ид!» – как пели мы на Поминальном собрании в понедельник 12 августа 2002 года. Выступал бывший харьковский житель – гастролер из Германии. И произносил,

мерещилось мне, скорее по-немецки, чем на идише... Впрочем, тевтонское их наречие не укладывается в размер:

Ich bin ein Jude.

«А ты? – спрашивал Пинхас Коц. – Ты еврей?»

И опрокинув время в середину прошлого века, видел студента литинститута, что разложил себя на три доли: европейское имя, библейское отчество, местная фамилия.

Этот Эдуард Аронович Шухмин уподобился нынешнему кино-фантому, когда первая актриса присутствует на экране плотью, физически, вторая озвучивает за кадром, третья поет, четвертая пляшет (чечетку на крупном плане), пятая – на общем – обнажает интимные части в постельной сцене...

Наш трехчленный Псевдоним, без лукавства и притворства, отображал вненациональную советскую действительность, населенную героями-типажами. Старик. Старуха.

Начальник. Мальчик.

Девочка...

Но наша соседка Матрена Алексеевна Солнцева была русская старуха, а дворник Галя (Галия) – татарская... И где-то на краю, на далеком размытом фоне приютились (притулились) евреи.

Читая трехчленного Псевдонима, маститый теперешний классик, еще похожий тогда на лейтенанта, – Григорий Яковлевич -ов морщился и кривился, будто от кислого: что-то, мол, есть местечковое... Прокашливаясь, интересовался – паспортное ли имя

Эдуард?

– Да, – кивнул Псевдоним. – В честь поэта Багрицкого.

И был наотмашь проинформирован, что Эдуард Георгиевич Багрицкий – по одесской своей метрике – Давид Годелевич Дзюбин.

– Ну и что? – сказал Псевдоним. – Он ведь сам...

– Он-то сам, – не спорил -ов. – А вы?

У Псевдонима хватило ума, чтобы не обидеться. Просто вместо «А вы?» почудилось первое лицо: Багрицкий-де сам... А мы?.. Уж не от себя ли

самого ждал ответа будущий

классик?..

Как бы там ни было, предлагаем несколько текстов приблизительно полувекковой давности, написанных мальчиком Псевдонимом на коротком временном поводке, почти без дистанции, лицом к лицу с теми событиями, что, сделавшись уже историческими, еще оставались для нас бытовыми.

– Все это добыто капиталистами путем ограбления народа. Теперь пойдет на благое дело – экспроприацию экспроприаторов. Берите побольше... Да здравствует мировая революция!

Yä Ööi ei

ÖËÄÄ

Это не рассказ. И я не умею написать это как рассказ.

Ибо литература требует спокойствия. Отойди, автор, в сторонку, дай людям поговорить меж собой, хорошо ли, плохо сделать свои дела. Пусть учит их жизнь. И тебя вместе с ними.

Но если январь сорок седьмого года...

Очередь за хлебом, извивающаяся по всем уступам Кривоколенного переулка. И от хвоста к голове идет черная нищенка с тремя ребятишками, а от головы к хвосту – торговка, подпирающая животом плетеную корзину.

– Яйцы... кому яйца...

И на середине очереди, в центре ее, где стою я, пути женщин сходятся. «Маню!» – кричит торговка, а нищенка шепчет: «Галю», – и я впервые слышу украинский разговор.

Очередь продвигается туго. Нищенка поет о беде:

– И твий тату, Галю, вмер с голодухи...

Я выкупаю хлеб: 300 граммов по детской своей карточке и 250 – на иждивенческую.

Моя мать больна. Полгода как не работает. И вечером, проявляя чуткость, приходит прежний ее начальник. Он съедает половину нашего хлеба и пьет чай, щедро накладывая сахар. И говорит о послевоенных трудностях, которые мы непременно преодолеем. Взять жилищный вопрос – нашу, например, комнату. Конечно, и сыро, и тесновато... но ведь некоторые ютятся в землянках, бараках, подвалах...

Они думают, что я сплю, а я бодрствую на своем самодельном ложе: два стула и дверь от сарая. Изучаю наш потолок, разукрашенный плесенью. Ведь он такой же, как пол, верно? Значит, здесь мы живем?.. Стол, кровать, печка, шкаф – да как же оно умещается? Как не задохлись мы до сих пор?

– Ничего, Эсфирь Лазаревна, – утешает начальник. – Знаете, какая будет первая фаза? Черный хлеб бесплатно!

Мать улыбается.

А мне страшно. Сейчас полдня теряешь на очередь. А если будет бесплатно – это ж сколько народу набегит!.. Вижу Кривоколенный, Армянский, Телеграфный переулки, забитые толпой. Хорошо, у кого семья большая – друг друга подменяют. А я-то один!

И в школе пишу сочинение на вольную тему – «Хлеб». И меня вызывают к директору. И топоча сапогами, он кричит, где это я видел нищих в нашей советской стране и кто это умер у нас от голода...

– Распространяешь вражеские слухи! – кричит директор. – Таких, как ты, на фронте расстреливали... Докопаюсь, откуда что... Сообщим, куда следует. Там разберутся.

Нет, это не рассказ.

– Распространяешь вражеские слухи! – кричит директор. – Таких, как ты, на фронте расстреливали...

Докопаюсь, откуда что...

Сообщим, куда следует.

О×ЕÒÀËВ

Кто-то принес в школу старый, трехлетней давности, журнал «Звезда», и он путешествовал по классу: все мы читали там какую-то военную повесть.

Я сидел в углу, на последней парте, и тем не менее, когда журнал дошел до меня, не уткнулся носом в ту повесть, а посмотрел оглавление. Ибо характер имел дотошный, и что попадало в руки, выпускалось лишь после тщательного изучения... А может, истомленный нетерпением, я продлевал удовольствие, лениво листая страницы.

И вдруг: «М. Зощенко. Приключения обезьяны. Рассказ»

Был урок литературы. Наш Самуил Наумович, тощий седой старик, читал выдержки из «Доклада о журналах “Звезда” и “Ленинград”», мало что от себя прибавляя. Он читал:

– Наиболее крупной ошибкой журнала «Звезда» является предоставление своих страниц для литературного творчества Зощенко и Ахматовой.

Самуил Наумович замолчал, внимательно оглядел нас и сказал:

– Творчество – в кавычках.

Я толкнул соседа. И хотя в это самое время Самуил Наумович читал нам всякие нехорошие слова про Зоценко, именно про данный рассказ, мой сосед никакого интереса к журналу не проявил.

Зоценко для него (да и для нас) был человек из учебника. Мы относились к нему, как к другим изучаемым авторам – Льву Николаевичу Толстому, например. У него ведь тоже были ошибки: в «Войне и мире» неправильно Кутузова отобразил. И вызванные к доске, мы бойко крыли уважаемого Льва Николаевича, полагая, что ему от этого ни тепло, ни холодно.

И никто из нас не догадывался, что Зоценко, в отличие от Толстого, живой, то есть живет сейчас, сегодня, сию минуту, что квартира его – на такой-то улице и в таком-то доме. Встает по утрам, здоровается с соседями, слушает по радио, что о нем говорят...

В общем, был сорок девятый год. Январь.

Я забрал журнал и никому не показывал. Верно, испугался. Но благодаря страху понял, что держу в руках нечто ценное, – по силе страха определил степень редкости. Поди достань где-нибудь книжку Зоценко, а тем более этот рассказ.

Дома я прочел его, и он произвел на меня ошеломительное действие. Попросту не поверил и взялся читать сызнова. После третьего чтения обозвал себя дураком – ничего, мол, не смыслишь, надо с умными людьми посоветоваться...

Но умный человек, к которому я обратился за советом, испугался куда более моего. Обычно меня воспитывал, а тут отбросил журнал и закричал, что знать не знает никаких зоценок. Безоговорочно согласен с докладом!.. И меня тоже... меня тоже... не знает!

А в школе готовился вечер. Мы часто устраивали такие вечера то в нашей, то в соседней женской. И было даже негласное соревнование, чей вечер лучше, и девчонки последним своим вечером нас явно побили.

И вот пришел я к ребятам и говорю: есть замечательный, потрясающий, ужасно юмористический рассказ. И сразу давай читать... Ребята очень смеялись, заранее предвкушая, как девчонки будут посрамлены. А главное, я завоевал их уважение тем, что выучил наизусть такой огромный кусок прозы.

Через некоторое время состоялся генеральный прогон, на котором присутствовал директор. Он был вроде цензора и всегда внимательно слушал, часто даже просил повторить какой-нибудь номер.

А тут придрался к сказке «Репка». В

едуший говорил, что напрасно ее издают для детей младшего возраста, в аккурат она для старшеклассников: основная-то идея – борьба с индивидуализмом и воспитание коллективизма – дедка за бабуку и т.д. Так вот, директор сказал, что не следует подвергать осмеянию русскую сказку и вообще народное творчество. Это непатриотично... И «Репку» вымарали.

Но мне ничего не сказал. Ни слова осуждения не нашел для рассказа, который «глумится над советским бытом, советскими порядками, советскими людьми», как совсем недавно читал Самуил Наумович. И тысячи других учителей – историков и словесников – вкладывали нам это в голову по всей стране.

И тогда я испугался по-настоящему. Ну как-то еще допускал, что наш старый Самуил Наумович мог бы и не заметить столь вопиющие идейные изъяны. Но директор! Бдительный железный директор!.. Смеялся, слушая рассказ. Скалил лошадиные желтые зубы. Даже похлопал меня по плечу дружелюбно и поощрительно, дескать, не знал за тобою таких талантов. «Да я и сам не знал», – говорю. А он смеется.

Нашего учителя Самуила Наумовича не было на прогоне. Он бы непременно пришел, хоть и не отвечал за вечер, да открылась рана его, полученная в сорок первом году, в ополчении, вот и слег ненадолго. А я прочитал рассказ на вечере. Так и объявил: «Приключения обезьяны», – и никому в голову не стукнуло, что это ведь той обезьяны приключения.

Девчонки повизгивали от восторга, а, глядя на веселые лица ребят, я вдруг ощутил счастье. И забыл про опыт, который произвожу неизвестно зачем...

Но примерно к середине рассказа среди учителей пошел ропот и шепот. Уж больно много их собралось – и наши, и женские. Директор нахмурился, потом покраснел, потом пожелтел, потом протер очки, потом высморкался... Потом он встал и пошел на сцену, топая ногами.

А было смешное место, самое лучшее место в рассказе, и ребята так увлеклись, что не слышали шагов. А я слышал и видел его лицо, и знал, зачем он идет, а потому торопился рассказать до конца. Я слышал шаги за спиной, и чем ближе они были, тем громче орал. Вот про ту самую обезьяну, что забралась в клетку, потому что там спокойней. Потому что не обезьянье дело – человеческой жизнью жить... Ребята смеялись

– Концерт окончен! – властно сказал директор. – Танцев не будет, расходитесь... Расходитесь по одному... расходитесь!

На педсовете я рассказал все как есть. Мой классный руководитель Самуил Наумович сидел молча и не смотрел в мою сторону. Иногда морщился: видно, рана никак не хотела заживать... Я знал, что меня исключат, и ничего не боялся.

Но меня не исключили. Самуил Наумович объявил это на другой день.

– Ребята! – сказал он. – Сегодня я даю последний урок. К сожалению, некоторые обстоятельства вынуждают меня вас покинуть. Желаю вам крепкой дружбы. Дружите, как сейчас дружите. Помогайте друг другу. Стойте друг за друга стеной. – И ушел.

Потом мы узнали, что некоторые обстоятельства – совсем не рана, как мы сперва думали, а то, что на педсовете он принял мою вину на себя. Мол, персонально несет ответственность за вечер и, следовательно, все, что случилось, целиком его ошибка. Никким образом не намерен уклоняться... И уж директор не поскупился. Взвалил на него ответственность. Сполна.

К нам прислали учительницу. И хотя прежде мы не особенно любили Самуила Наумовича, теперь-то дотумкали, какой отличный учитель был наш старик. А пострадал из-за глупости, из-за моей ребячливости, из-за того, что я, видите ли, желаю сам убедиться... Надо было объяснить Самуилу Наумовичу. Уж он бы разоблачил этого Зоценку!

Мне было стыдно. Я возненавидел Зоценку и его рассказ, считая их первопричинами наших зол и бедствий. И пошел к Самуилу Наумовичу.

Обилие книг поразило меня. Полки были в комнате и в передней... Не понимал, зачем столько книг. Если нужно, походи в читальню, позанимайся. А у себя-то дома зачем держать? Здесь люди живут! Вот стол обеденный, вот буфет...

– Я знал, что ты придешь, – сказал Самуил Наумович.

И я сразу стал извиняться за свой поступок. А он подошел к полке, вынул толстую книгу в коричневом переплете и поманил меня пальцем.

– Ну-ка, – сказал, – почитай...

То была Литературная энциклопедия, изданная до моего рождения. Редактор – А.В. Луначарский. Первый том... Я стал читать, сперва ничего не соображая, статью об Ахматовой, настоящая фамилия которой оказалась Горенко... Но потом кое-как разобрался.

К тому времени, пытаюсь самостоятельно уразуметь, кто и в чем виноват, я вызубрил доклад наизусть. А в той книге, которая опередила доклад лет на двадцать, некий не известный мне Б. Эйхенбаум писал те же, затверженные мною слова. Я закрыл глаза и произнес фразу по памяти, затем открыл и увидел напечатанной. То же самое. Нет, не приблизительно то же, а точь-в-точь, буква в букву. И особенно поразило меня совпадение цитат:

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом...

И далее совершенно одинаково что энциклопедия, что доклад величали Ахматову «полублудницей и полумонахиней».

– А теперь Бориса Михайловича Эйхенбаума объявили космополитом... в сегодняшней газете.

Я почувствовал огромную ненависть к Самуилу Наумовичу. Зачем он это сказал? Я не знал всего этого и не хочу знать. Я ненавидел книги, которые он нежно поглаживал. Их надо было сжечь. Да, сжечь! Все до единой! Потому что, если останется хоть одна, я прочитаю ее, и вы не получите из меня того, что желаете получить.

Но потом я подумал о других людях. О тех, кто читал Литературную энциклопедию, а некоторые даже сами ее составляли... Как же им жить на свете?

– Зачем вы живете? – крикнул я Самуилу Наумовичу. – Если все знаете, зачем вы живете?

И он очень просто ответил:

– Я живу для того, чтобы ты тоже все знал. Вот теперь знаешь... Значит, я не напрасно живу на свете.

Был урок литературы. Наш Самуил Наумович, тощий седой старик, читал выдержки из «Доклада о журналах “Звезда” и “Ленинград”»...

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ЯНВАРЯ

2 ЯНВАРЯ

65 ёаò ì áú ёаёё работника органов государственной безопасности, начальника Главупра государственной безопасности НКВД СССР **Якова Сауловича (Шевель-Шмаевича) Агранова** (наст. фамилия Сорендзон; 1893, Чечерск Гомельской губ. – 1938, расстрелян в Москве).

115 ёаò ì áú ёаёёёё живописца, скульптора, профессора Вхутемаса, одного из основоположников светомузыкального кинетизма в искусстве, изобретателя полихромной палитры, состоявшей из последовательно расположенных красок, фотохронометра, представляющего собой усовершенствованную лупу, благодаря которой математически определялись масса, величина, цвет, чистота и свечение драгоценных камней, «оптофона» – цвето-звукового пианино и «хамелеона» для маскировки военных объектов, получившего впоследствии название «камуфляж», автора картин «Апокалипсис», «Материнство» и др. **Владимира (Шулима-Вольфа) Баранова-Россинэ** (1888, село Большая Лепатиха Таврической губ. – 1944, погиб в Освенциме).

2 ЯНВАРЯ

120 лет со дня рождения политического деятеля, секретаря Учредительного собрания, одного из руководителей партии эсеров, профессора русского юридического факультета при парижском Институте славяноведения, одного из основателей и соредатора журнала «Современные записки» Марка (Мордехая) Вениаминовича Вишняка (1883, Москва — 1976, Нью-Йорк).

75 ёаò ìì äíÿ õíæääéÿ живописца, одного из лидеров московских художников-«нонконформистов», автора работ «Скрипка на кладбище», «Эмигрантский натюрморт» и др. **Оскара Яковлевича Рабина** (р. 1928, Москва).

3 ЯНВАРЯ

120 лет со дня рождения участника революционного движения, государственного деятеля, секретаря МК РКП(б), в честь которого назван город Загорск, **Владимира Михайловича Загорского** (наст. имя и фамилия Вольф Михелевич Лубоцкий; 1883, Нижний Новгород – 1919, погиб при взрыве здания МК партии, осуществленном «анархистами» подполья, похоронен в Москве на Красной площади).

4 ЯНВАРЯ

30 ёаò ìì äíÿ ìì äòè кинорежиссера, сценариста, оператора, народного артиста РСФСР, одного из зачинателей

советского географического фильма, организатора и ведущего телевизионного Клуба кинопутешествий, снявшего фильмы «Великий перелет», «Два океана», «Джувльбарс», «Ушелье Аламасов» и др., **Владимира Адольфовича Шнейдерова** (1900, Петербург – 1973, Москва).

6 ЯНВАРЯ

165 ёаò ì ãíŷ рождения композитора, дирижера, руководителя Ливерпульского филармонического общества, профессора Высшей музыкальной школы в Берлине, автора опер «Лорелея», «Гермиона» и др. **Макса Бруха (Bruch)** (1838, Кельн – 1920, Берлин).

8 ЯНВАРЯ

65 ёаò ì ãíŷ ãëáëë военачальника, одного из создателей и организаторов химической службы Красной Армии, начальника и военкома Военной академия химической защиты РККА им.Ворошилова, корпусного комиссара **Якова Лазаревича Авиновицкого** (1897, Вильно – 1938, расстрелян в Москве).

10 ЯНВАРЯ

75 ёàò ì ãÿ ðæääéÿ биохимика, иммунолога, члена-корреспондента РАН, профессора МГУ, открывшего синтез эмбрионального белка, одного из создателей иммунодиагностики и онкологии, автора трудов по иммунологии, иммунобиологии, биохимии клетки, лауреата Государственной премии СССР **Гарри Израйлевича Абелева** (р. 1928, Москва).

12 ЯНВАРЯ

85 ёàò ì ãÿ ðæääéÿ артиста балета, балетмейстера, народного артиста СССР, руководившего рядом ансамблей народного танца, в т.ч. ансамблем танца Дагестана «Лезгинка», **Танхо Селимовича Израилова** (1918, Махачкала – 1981, Москва).

35 ёàò ì ãÿ ì àðòè (9 швата) общественного деятеля, раввина ряда городов США, президента Союза

ортодоксальных раввинов США рабби **Элиэзера Силвера (Silver)** (1882, Абели Ковенской губ. – 1968, Цинциннати, США),

14 ЯНВАРЯ

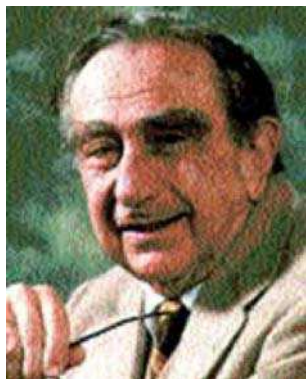

75 ёаò ì ãíý ðíæääéý физика, академика РАН, автора трудов по физике плазмы и управляемому термоядерному синтезу (диагностика плазмы, лазерный нагрев плазмы), лауреата Государственной премии СССР **Виктора Евгеньевича Голанта** (р. 1928, Ленинград).

15 ЯНВАРЯ

80 ёаò ì ãíý ðíæääéý актера, народного артиста СССР, снявшегося в фильмах «Отелло», «Обыкновенное чудо», «Новые приключения неуловимых», «Шапка» и др., **Евгения Яковлевича Весника** (р. 1923, Петроград).

95 ёаò ì ãíý ðíæääéý физика, члена АН США и Американской академии наук и искусств, одного из создателей теории бета-распада, теории рассеяния нейтронов,

установившего (совм. с другими) условия устойчивости симметричных конфигураций молекул, предсказавшего (совм. с другими) гигантский резонанс, участника создания американской атомной бомбы, руководителя работ по созданию водородной бомбы **Эдварда Теллера (Teller)** (р. 1908, Будапешт).

16 ЯНВАРЯ

70 *т̄ ай̄ ъ̄ ѓ̄ǣай̄ё̄* писательницы, члена Американской академии искусств и литературы, автора романов «Благодетель», «Обожатель вулкана», сборников эссе «Против интерпретации», «Под знаком Сатурна», «Спид и его метафоры» и др. **Сьюзен Зонтаг (Sontag)** (р. 1933, Нью-Йорк).

18 ЯНВАРЯ

100 *ё̄а̄ò т̄ ай̄ ъ̄ т̄ а̄òè ǣó̄д̄í̄ǣё̄ñ̄ò̄à* основателя жанра интервью, опубликовавшего беседы с Бисмарком, румынским королем Карлом, папой Львом XIII, турецким султаном Абдул-Хамидом и др., **Анри-Жоржа Бловица (Blowitz)** (наст. имя и фамилия Адольф Оппер; 1826, Бловиц, Богемия – 1903, Париж).

80 ёаò ìì áìŸ ðĭæááíéŸ государственного деятеля, создателя и руководителя разведслужбы ГДР, Героя Труда ГДР, генерал-полковника **Маркуса Вольфа** (р. 1923, Хехинген, Германия).

20 ЯНВАРЯ

65 ёаò ìì áìŸ æáááèè государственного и партийного деятеля, председателя Всеукраинского ревкома, наркома снабжения УССР **Михаила Моисеевича Майорова** (наст. имя и фамилия Меер Биберман; 1890, село Скородное Минской губернии – 1938, расстрелян в Москве).

60 ёаò ìì áìŸ æáááèè саблиста, обладателя золотых (1928, 1932 гг.) и серебряной (1928 г.) олимпийских медалей по фехтованию на саблях **Аттилы Печауэра (Petschauer)** (1904, Будапешт – 1943, концлагерь в Давыдовке, Украина).

55 ёаò ìì áìŸ ðĭæááíéŸ общественного и политического деятеля, правозащитника, инициатора создания и первого президента Сионистского форума, одного из основателей и президента партии «Израэль ба-алия», министра промышленности и торговли, внутренних дел Израиля **Натана (Анатолия Борисовича) Щаранского** (р.1948, Сталино).

23 ЯНВАРЯ

80 *éàò ìí äíÿ ìí àðòè* философа, писателя, публициста и общественного деятеля, одного из основателей Всемирной сионистской организации **Макса Нордау (Nordau)** (наст. имя и фамилия Симха-Меир Зюдфельд; 1849, Будапешт – 1923, Париж).

80 *éàò ìí äíÿ ìí àðòè* певца (лирико-драматический баритон) и режиссера, заслуженного артиста Республики, солиста и главного режиссера Мариинского театра, профессора Петроградской консерватории **Иоакима Викторовича Тартакова** (1860, Одесса – 1923, Петроград).

85 *éàò ìí äíÿ ðíæäíéÿ* биохимика и фармаколога, президента Американской ассоциации по исследованию раковых заболеваний, исследовавшей фармакологическое действие антиметаболитов нуклеиновых кислот, используемых как противовирусные и противоопухолевые средства, лауреата Нобелевской премии по химии (совм. с Дж. Блэком и Дж. Хитчингсом) 1988 года **Гертруды Белл Элайон (Elion)** (р. 1918, Нью-Йорк).

28 ЯНВАРЯ

120 лет со дня рождения цитолога, эмбриолога растений, члена-корреспондента АН УССР, директора Института ботаники АН УССР, автора трудов по опылению и оплодотворению, формированию эмбриона, апомиксису и полиэмбрионии **Якова Самуиловича Модилевского** (1883 – 1968, Киев).

120 éàò ì ãíŷ ì áðè (25 швата) общественного деятеля, создателя религиозно-этического движение «Мусар», основанного на аскетизме, **рабби Исроэла Салантера** (наст. фамилия Липкин; 1810, Жагоры Ковенской губ. – 1883, Кенигсберг, Пруссия).

110 éàò ì ãíŷ ðíæáíéŷ общественного деятеля, основателя и первого президента фонда UJA (Объединенный еврейский призыв), президента Американской сионистской организации **Абы-Гилела Силвера** (Silver) (1893, Ширвинты Виленской губ. – 1963, Кливленд, США).

29 ЯНВАРЯ

115 éàò ì ãíŷ ðíæáíéŷ механика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по внутризаводскому, шахтному и карьерному транспорту, лауреата Государственной премии СССР **Александра Онисимовича Спиваковского** (1888, Екатеринослав – 1986, Москва).

30 ЯНВАРЯ

105 ёàò ìì äíÿ ðíæääíèÿ Героя Социалистического Труда, организатора производства, руководившего в годы Великой Отечественной войны крупносерийным производством двигателей для штурмовиков, генерал-майора инженерной службы **Михаила Сергеевича Жезлова** (1898, ст. Верхне-Чирская – 1960, Москва).

31 ЯНВАРЯ

80 ёàò ìì äíÿ ðíæääíèÿ писателя и публициста, автора романов «Нагие и мертвые», «Американская мечта», «Песнь плача», «Вечера в древнем Египте», документально-публицистических книг «Армия ночи», «Майами и осада Чикаго», детектива «Настоящие парни не танцуют» и др., лауреата Пулитцеровской премии **Нормана (Нохума-Мелеха) Мейлера (Mailer)** (р. 1923, Лонг-Бренч, США).

Кстати, акцентирование еврейства Христа можно понять как досаду г-на Шилова: «Жиды, дескать, как вши, и сюда пролезли». Терпение, г-н Шилов, терпение: вы видите причину гонений на нас в нашем Талмуде. Но изучение всего Талмуда требует многолетнего труда. Мало кто из евреев мог бы похвастаться, что изучил его полностью. Если следовать Шилову, создается впечатление, что испанцы, англичане, немцы, французы, русские столетиями только тем и занимались, что сверяли Тору и Талмуд и, найдя несоответствие, движимые праведным гневом, учиняли погромы. Далее можно сделать вывод, что болгары, грузины вообще читать не умели и хитрые евреи тысячи лет насмехались над ними, притворяясь друзьями.

Г-н Шилов, а как вам тот факт, что в середине XIX века в православной России, этом третьем Риме, не во всякой церкви можно было найти Библию?! Более того, считалось среди священников, что «это книга мирская и читать ее небезопасно». «Можно, де, с ума сойти» (М.С. Лесков. «Юдоль»). Что уж говорить о чтении Торы и Талмуда. А было все намного проще. Подобные Шилову «фарисеи», прочтя написанное столетия назад, собирали безграмотных соплеменников, которые верили на слово, так как проверять не могли да и не хотели, – и посылали их бить «жидов». А если, упаси Б-г, такой книжник был, например, должен еврею-ростовщику... Вот вам и разгадка. Конечно, она не такая высокоморализованная, как у Шилова, зато самая верная.

Окончание письма Шилова написано ну просто в лучших традициях «Колокола»: мол, эти похерили русский народ. Бей их, нехристей!

Знайте же, Шилов: когда Троцкому поступило предложение наряду с отрядами китайцев, латышей, немцев формировать революционные подразделения из евреев, тот отверг его. Во-первых, потому, что большевики были интернационалисты. Во-вторых, он прекрасно понимал, что общество в России еще не избавилось от черносотенских идей. И выпад по поводу еврейства Октябрьской революции есть подтверждение исторической безграмотности и ничем не прикрытого антисемитизма.

Шилов утверждает, что основатель черносотенного «Союза Михаила Архангела» молился за иудеев. Охотно верю. Иван Грозный тоже после кровавых оргий молился – и не просто молился, а молился неистово. Не согрешишь – не покаешься. Так, по Козьме Пруткову: «Нет ничего слюнявее и плюгавее русского безбожия и русского православия». Дворяне русские написали, не «жиды».

Не надо спорить с евреями – «Народом Книги». А если г-на Шилова так раздражает Библейская Б-гоизбранность наша, пусть станет буддистом или индусом. Впрочем, для таких людей, как он, важна не вера в Б-га, а доказывание, что только он этой веры достоин. Слава Б-гу, что с Ярославом Шиловым можно полемизировать на страницах журнала. Но как быть с теми, кто избивает нас не пером, а кулаками?

Уважаемая редакция, всегда с удовольствием читаю ваш журнал «Лехаим». Замечательно, что есть рубрика «Письма читателей». Двусторонняя связь просто необходима.

От этого журнал превращается в настоящего друга, дающего ощущение твоего единства с другими. Поэтому, прочтя сентябрьский номер, решил воспользоваться и написать. Надеюсь, мое мнение о статье «Источнику великой ненависти пора иссякнуть» будет интересно читателям.

*Ń óààeáí èáí
Áí äöé Ĩ öðááíá
Áí èáí äðáá*